Н. С. Карцовъ.

ЗАПИСКИ
по
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГІИ.

Для родителей и учащихся,

начинающихъ заниматься вопросами воспитанія.

Цѣна 70 коп.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

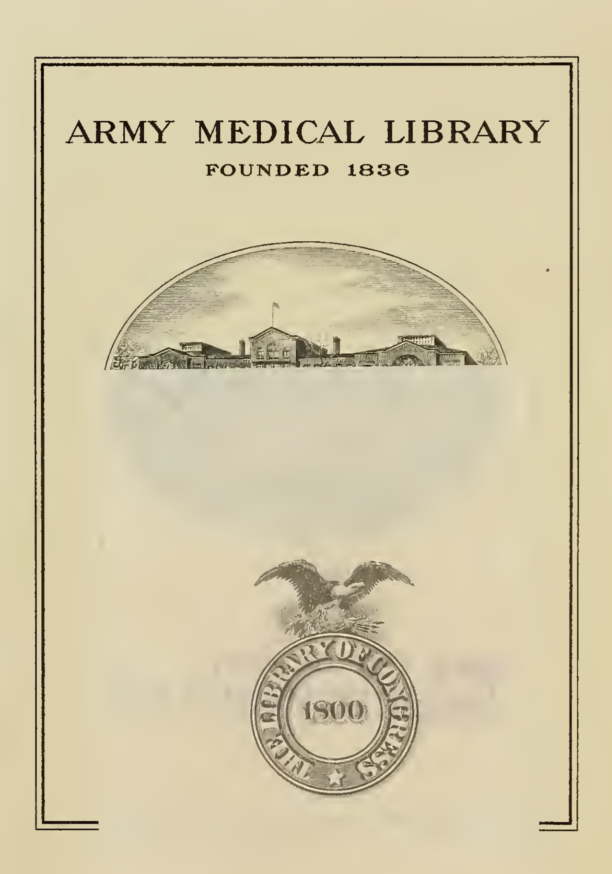
общихъ основъ до-школьнаго обученія

Указанія соотвѣтствующей литературы.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Н. П. Карбасникова

Петербургъ. Гостиный дв., 19. Москва. Моховая, д. Баженова. Варшава, Нов. Свѣтъ, д. 69. Вильно. Большая, д. Гордона.

ARMY MEDICAL LIBRARY
FOUNDED 1836
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Н. С. Карцовъ.

ЗАПИСКИ
по
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГІИ.

Для родителей и учащихся,

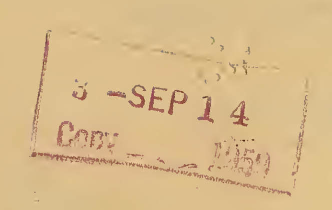
начинающихъ заниматься вопросами воспитанія.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

общихъ основъ до-школьнаго обученія

Указанія соотвѣтствующей литературы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Родникъ“, Невскій, 88.
1907.

-SEP 1 4

Оглавленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНІЕ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГІИ. Въ произведеніяхъ литературы мы найдемъ много случаевъ, когда люди не понимаютъ другъ-друга, и вслѣдствіе этого причиняютъ себѣ и другимъ много тяжелаго („Евгеній Онѣгинъ“, „Мцыри“, „Дурочка Дуня“, Майкова и т. д.). То же самое мы видимъ и среди окружающихъ насъ людей. Чтобы понимать другихъ, нужно не только самому многое испытать, но также умѣть наблюдать и вдумываться въ душевную жизнь окружающихъ. Наблюдать же и знать душевную жизнь, какъ свою собственную, такъ и другихъ людей учитъ насъ **психологія, наука о душевныхъ явленіяхъ**. Псюхе по гречески значитъ душа. Родителямъ же и вообще людямъ, занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, важно не только знать ихъ душевную жизнь, но имъ также важно знать условія, при которыхъ развиваются тѣ или другія черты характера, а также цѣли, къ которымъ долженъ стремиться воспитатель. **Объ условіяхъ и цѣляхъ воздѣйствія на характеръ ребенка говоритъ педагогика**, т. е. теорія воспитанія.

Изъ всѣхъ живыхъ существъ, человѣкъ, во время своего дѣтства, требуетъ наибольшихъ заботъ о себѣ; поэтому воспитаніемъ дѣтей люди занимались во всѣ времена. Когда же человѣчество сдѣлало значительные шаги въ умственномъ развитіи, то писатели, со временъ греческаго философа Платона, умершаго въ 347-мъ году

до Р. Х., стали посвящать много труда, чтобы установить цѣли образованія и выбрать лучшіе пріемы, какъ для воспитанія, такъ и для обученія. Такимъ образомъ появилась теорія воспитанія, или педагогика, интересъ къ которой въ послѣднее время возросъ, какъ никогда раньше. Самое слово „педагогика" перешло къ намъ изъ греко-римскаго міра, гдѣ педагогами назывались рабы, приводившіе и уводившіе дѣтей въ школу и изъ школы и вообще ухаживавшіе за ними; иногда эти рабы были очень образованы и продавались за большую цѣну.

Педагогика разбираетъ и физическую и духовную сторону воспитанія. Поэтому она пользуется указаніями **физіологіи**, т. е. науки о работѣ всѣхъ нашихъ органовъ, **анатоміей**, говорящей о ихъ строеніи; изъ этихъ наукъ мы узнаемъ роль и самый процессъ дыханія, пищеваренія и т. д.; педагогика пользуется и **гигіэной**, показывающей, какъ вліяютъ на здоровье различныя условія жизни. Для рѣшенія, какое должно быть у ребенка вниманіе, какая память и т. д., т. е. для рѣшенія вопросовъ, касающихся душевной жизни, она пользуется данными изъ **психологіи, т. е. науки, изучающей наши душевныя явленія**. Чтобы лучше понять, какъ складываются у человѣка мысли, идеи, мы ищемъ указаній въ **логикѣ, изучающей процессы нашего мышленія.** Для воспитателя важно также знать, что дѣлаетъ человѣка счастливымъ, знать его обязанности по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку и людямъ вообще, словомъ, быть знакомымъ съ ученіемъ о нравственности, что излагается въ той части философіи, которая называется **этикой** [1]). Серьезно изучить всѣ эти науки не легко, и педагогика, черпая изъ нихъ все, что касается воспитанія, облегчаетъ намъ это дѣло.

---

[1]) Для знакомства съ науками, лежащими въ основаніи педагогики можно рекомендовать: 1) Волковой и Вольфсонъ.—„Курсъ гигіэны", стр. 269 и 2) Кавелинъ. „Задачи этики", стр. 128, ц. 1 р.

РАЗДѢЛЕНІЕ ПЕДАГОГИКИ. Значительно расширившись со временъ повсюду чтимаго славянскаго педагога Амоса Коменскаго, умершаго въ 1670 году [1]), педагогика въ настоящее время достигла такихъ размѣровъ, что должна быть раздѣлена на части. Основная ея часть говоритъ о развитіи физическихъ силъ, развитіи ума, чувствъ и воли, напр., о развитіи физической ловкости, пріемахъ запоминанія, о развитіи всесторонности въ нашей умственной работѣ, о наказаніяхъ, наградахъ, умѣніи управлять своими дѣйствіями и т. д. Эта часть теоріи воспитанія называется **общей педагогикой.** Всѣ вопросы, касающіеся обученія, напр., количества занятій, порядка въ нихъ, процессовъ усвоенія и т. д., все это выдѣляется въ особую часть педагогики, именно, въ **дидактику.** Это слово взято также съ греческаго языка и означаетъ: касающееся обученія.

Въ истекшемъ столѣтіи высказаны были многіе взгляды о пріемахъ преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, напр., объ обученіи грамотѣ по звуковому способу, о пріученіи владѣть родною рѣчью, о способахъ ознакомленія со всей нумераціей, о пріученіи къ рисованію безъ клѣтокъ, прямо съ красокъ и т. д. Система теоретическихъ положеній съ ихъ основаніями относительно преподаванія отдѣльнаго предмета, напр., географіи, иностранныхъ языковъ, чистописанія и. т. д. составляетъ **методику** этого предмета. Слово методъ, отъ котораго произошло это названіе, значитъ по гречески путь, пріемъ.

Въ послѣднее время всестороннее изученіе ребенка, т. е. изученіе его физическихъ и душевныхъ качествъ,

[1]) Біографія Ам. Коменскаго интересна по заключающимся въ ней идеямъ, важнымъ и для нашего времени, интересна, какъ характеристика эпохи, и, наконецъ, по изображенію героизма самого Коменскаго. См. а) Модзалевскій, глава о Коменскомъ въ I т. его „Исторіи воспитанія“; б) Квикъ: „Реформаторы въ дѣлѣ воспитанія“, ц. 2 р. стр. 79—96.

объединяется въ особую область знаній—**педологію.** Корень пед въ этомъ словѣ заимствованъ съ греческаго, гдѣ имъ обозначалось понятіе: ребенокъ.

Есть еще отдѣлъ педагогики, это ея **исторія**. Здѣсь указывается, какъ складывалось дѣло воспитанія и обученія, и какіе высказывались взгляды относительно этого. Изъ исторіи педагогики мы лучше узнаемъ, что въ дѣлѣ воспитанія свойственно всѣмъ народамъ, и что намъ по преимуществу, что легко и что трудно измѣнить въ немъ [1]).

Педагогическая психологія, разбирая душевную жизнь человѣка, останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ вопросахъ, которые особенно важны для воспитателя, и при этомъ пользуется данными и изъ педагогики. Психологіей съ такимъ практическимъ направленіемъ мы и будемъ заниматься въ настоящемъ курсѣ.

Для обсужденія. 1) Что такое вообще теорія и практика какого-либо дѣла?

2) Если практика и теорія обыкновенно расходятся въ дѣйствительности, то можетъ ли теорія имѣть какое-либо значеніе?

3) Имѣютъ ли какое-либо значеніе для психолога изображенія людскихъ характеровъ въ поэзіи?

4) Что должно привлекать интересъ большого числа лицъ, какая-либо методика, общая педагогика, или дидактика?

---

[1]) По исторіи педагогики: „Квикъ: „Реформаторы воспитанія“ ц. 2 р.

ДУШЕВНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

ОТЛИЧІЕ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ОТЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ. Намъ кажется, что мы видимъ на лицахъ окружающихъ насъ людей ихъ мысль, ихъ скуку, удивленіе, слышимъ ихъ гнѣвъ, радость, словомъ, слышимъ и видимъ такія явленія, которыя всѣми согласно признаются душевными. Однако, можно, не вызывая въ себѣ почти никакого гнѣва, скуки, радости и т. д., придать лицу своему радостный видъ, испуганный, скучающій и т. д. Наоборотъ, можно серьезно обдумывать что-либо, очень скучать, бояться, сердиться и не показывать этого окружающимъ. Отсюда слѣдуетъ, что мы видимъ и слышимъ не мышленіе, не скуку, не радость, не страхъ, не желаніе, а только проявленія этихъ душевныхъ процессовъ. Въ томъ и заключается одно изъ отличій душевныхъ явленій отъ физическихъ, что эти послѣднія поддаются зрѣнію, слуху, осязанію и другимъ ощущеніямъ (напр. краснота, хрипота, температура тѣла и т. д.), **а душевные процессы ощущеніямъ не поддаются и обнаруживаются лишь своими проявленіями.**

Затѣмъ, всякая рана, воспалительное состояніе гдѣ-либо на тѣлѣ, увеличеніе печени, расширеніе легкихъ, короче, всѣ физическія явленія занимаютъ какое-либо мѣсто. Правда, и со всякимъ душевнымъ явленіемъ соединяется нѣкоторое измѣненіе въ нашемъ головномъ мозгу, т. е. образуются перемѣщенія или химическія превращенія его частицъ, но такія измѣненія въ составѣ этихъ частицъ (жиры и фосфоръ) настолько не похожи на переживаемыя душевныя явленія, напр., мышленіе, религіозное воодушевленіе, поэтическое настроеніе, что нѣтъ ни-

какой возможности отождествлять эти измѣненія въ мозговыхъ частицахъ съ самими душевными явленіями. Такимъ образомъ, относительно мышленія, чувства радости, гнѣва, относительно вниманія и т. д. мы должны сказать, что все это происходитъ не на лицѣ и не въ головномъ мозгу, а что на лицѣ и въ движеніяхъ обнаруживаются лишь проявленія этого. Изъ сказаннаго выясняется, что **душевныя явленія сами по себѣ не занимаютъ никакого мѣста.** Въ этомъ заключается второе отличіе ихъ отъ явленій физическихъ:

Для обсужденія. Укажите, въ чемъ проявляется ваша физическая и въ чемъ ваша психическая дѣятельность, когда вы сами поете или играете на музыкальномъ инструментѣ.

ПОНИМАНІЕ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ. Такъ какъ душевныя явленія не занимаютъ мѣста, то ихъ и нельзя измѣрять ни линейными, ни вѣсовыми мѣрами, ни другими пріемами, употребляемыми при изслѣдованіи явленій физическихъ. Кромѣ того, мы не можемъ ни слышать, ни видѣть, ни осязать, ни вообще ощущать душевныхъ явленій. Отсюда возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ мы можемъ узнавать и изучать душевную жизнь.

Когда мы размышляемъ о чемъ-нибудь, испытываемъ страхъ или желаемъ чего-нибудь, то мы это сознаемъ и не сомнѣваемся въ этомъ; намъ не нужно для этого имѣть какія-либо особыя орудія, особые органы, подобно тому, какъ для наблюденія за измѣненіями въ освѣщеніи неба намъ нуженъ глазъ, для наблюденія за пѣніемъ птицъ намъ нужно ухо. **Душевныя явленія, возникающія въ насъ самихъ,** если они только достигаютъ извѣстной силы, **сознаются нами прямо, непосредственно** и притомъ съ полною ясностью.

Но о томъ, что испытываютъ другіе, мы догадываемся по проявленіямъ, обнаруживающимся въ ихъ

голосѣ, движеніяхъ, цвѣтѣ лица и т. д. При этомъ можно иной разъ наблюдать возбужденіе, которое испытываетъ поэтъ при творческомъ настроеніи, но его не понимать; можно замѣтить удовольствіе ученаго въ моментъ нахожденія истины и не понять этого удовольствія. Поэты же или люди науки поймутъ эти чувства, потому что они испытывали подобное. Люди нормальные понимаютъ, что такое ощущеніе слуха или цвѣта. Слѣпому же отъ рожденія, какъ бы мы ни старались, нельзя разъяснить, что такое тотъ или иной цвѣтъ; при помощи своей кожи онъ, быть можетъ, опредѣлитъ окраску предмета, называя ее такъ, какъ мы ее называемъ, но самаго цвѣта онъ знать не будетъ [1]). Есть разсказъ о томъ, какъ слѣпому объясняли цвѣтъ молока. Онъ понималъ бѣлизну или какъ шелестъ бумаги (черезъ слухъ), или какъ разсыпчатость муки (осязаніе), или какъ пушистость заячьяго мѣха, но никакъ не могъ постичь, что такое бѣлый цвѣтъ. Если же человѣкъ ослѣпнетъ не съ самаго рожденія, то онъ будетъ понимать цвѣта, когда мы будемъ ему говорить о нихъ. Глухому отъ рожденія нѣтъ возможности разъяснить, что такое тотъ или иной звукъ; онъ будетъ въ состояніи замѣчать тѣ движенія, которыя нужны для образованія того или иного звука, онъ ихъ будетъ самъ производить, когда потребуютъ этого, но никогда не представитъ себѣ того, что слышатъ нормальные люди. Если же человѣкъ оглохнетъ не отъ рожденія и въ дѣтствѣ слышалъ звуки, онъ будетъ понимать наши ощущенія звука, такъ какъ ихъ испыталъ самъ. На основаніи подобныхъ фактовъ твердо устанавливается въ психологіи положеніе, что **понимаемъ мы въ душевной жизни другихъ людей только то, что хоть до нѣкоторой**

---

[1]) Очень художественно разъясняетъ это повѣсть Короленки: „Слѣпой музыкантъ“, а также книга Рогозиной: „Елена Келлеръ, слѣпая, нѣмая, глухая“.

степени сами испытали. Эту психологическую истину народъ выразилъ пословицей: „сытый голоднаго не разумѣетъ“. Человѣкъ, испытавшій многое подъ вліяніемъ жизни, подъ вліяніемъ поэтовъ и вообще художниковъ, будетъ лучше понимать окружающихъ его людей.

Этимъ объясняется, что благородный человѣкъ часто не допускаетъ злого умысла со стороны низкаго человѣка (Петръ Великій и Мазепа) и наоборотъ. Этимъ же объясняется многое изъ жизни дѣтей. Перэ въ своемъ сочиненіи: „L'enfant de trois à sept ans“ разсказываетъ про четырехлѣтняго мальчика, потерявшаго одного изъ любимыхъ своихъ сотоварищей. Когда онъ пришелъ въ квартиру умершаго, то потерявшій сына отецъ взялъ его на руки. Ребенокъ поспѣшилъ слѣзть съ колѣнъ несчастнаго отца, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ вокругъ комнаты и, сейчасъ же вернувшись къ нему, спросилъ: теперь, когда Пьеръ умеръ, ты отдашь мнѣ его лошадку и корабликъ, не правда ли? Нельзя еще такому ребенку предрекать эгоизмъ. Онъ не испыталъ ничего подобнаго, и потому не понялъ горя отца.

Чуткой душой можно понимать, что испытываетъ другой человѣкъ, какъ часто няни понимаютъ дѣтей, какъ Бабушка понимала Лизу въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, но этого еще мало для изученія душевныхъ явленій. Понимающій не всегда умѣетъ выяснить явленіе, показать условія, его вызывающія, и слѣдствія, изъ него происходящія.

СРЕДСТВА КЪ ИЗУЧЕНІЮ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

1) САМОНАБЛЮДЕНІЕ. Такъ какъ мы понимаемъ другихъ людей лишь настолько, насколько испытываемъ и сознаемъ въ самихъ себѣ душевныя явленія, общія имъ и намъ, то **основнымъ источникомъ для изученія душевныхъ явленій служитъ наблюденіе своей собственной**

душевной жизни. Не мѣшаетъ этому и тотъ фактъ, что нѣтъ двухъ людей съ одинаковыми характерами. Посравнимъ людей между собой. Ощущенія и размышленія свойственны всѣмъ людямъ; чувства тоже: чувству гнѣва могутъ отдаться и злые и самые добрые люди; угрызенія совѣсти доступны и преступнымъ (кому въ литературѣ?); чувство сожалѣнія охватываетъ и жестокихъ людей (Пугачевъ въ „Капитанской Дочкѣ"); изумленіе, страхъ, сомнѣніе, наконецъ, желанія, хотѣнія, словомъ, всѣ душевныя явленія свойственны всѣмъ людямъ. Посмотримъ дальше. Продолжительная работа утомляетъ всѣхъ людей, только однихъ скорѣе, другихъ не такъ скоро; мысли свои всѣ цивилизованные народы выражаютъ въ предложеніяхъ, только у однихъ эти предложенія сложнѣе, у другихъ менѣе сложны; чувство страха у всѣхъ людей заставляетъ преувеличивать опасность („у страха глаза велики"). Посмотримъ еще, какъ у людей выражается чувство гнѣва. Разсердившійся человѣкъ возвышаетъ голосъ; часто не сознавая даже того, безцѣльно сжимаетъ кулаки, склоненъ ударить кулакомъ по столу, топнуть ногой, хлопнуть при выходѣ дверью, бросить что нибудь на полъ и, если предъ нимъ небольшая мягкая вещь и стаканъ, онъ охотнѣе ударитъ о полъ стаканомъ; ему хочется нашумѣть, и это его нѣсколько успокоитъ. Конечно, одни люди вслѣдствіе темперамента и воспитанія сдержаннѣе, другіе менѣе, но у всѣхъ проявляется склонность такъ выражать свой гнѣвъ. Изъ всего этого ясно, что **люди отличаются между собою только степенью развитія разныхъ психическихъ чертъ, самыя же психическія свойства у всѣхъ одни и тѣ же.** Вслѣдствіе этого велика мысль Сократа (ум. 399 до Р. Х.) **„человѣкъ, познай самого себя"**. Познавая себя, мы познаемъ другихъ. Воспитатель, отецъ, мать, вдумываясь въ себя, въ свое дѣтство, лучше пой-

мутъ дѣтей, и потому плодотворнѣе будутъ на нихъ вліять [1]).

Однако, подчиняясь сильному душевному движенію: страху, горю, радости и. т. д., мы не легко наблюдаемъ за собою, такъ какъ намъ трудно думать о себѣ, а не о предметѣ, насъ устрашающемъ; тяжело оторваться отъ предмета, радующаго насъ, оставить въ покоѣ человѣка, насъ обидѣвшаго, и. т. д. Словомъ, **ради наблюденія своего собственнаго сильнаго возбужденія, нужно имѣть много самообладанія**, иначе, не сосредоточишься на изученіи своего возбужденія. Далѣе, если намъ удастся овладѣть собою ради самонаблюденія, то мы будемъ сосредоточены не на тѣхъ предметахъ, которые вызвали въ насъ страхъ, гнѣвъ, удивленіе и т. д., а на происходящихъ въ насъ душевныхъ процессахъ. Такимъ образомъ, **предметы, бывшіе причиною нашего возбужденія, при самонаблюденіи, отходятъ отъ насъ на второй планъ и менѣе вліяютъ на насъ; мы успокаиваемся.**

Въ этомъ заключается второе серьезное затрудненіе для самонаблюденія. Можно, конечно, изучать въ себѣ прошедшее, уже пережитое. Но мы знаемъ, что у человѣка съ болѣзненнымъ организмомъ легче возникаютъ грустныя воспоминанія, что, вспоминая нашу прошлую жизнь, мы обыкновенно не вспоминаемъ мелкихъ непріятныхъ моментовъ этой жизни, дававшихъ ей иной разъ не совсѣмъ отрадный колоритъ. Это заставляетъ насъ признать, что воспоминаніямъ нашимъ нельзя вполнѣ довѣряться. Однако, всѣ эти трудности не должны удерживать воспитателей отъ самонаблюденія. Чѣмъ его больше, тѣмъ болѣе понимаемъ мы людей вообще и дѣтей въ частности.

---

[1]) Чтобы легче вспомнить свое дѣтство, посовѣтуемъ перечесть „Дѣтство и отрочество“ Толстого, „Дѣтскіе годы Багрова внука“, С. Аксакова, также познакомиться съ произведеніемъ: Сисоевой: „Исторія маленькой дѣвочки“ 400 стр. и съ повѣстью Чарской: „Записки институтки“ стр. 286.

2) НАБЛЮДЕНІЯ. Такъ какъ самонаблюденіе легко вводитъ въ ошибку, то психологу приходится изучать душевныя явленія и черезъ наблюденіе ихъ у другихъ людей. Лѣтъ сто тому назадъ существовала особая группа ученыхъ, школа френологовъ, которая предполагала возможнымъ по различнымъ возвышеніямъ, „шишкамъ“, черепа точно судить о формѣ мозга, особыя части котораго, по ихъ ученію, имѣютъ связь съ опредѣленными способностями человѣка. Они находили въ черепѣ ребенка шишку борьбы, шишку исторіи, педагогическую и другія и на основаніи этого стремились дать ребенку то или другое воспитаніе. Послѣдующая наука показала, во первыхъ, что различнымъ спеціальностямъ не соотвѣтствуютъ узко опредѣленныя части въ мозгу, и во вторыхъ, что нѣтъ такого тѣснаго соотвѣтствія между костями головы и частями мозга. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что если у ребенка замѣчается ненормальность въ черепѣ и ненормальность въ характерѣ, то можно **предположить, не находится ли** эта послѣдняя въ связи съ строеніемъ черепа и мозга [1]). Нельзя также чертамъ лица придавать большое значеніе для характеристики человѣка. Другое дѣло движенія нашего лица. Они находятся въ тѣсной зависимости отъ нашей душевной работы. Предъ появленіемъ слезъ, т. е. при печали, ребенокъ вытягиваетъ губы. Скука и недовольство у взрослаго человѣка часто обнаруживаются опущеніемъ угловъ рта; хотя частое недовольство оставляетъ даже отпечатокъ на очертаніяхъ рта, но такое очертаніе рта можетъ явиться не вслѣдствіе постояннаго недовольства, а въ силу наслѣдственности. Изученіемъ движеній лица занимается

---

[1]) Интересна глава о нервахъ и головномъ мозгѣ въ трудѣ Поля Бера: „Зоологія“. Пер. Симонова, стр. 338, а также въ статьѣ Ковалевскаго: „Отсталыя дѣти“. Энциклопед. Сем. восп., вып. 53, ц. 30 к.

физіономика, которая можетъ быть очень полезна для наблюдателя.

Наблюдая душевную жизнь ребенка, мы часто видимъ, какъ онъ безпредѣльно отдается страху или горю. Рѣдко видимъ мы это у человѣка взрослаго, потому что онъ уже привыкъ сдерживать свои душевныя проявленія и ихъ контролировать; ребенокъ сильнѣе отдается своему чувству. Можно замѣтить, когда и какъ возникаютъ у человѣка эстетическое чувство, религіозное, т. е. можно изучить первые элементы этихъ чувствъ. Вслѣдствіе этого психологическое изученіе ребенка представляетъ большой интересъ и для психолога вообще и для педагога въ частности [1]).

Много интересныхъ указаній для психологіи, а черезъ нее и для педагогики даетъ **психіатрія**, т. е. наука о душевныхъ болѣзняхъ. Она, напр., указываетъ на болѣзненные случаи, когда человѣкъ забываетъ только все слышанное или только все видѣнное, а это наталкиваетъ на мысль, что у каждаго изъ насъ нѣсколько памятей: зрительная, слуховая и. т. д., мало зависящія другъ отъ друга, такъ что развивая одну, мы еще не развиваемъ другой.

3) Опыты. Въ послѣднія десятилѣтія длл изученія душевныхъ явленій стали часто прибѣгать къ опытамъ, которые бы, однако, не вредили человѣку. Такъ, приносятъ въ классъ нѣсколько пустыхъ пузырьковъ, показываютъ ихъ учащимся и говорятъ, что запахъ одного изъ нихъ обнаруживаетъ, что въ немъ были такіе то духи, въ другомъ—другіе и т. д. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пузырьковъ не было никакихъ духовъ, но увѣренный тонъ говорящаго производитъ такое впе-

---

[1]) По изученію природы ребенка. 1) Прейэръ: „Душа ребенка“, стр. 207, ц. 1 р. 50 к. 2) Трэск: „Психологія перваго дѣтства“, пер. Мижуева, 146 стр., ц. 80 к. 3) Каптеревъ; „О дѣтской природѣ“ № 17, ц. 30 к. Энц. Сем. восп. 4) Сикорскій: „Энциклопедія семейнаго воспитанія. Душа ребенка.“ Вып. №№ 30—32, ц. 90 коп.

чатлѣніе, что ему поддаются очень многіе, не сомнѣваясь, что дѣйствительно ощущаютъ тотъ или другой запахъ духовъ. Этотъ опытъ проливаетъ свѣтъ на силу внушеній, играющихъ важную роль въ дѣлѣ воспитанія [1]).

Для обсужденія. 1) Прослѣдите, удастся ли вамъ подмѣтить возникновеніе и развитіе въ себѣ чувства жалости при чтеніи какого-либо лирическаго произведенія, напр., „Утренней прогулки" Некрасова (смотри хрест.).

2) Не замѣчали ли вы какихъ-либо движеній въ лицѣ и измѣненій въ голосѣ и движеніяхъ, которыя бы обнаруживали въ человѣкѣ то или другое настроеніе?

РАЗНЫЕ ВИДЫ ДУШЕВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. Если вы читаете какую-нибудь книгу, то вы видите черное на бѣломъ, слышите шелестъ страницъ, чувствуете гладкость или шероховатость переплета, тяжесть всей книги, т. е., замѣчаете внѣшнія свойства предмета. Подмѣчать свойства предметовъ мы можемъ при помощи процессовъ, результатомъ которыхъ являются, такъ называемыя, ощущенія. Вы прикладываете стараніе прочесть страницу, это стараніе есть ваше стремленіе, а всякое стремленіе есть проявленіе той дѣятельности, которая именуется волей. Вы знакомитесь съ содержаніемъ книги, это работаетъ вашъ умъ, которымъ мы познаемъ все насъ окружающее. Вы съ удовольствіемъ, удивленіемъ или неудовольствіемъ относитесь къ содержанію книги, и въ этомъ обнаруживается дѣятельность вашего чувства, т. е. ваше личное отношеніе къ окружающему. Съ этими душевными дѣятельностями неминуемо соединяется еще та психическая работа, которая даетъ вамъ возможность объединять вокругъ героя книги все то, что вы о немъ читали въ теченіе нѣсколькихъ дней. Душевная дѣя-

---

[1]) Много психологическихъ опытовъ описано въ „Учебникѣ психологіи для ср. уч. зав." А. Нечаева, ц. 1 р., стр 187.

тельность, сохраняющая и воспроизводящая все, что мы пережили, есть память. При описанiи героя, авторъ книги кое-что пропустилъ, или вы прочли невнимательно, тѣмъ не менѣе, вы это дополните сами и оживите образъ. Та душевная дѣятельность, при помощи которой мы изъ разныхъ данныхъ о предметѣ составляемъ его образъ, придаемъ нашимъ мыслямъ картинность, называется воображенiемъ. Вотъ всѣ виды нашей душевной дѣятельности. Изъ этихъ же примѣровъ ясно, какъ всѣ они дѣйствуютъ вмѣстѣ, и только для болѣе глубокаго ихъ изученiя мы будемъ каждую изъ этихъ дѣятельностей разсматривать отдѣльно. При этомъ съ физической работой обыкновенно соединяется душевная (напр. при уборкѣ комнатъ, приготовленiи обуви), а съ душевной, энергично проявленной, обыкновенно соединяется работа физическая (напр. въ скульптурѣ, музыкѣ).

Для обсужденiя. 1) При подготовкѣ урока по исторiи какими душевными дѣятельностями пользуетесь вы?

2) Изъ какихъ элементовъ состоитъ работа вспахивающаго поле сохой?.

3) Изъ какихъ элементовъ состоитъ работа поэта, напр., Пушкина при созданiи 2-ой главы „Евгенiя Онѣгина“ (Деревня, гдѣ скучалъ Евгенiй“...)?

ОЩУЩЕНIЯ.

ИХЪ ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНIЕ. Въ окружающей насъ обстановкѣ мы замѣчаемъ цвѣта предметовъ, звуки отъ нихъ, ихъ гладкость, тяжесть, вкусъ и т. д. **Результаты тѣхъ процессовъ, при помощи которыхъ мы замѣчаемъ внѣшнiя свойства предметовъ, называются ощуще-**

ніями. Если бы мы ихъ не имѣли, мы бы ничего не слышали, ничего бы не видѣли, не знали бы вкусовъ, тяжести и т. д. Такимъ образомъ, мы бы не могли знать предметовъ, думать о нихъ, воображать, бояться ихъ, стремиться къ нимъ. Безъ ощущеній не могла бы продолжаться никакая душевная жизнь. Изъ подробнаго же разсмотрѣнія дѣятельности каждаго изъ родовъ ощущеній мы увидимъ, насколько важно для человѣка, чтобы развито было лучше каждое изъ его ощущеній.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ ОЩУЩЕНІЙ. Внѣшніе предметы часто прямо касаются нашей кожи или же вліяютъ черезъ воздухъ, окружающій насъ, на внутреннія части нашего уха, глаза и т. д. Возбужденныя части нашего организма раздражаютъ соотвѣтствующіе имъ нервы, раздраженіе это доходитъ до головнаго мозга, и здѣсь происходитъ тоже нѣкотораго рода раздраженіе, т. е. измѣненіе. Всѣ эти раздраженія кожи, уха, глаза, нервовъ, головнаго мозга должны занимать нѣкоторое мѣсто и могли бы быть видимы, если бы глазъ нашъ былъ для этого достаточно вооруженъ, и не было бы для него непрозрачныхъ преградъ. Вслѣдствіе этого всѣ эти явленія относятся къ процессамъ физическимъ. (Смотри стр. 5). Въ настоящую минуту вашъ глазъ раздражается чернымъ цвѣтомъ этихъ буквъ; ваше ухо, быть можетъ, раздражается сотрясеніемъ мостовой на улицѣ или сотрясеніемъ воздуха отъ вашего собственнаго чтенія вслухъ, полость вашего носа частицами, исходящими отъ цвѣтовъ въ комнатѣ; кожа вашихъ пальцевъ раздражается отъ этой бумаги, мускулы ваши отъ тяжести этой книги, кожа тѣла отъ соприкасающагося съ ней платья и т. д. Однако, въ данную минуту вы многое изъ этого совсѣмъ не подмѣчаете. Но если вы направите свою мысль на цвѣтъ буквъ, вы его замѣтите, направите на гладкость или шерохо-

ватость бумаги, вы пальцами почувствуете ее: подумаете о тяжести одежды, вы ее почувствуете на себѣ. Возьмемъ другой случай. Вы вполнѣ углубились въ чтеніе очень интересной книги, васъ въ это время громко зовутъ, и вы между тѣмъ можете этого не услыхать. Что же тутъ совершается? Зовущій производитъ сотрясеніе въ воздухѣ, сотрясеніе это, не встрѣчая никакихъ помѣхъ, доходитъ до вашего уха и производитъ тамъ обычное раздраженіе, а вы все таки не слышите, такъ всецѣло сосредоточились на интересномъ содержаніи книги. Если же вы ожидаете и думаете о томъ, что васъ сейчасъ позовутъ, то услышите, хотя бы назвали ваше имя очень тихо. Изъ этого ясно, что для того, чтобы мы замѣтили цвѣтъ, звукъ, теплоту, т. е. чтобы получились у насъ ощущенія, недостаточны только раздраженіе глаза, уха, носа, кожи и т. д., раздраженіе нервовъ и головнаго мозга, нуженъ намъ еще какой-то другой факторъ, именно, наше сосредоточеніе на раздраженіи. **Сосредоточеніе же нашего духовнаго существа на чемъ-нибудь называется вниманіемъ.** Вниманіе это возникаетъ или вслѣдствіе того, что раздраженіе достаточно сильно, или вслѣдствіе того, что оно неожиданно, или, наконецъ, вслѣдствіе того, что части головного мозга, до которыхъ доходитъ раздраженіе, расположены возбуждаться съ достаточной силой для вызова соотвѣтствующаго ощущенія. Послѣднее бываетъ, напр., когда телеграфистъ спитъ и не слышитъ громкихъ свистковъ локомотива, а тихій шумъ телеграфнаго аппарата его сейчасъ же пробуждаетъ. **Итакъ, для образованія ощущеній необходимо участіе какъ физическаго такъ и духовнаго нашего существа, а именно, вниманія.** Вотъ почему окружающіе ребенка, страдающаго чѣмъ-нибудь, очень часто стараются привлечь его вниманіе къ какому-нибудь не знакомому ему или любимому предмету, необыкновенному

звуку или движенію и тѣмъ заставляютъ его забывать о боли, т. е., не чувствовать ея. Нѣчто подобное мы видимъ и у взрослыхъ, напр., раненые во время боя, думая исключительно объ истребленіи врага, не замѣчаютъ своей раны.

ДѢЛЕНІЕ ОЩУЩЕНІЙ. Мы замѣчаемъ цвѣта окружающихъ насъ предметовъ и потребность въ пищи, т. е. голодъ, шумъ локомотива и затрудненія въ нашемъ дыханіи, теплоту предмета и жаръ въ нашемъ организмѣ и т. д. Всѣ эти ощущенія очень разнообразны, и потому, **на основаніи того, съ чѣмъ они главнымъ образомъ насъ знакомятъ, они дѣлятся на двѣ большія группы.** Одни изъ нихъ знакомятъ насъ съ состояніями нашего организма, напр., съ усталостью, жаждой, удушьемъ и т. д. и называются **органическими**; другія ощущенія сообщаютъ намъ, о вкусѣ сахара, о запахѣ цвѣтка, о цвѣтѣ неба, словомъ, о томъ, что приписывается обыкновенно предметамъ. Послѣднія называются **внѣшними ощущеніями** или внѣшними чувствами.

ОРГАНИЧЕСКІЯ ОЩУЩЕНІЯ. ИХЪ СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНІЕ. Въ нашемъ организмѣ постоянно происходятъ разнаго рода процессы: пищевареніе, дыханіе, кровообращеніе и т. д., поддерживающіе нашу жизнь. Съ ними и связываются эти ощущенія, которыя даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, когда въ этихъ процессахъ совершаются измѣненія, выходящія изъ обычной нормы. Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ процессовъ. 1) Процессъ пищеваренія; онъ приготовляетъ матерьялъ для нашего организма, и съ нимъ соединяются ощущенія пресыщенности, аппетита, голода, жажды и т. д. 2) Процессъ дыханія: онъ даетъ нашему организму кислородъ, и мы ощущаемъ, когда недостаетъ намъ воздуха для дыханія, когда что либо препятствуетъ ему: кашель, насморкъ, или наоборотъ, когда очень легко дышется, и т. д. 3) Процессъ кровообращенія: онъ вызы-

ваетъ въ насъ особенныя ощущенія, въ силу которыхъ мы иной разъ замѣчаемъ неправильности въ работѣ сердца, приливы крови къ головѣ, усиленное біеніе пульса послѣ бѣганія и т. д. 4) Внутри нашего организма всегда поддерживается извѣстная температура (37,5° Ц. въ средн.). Если же низкая температура окружающаго воздуха сжимаетъ кровеносные сосуды на поверхности тѣла или вообще слишкомъ много поглощаетъ изъ насъ тепла, и организму для поддержанія въ себѣ нормальнаго тепла приходится его много образовывать, мы чувствуемъ холодъ, и наоборотъ, когда воздухъ поглощаетъ изъ нашего организма слишкомъ мало тепла, мы, вслѣдствіе избытка его, чувствуемъ жаръ. 5) Во всѣхъ частяхъ нашего организма непрерывно совершается замѣна старыхъ частицъ новыми, этимъ онъ и поддерживается. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ этихъ обновленіяхъ появляются ненормальности, вызываемыя ударами, давленіемъ, порѣзами, гніеніемъ и т. д., и мы чувствуемъ тогда боль; иной же разъ въ мускулахъ нашихъ отъ большой работы накопляются ненужныя для нихъ частицы, и мы испытываемъ усталость. 6) Наша нервная система, поддерживающая въ организмѣ энергію, то работаетъ слабѣе, и мы чувствуемъ общій упадокъ энергіи, то работаетъ она усиленнѣе, и мы чувствуемъ подъемъ силъ, по народному выраженію, „силушка по жилочкамъ такъ живчикомъ и ходитъ". Существуютъ и другіе виды органическихъ ощущеній. Если бы у насъ не было этихъ ощущеній, мы не знали бы, когда и сколько пищи и питья слѣдуетъ намъ принимать, достаточно ли для насъ воздуху, не замѣчали бы порѣзовъ и ударовъ, не принимали бы мѣръ для охраненія ранъ, для устраненія утомленія, вредящаго намъ и т. д. Отсюда ясно важное значеніе этихъ ощущеній. Если въ организмѣ всѣ процессы совершаются пра-

вильно, то мы чувствуемъ въ себѣ жизненную бодрость, и наоборотъ, мы ея не чувствуемъ, если организмъ работаетъ неправильно. **Совокупность органическихъ ощущеній образуетъ, т. наз., жизненное чувство** или тонъ жизни, отъ котораго во многомъ зависитъ жизнерадостность каждаго человѣка въ отдѣльности.

ВОСПИТАНІЕ ОРГАНИЧЕСКИХЪ ОЩУЩЕНІЙ. На вопросъ, нужно ли ихъ развивать у ребенка, слѣдуетъ отвѣтить, что эти ощущенія рѣдко обманываютъ вполнѣ здороваго человѣка, и что они у него въ достаточной степени развиваются сами собою. Люди же съ разстроеннымъ организмомъ часто вмѣсто голода чувствуютъ головную боль, упадокъ силъ или раздражительность. Поэтому нужно заботиться о поддержаніи въ здоровомъ состояніи вообще организма, и органическія ощущенія будутъ правильно работать. Бываютъ случаи излишняго развитія этихъ ощущеній. Ребенокъ упадетъ, окружающіе бросаются спрашивать его, не больно ли ему гдѣ нибудь, не ушибся ли онъ. Поддаваясь вліянію общаго испуга, ребенокъ самъ пугается и внимательно ищетъ, нѣтъ ли гдѣ боли, и если замѣтитъ небольшую боль, онъ невольно придаетъ ей громадное значеніе, кричитъ и начинаетъ дѣйствительно страдать. Ребенку будетъ лучше, если родители, не отрывая вниманія отъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ не суетясь, будутъ стараться не пугать его напрасно и не пріучать обращать слишкомъ большого вниманія на малѣйшую боль. То же самое и въ случаяхъ нарушенія какихъ либо удобствъ въ жизни ребенка. Если вы замѣчаете, что каждый день ребенокъ за полчаса до обѣда жалуется на голодъ или скученъ и раздражителенъ, постарайтесь усилить завтракъ или сократить промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ; на это указываютъ вамъ его органическія ощущенія, и вы должны ихъ имѣть въ виду. Но если случайно

ребенокъ проголодается, употребите вашъ тактъ, чтобы вашимъ требованіемъ и умѣстнымъ развлеченіемъ не позволять ему хныкать и капризничать, пріучайте его господствовать надъ своими органическими ощущеніями. Въ этомъ отношеніи неправильно воспитываемыя дѣти впослѣдствіи являются людьми, которые очень страдаютъ отъ всякаго нарушенія въ комфортѣ и являются слишкомъ впечатлительными къ малѣйшимъ ненормальностямъ въ работѣ организма; они становятся отъ этого мнительны, съ трудомъ справляются съ малѣйшими препятствіями къ дѣятельности и, вслѣдствіе этого, не могутъ достаточно проявлять свою волю. Слишкомъ много думая о своихъ собственныхъ нуждахъ, они менѣе жизнерадостны, болѣе эгоистичны; ихъ мысль, мало распространяясь на другихъ, имѣетъ менѣе поводовъ къ расширенію; они сами менѣе счастливы и мало способствуютъ счастью другихъ. На основаніи этого нужно признать, что при воспитаніи ребенка, слѣдуетъ имѣть въ виду его органическія ощущенія, но не слѣдуетъ полагать усилій на ихъ развитіе; они сами разовьются, лишь бы ребенокъ былъ здоровъ.

Внѣшнія ощущенія и ихъ дѣленіе. Въ противоположность органическимъ, внѣшнія ощущенія сообщаютъ намъ о тѣхъ свойствахъ, которыя мы приписываемъ предметамъ, находящимся не внутри нашего организма; чрезъ нихъ мы узнаемъ о цвѣтѣ нашей кожи, о звукахъ, издаваемыхъ животными, о гладкости перьевъ, о вкусѣ и запахѣ ягодъ и т. д. Одни изъ этихъ ощущеній даютъ намъ возможность пріобрѣтать много знаній, даютъ высокія удовольствія; другія ощущенія менѣе вліяютъ на нашу духовную жизнь. На основаніи важности ощущеній для нашей духовной жизни, **ихъ подраздѣляютъ на высшія и низшія.** Къ высшимъ безспорно принадлежатъ зрѣніе и слухъ. Мы начнемъ нашъ разборъ съ низшихъ.

ВКУСЪ И ОБОНЯНІЕ. Если у насъ сильный насморкъ, то очень часто всякія кушанья намъ кажутся безвкусными, хотя насморкъ и не вліяетъ непосредственно на нашъ вкусъ. Этимъ доказывается тотъ фактъ, что о свойствахъ многихъ предметовъ, напр., нашей пищи, мы судимъ на основаніи ихъ вкуса и запаха нераздѣльно. Вотъ почему очень часто эти два ощущенія разбираются вмѣстѣ, хотя каждое изъ нихъ знакомитъ съ особыми свойствами предметовъ, и каждое имѣетъ свой особенный органъ: языкъ служитъ для вкуса, а внутренняя сторона стѣнокъ носа—для запаховъ. Оба эти ощущенія знакомятъ насъ съ запахами и вкусами предметовъ, играютъ нѣкоторую роль и въ нашемъ духовномъ развитіи. Наслаждаясь ароматами цвѣтовъ, мы восхищаемся природой; запахъ и вкусъ даютъ намъ знанія, важныя для ботаники, химіи (что такое кислородъ?). Но главное значеніе вкуса и запаха заключается не въ томъ. Если въ воздухѣ комнаты окажется свѣтильный газъ, вредный намъ, то обоняніе заставитъ насъ озаботиться о перемѣнѣ воздуха. Вкусъ не позволитъ намъ положить слишкомъ много перцу въ пищу, а его употребленіе въ ненадлежащемъ количествѣ приноситъ организму вредъ. Такимъ образомъ, вкусъ и обоняніе имѣютъ для насъ большое значеніе въ томъ, что являются руководителями въ выборѣ пищи и воздуха. Все на вкусъ и на запахъ дѣйствительно отвратительное вредно для нашего здоровья въ качествѣ пищи (не лѣкарства). Съ другой стороны, удовольствіе отъ вкусовыхъ ощущеній при пріемѣ въ пищу чего нибудь обыкновенно указываетъ на пользу этого пищеваго вещества для нашего организма, если принимать его при надлежащихъ условіяхъ; такъ, сахаръ очень важенъ для организма ребенка, если давать его, сколько нужно. Дикарь больше прислушивается къ указаніямъ вкуса и обонянія, чѣмъ человѣкъ цивилизованный, ру-

ководящійся, главнымъ образомъ, разсудкомъ. Но последній, пріучая свой языкъ и полость носа къ изысканнымъ предметамъ, часто извращаетъ свои ощущенія и мѣшаетъ имъ быть правильными руководителями въ выборѣ пищи. Обращать вниманіе на вкусовыя ощущенія ребенка, какъ на указателей до нѣкоторой степени того, что ему вредно, слѣдуетъ, но не слѣдуетъ въ этомъ отношени всегда потакать ему, чтобы не сдѣлать его рабомъ вкуса, человѣкомъ, болѣе интересующимся вкусовыми ощущеніями, чѣмъ духовными наслажденіями.

ОСЯЗАНІЕ. Осязаніе знакомитъ насъ съ поверхностью предмета, а именно, гладкая она или шероховатая, твердая или мягкая. Съ осязаніемъ обыкновенно связываютъ и тѣ пункты нашей кожи, которые говорятъ намъ о температурѣ предмета — это такъ называемыя термическія ощущенія. О температурѣ комнаты, въ которой мы живемъ, намъ говоритъ наше органическое ощущеніе, вызываемое потерею тепла во всемъ нашемъ тѣлѣ, а о температурѣ сосуда, до котораго касаемся кожею руки,—осязаніе. Органами осязательныхъ ощущеній служатъ особенные пункты на нашей кожѣ, разсѣянные по ней во множествѣ, но не въ равномъ количествѣ. Больше всего ихъ находится на кончикѣ языка, на губахъ, и потомъ развиваются они на внутренней сторонѣ концовъ нашихъ пальцевъ. Этимъ объясняется, почему, желая лучше ознакомиться съ предметомъ, мы стараемся до него коснуться, и почему ребенокъ все хочетъ взять въ руки и въ ротъ. Зная это, мы должны удалять отъ дѣтей всѣ игрушки, сдѣланныя изъ мѣди или покрытыя какой-нибудь краской; иначе, ребенокъ легко разстроитъ или подготовитъ разстройство желудка. Лучше всего давать дѣтямъ игрушки изъ отшлифованной кости или резины. (Какія вамъ извѣстны иг-

рушки въ рукахъ грудного ребенка?). Въ практической жизни чисто-осязательныя и термическія ощущенія намъ постоянно помогаютъ различать предметы въ темнотѣ, въ карманѣ, судить объ ихъ температурѣ прежде, чѣмъ принять въ пищу, судить о температурѣ заболѣвающаго и т. д. Болѣе развитое осязаніе требуется для продавцовъ матерій и для кассировъ при счетѣ бумажныхъ денегъ, такая спеціализація есть, однако, удѣлъ очень немногихъ [1]).

Для обыкновенной жизненной практики осязаніе достаточно развивается само собой, лишь бы не было ожоговъ и отмораживанія рукъ. Обиліе различныхъ заботъ у воспитателя и опасеніе надоѣсть ребенку безпрестанными заботами о немъ не даютъ возможности систематически тратить время на усиленіе его осязанія. Для этого можно пользоваться лишь случайными обстоятельствами: сравненіемъ гладкости двухъ листьевъ, двухъ матерій, опредѣленіемъ при закрытыхъ глазахъ исписанной и неисписанной бумаги и т. д. Однако, подобными случаями, когда они представляются сами собой, нужно пользоваться, такъ какъ, чѣмъ лучше развиты у человѣка ощущенія, тѣмъ у него больше шансовъ на развитіе наблюдательности.

---

[1]) Слѣпые, пользуясь осязаніемъ, читаютъ при помощи особой азбуки, которая выдавливается на бумагѣ. Выучиться печатать для нихъ очень легко и не требуетъ постороннихъ указаній. Работа эта можетъ производиться и коллективно. Сначала лучше печатать стихотворенія и короткіе разсказы. Машинку для печатанія и всѣ указанія можно получить въ Попечительствѣ о слѣпыхъ (Петербургъ, Казанская № 7). Люди съ недостаточными средствами освобождаются даже отъ взноса за это 3 р. 90 к. Въ Россіи болѣе 200,000 слѣпыхъ. Очень интересна въ психологическомъ отношеніи брошюра Д-ра Рейха: „Что дѣлаетъ міръ для слѣпыхъ“. Послѣдніе очень нуждаются въ матерьялѣ для чтенія.

МУСКУЛЬНЫЯ ОЩУЩЕНІЯ. ОРГАНЪ И ЗНАЧЕНІЕ. Великій философъ Греціи, Аристотель († 322 д. Р. Х.), изучая человѣческую природу, кромѣ разобранныхъ нами уже трехъ внѣшнихъ чувствъ, признавалъ еще два: зрѣніе и слухъ, т. е. всего насчитывалъ пять внѣшнихъ чувствъ. Мнѣніе Аристотеля такъ утвердилось, что и въ настоящее время часто говорятъ лишь о пяти ощущеніяхъ. Но въ XIX в. стали указывать на шестой видъ внѣшнихъ ощущеній. Дѣйствительно, тяжесть предмета, напр., наполненнаго саквояжа, мы познаемъ не только кожей, но и во всей рукѣ; въ этихъ ощущеніяхъ тяжести, обнаруживаются мускульныя ощущенія. Ради нашихъ движеній, ради поддержанія чего-нибудь тяжелаго или ради сопротивленія чему-нибудь наши мускулы то удлинняются, то укорачиваются. Такъ какъ мы сознаемъ эту работу мускуловъ, совершающуюся внутри нашего организма; такъ какъ, закрывъ даже глаза, знаемъ, какое дѣлается движеніе, то мускульныя ощущенія нѣкоторыми психологами относятся къ ощущеніямъ органическимъ. Мы ихъ относимъ къ внѣшнимъ въ виду того, что въ нашей душевной жизни, какъ мы сейчасъ увидимъ, **они даютъ очень много свѣдѣній объ окружающихъ насъ, внѣшнихъ предметахъ.** По работѣ мускуловъ мы узнаемъ разныя свойства предмета. 1) Узнаемъ, тяжелъ онъ или нѣтъ, причемъ нѣкоторые очень точно опредѣляютъ вѣсъ предмета. 2) Обводя руками вокругъ предмета, мы безъ помощи зрѣнія опредѣляемъ его величину. 3) Для того, чтобы охватить шарообразный, кубическій или пирамидальный предметъ, намъ нужно дѣлать различныя движенія кистью руки; этими движеніями кисти, работой ея мускуловъ, мы узнаемъ форму предметовъ. 4) Чтобы переломить шоколадную палочку или опредѣлить достоинство пружинъ въ диванѣ, намъ нужно сдѣлать усиліе мускуловъ, т. е. черезъ работу

мускуловъ мы узнаемъ упругость и крѣпость предметовъ. И наконецъ, 5) положивъ руку на движущійся предметъ, закрывъ даже глаза, мы узнаемъ, скоро ли и въ какую сторону движется онъ, т. е. нашими собственными движеніями мы опредѣляемъ скорость и направленіе въ движеніи другихъ предметовъ. Обладаніе тонко развитыми мускульными ощущеніями представляетъ большія удобства въ практической жизни. Чтобы намъ рѣшить, въ состояніи ли будемъ перенести какую-нибудь тяжесть, намъ нужно ясно сознавать ту работу мускуловъ, какую мы дѣлаемъ въ моментъ подъема тяжелаго предмета. Чтобы вѣрно перебросить что нибудь, чтобы удачно перепрыгнуть черезъ канаву, намъ нужно своими мускулами дать вѣрный толчекъ бросаемому предмету или всему нашему тѣлу: удача, какъ бросанія предмета, такъ и прыжка зависитъ отъ момента, предшествующаго самому дѣйствію, отъ умѣнія сознавать напряженіе мускуловъ передъ самымъ дѣйствіемъ или прыжкомъ. Каждое наше движеніе, требующее ловкости, основывается между прочимъ на такомъ сознаніи работы нашихъ мускуловъ, иначе говоря, основывается на тонкости нашихъ мускульныхъ ощущеній. Въ ремеслахъ мы видимъ то же самое. Если плотнику нужно вырубить изъ куска дерева нѣкоторую его часть, далеко не безразлично, съ какою силою онъ подыметъ и опуститъ топоръ; правильность удара будетъ зависѣть отъ моментовъ, ему предшествующихъ, отъ напряженія, соотвѣтствующаго цѣли. Искусная рука оператора отличается тонкимъ мускульнымъ ощущеніемъ, иначе, при разсѣченіи кости хирургъ легко разсѣчетъ ее слишкомъ много; при глазной операціи онъ можетъ слишкомъ нажать ножъ и повредить глазу, если нѣтъ у него тонкаго ощущенія работы пальцевъ. То же значеніе этого ощущенія обнаруживается въ изящныхъ искус-

ствахъ. При высѣченіи лица изъ мрамора, рука скульптора, безъ достаточно развитаго мускульнаго ощущенія, легко уменьшитъ въ ненадлежащей мѣрѣ части лица, носъ, губы, и работа его станетъ непоправимой. При игрѣ на роялѣ, мы не слѣдимъ все время за нашей рукой, но понимаемъ, какія дѣлаемъ движенія, и руководимъ ею, пользуясь указаніемъ мускульныхъ ощущеній. Особенно ясно проявляется тонкость и быстрота мускульныхъ ощущеній у виртуоза на скрипкѣ, гдѣ для производства желаемыхъ звуковъ онъ руководствуется исключительно мускульными ощущеніями и всякая ошибка въ этихъ ощущеніяхъ приводитъ къ какофоніи [1]. Трудно даже перечислить всѣ виды человѣческой дѣятельности, для которыхъ нужно тонкое мускульное ощущеніе, и очень важно, чтобы воспитатель и школа заботились о развитіи этого ощущенія.

РАЗВИТІЕ МУСКУЛЬНЫХЪ ОЩУЩЕНІЙ. Если для бросанія мячика нужно мускульное ощущеніе, то и развивается оно игрою въ мячикъ. Тонкое развитіе этого ощущенія въ рукѣ нужно для рисованія, для игры на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, для ваянія, и развивается оно упражненіемъ въ этихъ искусствахъ. Эти факты можно выразить общимъ положеніемъ, что **развивается мускульное ощущеніе упражненіемъ въ тѣхъ занятіяхъ, для которыхъ оно нужно.**

Здѣсь, однако, слѣдуетъ различить два понятія: развитіе мускуловъ и развитіе мускульнаго ощущенія. Въ большинствѣ случаевъ и то и другое совмѣщается: кто хорошо умѣетъ перескакивать большія препятствія, у того развиты и мускулы въ нижнихъ конечностяхъ, кто хорошо владѣетъ рукой на клавіатурѣ рояля, у

---

[1] Вспомнимъ заключительныя страницы въ повѣсти Короленки: „Слѣпой музыкантъ“.

того и рука развита. Но это не всегда такъ. Рисующій миніатюры имѣетъ очень тонкое ощущеніе въ пальцахъ, но сила ихъ не развита. Гимнастика, состоящая въ подыманіи по командѣ рукъ и ногъ, развиваетъ не столько мускульное ощущеніе, сколько самые мускулы, тогда какъ гимнастика, состоящая изъ перепрыгиванія черезъ препятствія, развиваетъ и то и другое.

ЗРѢНІЕ.

ОРГАНЪ И ЗНАЧЕНІЕ. Природа старательно охраняетъ органы зрѣнія. Глазъ помѣщенъ въ впадинѣ крѣпкой кости, что оберегаетъ отъ ударовъ, обложенъ онъ жировымъ слоемъ, что избавляетъ его отъ тренія; съ внѣшней стороны онъ защищается вѣками, рѣсницами, постоянно омывается слезой. Знаніе этого побуждаетъ насъ и съ своей стороны бережнѣе относиться къ органу зрѣнія.

Въ глазу расположенъ зрительный нервъ, соединяющій внутреннюю часть глаза съ головнымъ мозгомъ. Этотъ нервъ даетъ намъ знать лишь о трехъ свойствахъ предмета: 1) освѣщенъ онъ или нѣтъ, 2) какого онъ цвѣта и 3) блеститъ онъ или нѣтъ. Черезъ зрительный нервъ мы непосредственно узнаемъ только это. И если колоть или давить его, мы будемъ получать лишь зрительныя ощущенія, никакихъ больше. Такъ, при давленіи глаза или ударѣ мы видимъ часто переливы цвѣтовъ; это значитъ, было произведено раздраженіе и на зрительный нервъ. Сюда и относится народное выраженіе: „искры изъ глазъ

посыпались“, что говорится при полученіи сильнаго удара. Но различая цвѣтъ, свѣтъ и блескъ предмета, мы различаемъ и многія другія его свойства.

Если вы положите на черную доску кусокъ бѣлой бумаги, то различая два цвѣта, вы опредѣлите а) его величину, и б) очертаніе. Если бы цвѣтъ этого куска бумаги былъ тотъ же, что и доски, если бы онъ и его края были также освѣщены, какъ и доска, мы бы не могли опредѣлить его величины и фигуры при помощи зрѣнія. По блеску предмета мы опредѣляемъ его в) гладкость, такъ какъ съ перваго же года жизни мы привыкли, что съ зрительнымъ ощущеніемъ блеска всегда соединяется осязательное ощущеніе гладкости. Если вы посмотрите въ уголъ вашей комнаты, вы увидите тамъ съ одной стороны бóльшее освѣщеніе съ другой меньшее и переходъ тѣней, совершающійся по прямой линіи и довольно рѣзко. Вы съ дѣтства привыкли съ такимъ освѣщеніемъ соединять мускульное ощущеніе угла, и теперь, безъ всякаго схватыванія предмета мускулами, вы говорите, что тутъ уголъ, т.-е. опредѣляете г) форму предмета. Если даже дать только на словахъ описаніе однихъ лишь зрительныхъ ощущеній, то легко опредѣляется самая форма предмета. Пусть читатель опредѣлитъ формы двухъ предметовъ: 1) предметъ окрашенъ однимъ цвѣтомъ, имѣетъ длинное очертаніе и вдоль всего его проходитъ болѣе свѣтлая полоса, съ обѣихъ сторонъ постепенно переходящая къ болѣе темнымъ тѣнямъ; 2) предметъ окрашенъ однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ, имѣетъ очертаніе круга, а въ срединѣ его болѣе свѣтлое пятно, во всѣ стороны одинаково переходящее къ темнымъ тѣнямъ. Что зрительныя ощущенія говорятъ о формѣ предметовъ не прямо, а черезъ соединеніе впечатлѣній отъ красокъ и освѣщенія съ впечатлѣніями мускульными, видно изъ того, что слѣпорожденные, получивъ вдругъ

зрѣніе, принимаютъ сначала цилиндръ, шаръ и кубъ за гладкія поверхности и только послѣ того, какъ нѣсколько разъ охватятъ рукою такіе предметы, т.-е. соединятъ зрительныя ощущенія съ мускульными, привыкнутъ по однимъ зрительнымъ ощущеніямъ судить о формѣ предметовъ, что собственно дается черезъ мускульныя ощущенія.

Смотря на окружающіе насъ предметы, мы постоянно даемъ внутренней части глаза, хрусталику, то болѣе выпуклую, то болѣе плоскую форму, соотвѣтственно тому, насколько далеки отъ насъ эти предметы. Сознавая иной разъ эту работу глазъ и связанную съ ней работу мускуловъ нашихъ рукъ и ногъ при приближеніи къ этимъ предметамъ, мы учимся по одному лишь приспособленію глазъ судить о разстояніи отъ насъ разсматриваемаго предмета. Такимъ образомъ на основаніи зрительныхъ ощущеній мы судимъ д) о разстояніи предметовъ.

Часто работа нашихъ глазъ представляетъ собою соединеніе зрительныхъ ощущеній и вмѣстѣ мускульныхъ. Мы видимъ, что предметъ измѣняетъ въ нашихъ глазахъ свою величину, и чтобы его не потерять изъ виду, намъ нужно измѣнять форму хрусталиковъ, измѣнить напряженіе глазъ, положеніе головы, туловища. Тогда предшествующій многократный опытъ дастъ намъ понять, что предметъ движется въ ту или другую сторону, а энергія, съ которой въ этомъ случаѣ намъ приходится работать мускулами глаза, шеи и т. д., чтобы не потерять предмета изъ виду, говоритъ о скорости движенія. Слѣдовательно, черезъ зрѣніе, соединенное съ мускульнымъ ощущеніемъ, мы узнаемъ еще е) направленіе въ движеніи предмета и ж) быстроту этого движенія.

Изъ разбора того, что даетъ намъ зрѣніе, мы видимъ его громадное значеніе для нашего запаса знаній.

Ни одно ощущеніе не даетъ столько предметнаго знанія, какъ зрѣніе. Насколько же важно его правильное развитіе, мы лучше увидимъ тогда, когда разберемъ часто встрѣчающіеся его недостатки. И это тѣмъ болѣе важно, что около половины образованныхъ людей не обладаютъ вполнѣ нормальнымъ зрѣніемъ.

БЛИЗОРУКОСТЬ. Этотъ недостатокъ въ зрѣніи встрѣчается чаще другихъ. Близорукій не охватываетъ такъ далеко взоромъ своимъ картины природы, да и многія явленія въ ней ему мало доступны, напр., нѣкоторыя звѣзды, высокій полётъ птицъ; онъ меньше замѣчаетъ насѣкомыхъ и мелкихъ растеній на землѣ; отъ него ускользаютъ многія измѣненія въ лицахъ его окружающихъ. Словомъ, близорукость, лишая человѣка нѣкоторыхъ знаній, вліяетъ на его умъ тѣмъ, что затрудняетъ его наблюдательность. Имѣя болѣе узкій кругозоръ для созерцанія красотъ природы, близорукій человѣкъ не можетъ ими такъ восхищаться, какъ человѣкъ съ хорошимъ зрѣніемъ; точно также ему мало доступны произведенія скульптуры и живописи, помѣщенныя высоко въ музеяхъ; кромѣ того, ему нелегко охватить большую картину въ цѣломъ, отчего послѣдняя можетъ много потерять. Все это дѣлаетъ то, что ему труднѣе развить въ себѣ эстетическое чувство, которое главнымъ образомъ развивается отъ созерцанія красотъ въ природѣ и въ искусствахъ и благотворно вліяетъ на другія чувства человѣка. Близорукость не ограничивается вліяніемъ на умъ и чувство человѣка. Ребенокъ, не видя далеко, менѣе смѣлъ въ своихъ движеніяхъ, вслѣдствіе чего менѣе надѣется на свои силы, и это недовѣріе къ самому себѣ, постоянно поддерживаемое недостаткомъ зрѣнія, становится характерной чертой, затрудняющей развитіе предпріимчивости и рѣшительности, а это относится уже къ дѣятельности нашей воли... Если обратить вниманіе на

практическую жизнь, то мы увидимъ, что близорукій не можетъ быть охотникомъ, морякомъ, военнымъ; даже учителю можетъ много мѣшать близорукость, если классъ состоитъ изъ большаго числа учениковъ. Опасна близорукость и въ физическомъ отношеніи: приходится больше напрягать свое зрѣніе, отчего глазъ легко можетъ переутомиться. Близорукому приходится чаще наклонять голову, отчего замѣчается излишній приливъ крови къ глазамъ, нерѣдко влекущій за собою разрывъ кровеносныхъ сосудовъ. Очки, хорошо подобранныя къ каждому отдѣльному глазу, могутъ ослабить, но не устранить всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій близорукости.

Все это приводитъ къ мысли о борьбѣ съ близорукостью. Но въ дѣлѣ воспитанія предупрежденіе дурного приводитъ обыкновенно къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ борьба съ дурнымъ. Поэтому разсмотримъ сначала обыкновенныя причины близорукости, чтобы по возможности ихъ предупредить. Этотъ недостатокъ зрѣнія бываетъ иной разъ наслѣдственнымъ и вообще прирожденнымъ. Но близорукость является и результатомъ среды, въ которой живетъ человѣкъ. Обитатели городовъ и мѣстностей среди горъ, имѣя меньше случаевъ вглядываться въ даль, пріучаются примѣнять глазъ только къ близкимъ предметамъ, и потому не видятъ такъ далеко, какъ жители степей. Открытый ландшафтъ полезенъ для зрѣнія не только ребенка, но и взрослаго человѣка. Чтеніе мелкой печати [1]), чтеніе при плохомъ освѣщеніи, мелкая работа въ рукодѣліи, въ часовомъ мастерствѣ, все это заставляетъ ребенка держать разсматриваемый предметъ

---

[1]) Признается, что высота печатныхъ буквъ должна равняться 1,5 милиметра; разстояніе между двумя строками 2,5 милиметра; въ строкѣ не болѣе 60 буквъ. Такимъ условіямъ отвѣчаетъ настоящее изданіе.

близко къ глазамъ, отчего человѣкъ и пріучается приноравливать свое зрѣніе только къ близкихъ предметамъ. Если у учащагося классный столъ настолько высокъ, что при писаніи тетрадь отстоитъ отъ глазъ менѣе, чѣмъ на поларшина, то это очень содѣйствуетъ развитію близорукости. Устраненіе, насколько то возможно, условій, вызывающихъ близорукость, есть лучшее средство для предупрежденія и ослабленія этого недостатка. Кромѣ того, если онъ уже явился у ребенка, не слѣдуетъ упускать случаевъ, гдѣ можно заставить ребенка всматриваться въ даль. Въ этомъ отношеніи очень благопріятны прогулки въ деревнѣ, гдѣ охотно разглядываются отдаленные предметы, показывающіеся вдали на дорогѣ, также точно разсматриваніе звѣздъ на небѣ; послѣднее развиваетъ сверхъ того, и наблюдательность, и интересъ къ природѣ, и эстетическое чувство. Вниманіе къ устраненію условій вызывающихъ близорукость, и борьба съ ней въ сильной степени сохраняетъ и вообще развиваетъ зрѣніе подростающихъ поколѣній.

ДАЛЬТОНИЗМЪ. Этотъ недостатокъ зрѣнія иначе называется цвѣтовою слѣпотой. Онъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ не различаетъ нѣкоторыхъ окрасокъ, чаще всего красной и зеленой. Этимъ недостаткомъ страдали англійскій химикъ Дальтонъ и его два брата, имя которыхъ и дало названіе этому недостатку зрѣнія. Расказываютъ анекдоты о томъ, какъ Дальтонъ, вмѣсто красной, сдѣлалъ синюю подкладку для своей парадной мантіи ученаго, какъ одинъ портной положилъ желтую заплату на синій сюртукъ и былъ очень доволенъ своей работой. Но слѣдствія этого недостатка нерѣдко носятъ роковой характеръ. Отъ неумѣнія различать цвѣта бывали столкновенія поѣздовъ и пароходовъ, вслѣдствіе чего при пріемѣ на нѣкоторыя должности по желѣзнодорожному дѣлу

и при пріемѣ въ Морской корпусъ производится испытаніе, не страдаетъ ли человѣкъ дальтонизмомъ. Страдающіе имъ [1]) не могутъ рисовать красками и заниматься многими видами рукодѣлій: у нихъ могутъ появиться и грубыя ошибки и недостатокъ вкуса. Дальтониковъ не такъ мало, какъ можно думать. Серьезныя испытанія открываютъ этотъ недостатокъ у такихъ лицъ, которыя и сами этого не подозрѣвали. Нужно только различать истинный дальтонизмъ отъ неумѣнія вѣрно называть различные цвѣта, что, какъ и вообще дальтонизмъ, чаще встрѣчается между мужчинами, такъ какъ съ дѣтства они имѣютъ меньше практики въ различеніи цвѣтовъ.

Что касается различенія оттѣнковъ въ цвѣтахъ, которыхъ, по исчисленію нѣкоторыхъ, не менѣе 150, то одни люди къ этому болѣе способны, другіе менѣе. Послѣдніе не могутъ дать столь изящныхъ работъ, требующихъ тонкостей въ подборѣ красокъ. **Причина дальтонизма** заключается въ неправильности или въ поврежденіи глазъ, но нѣкоторая степень цвѣтовой слѣпоты можетъ быть слѣдствіемъ и ненормальности при воспитаніи.

Ребенокъ въ первый годъ своей жизни далеко не различаетъ всѣхъ цвѣтовъ; потомъ, по мѣрѣ практики, онъ развиваетъ въ себѣ эту способность зрѣнія. Но если онъ будетъ постоянно жить въ мрачной, подвальной обстановкѣ, съ своего двора не будетъ ходить въ поле, гдѣ такая разнообразная окраска въ растительности, то глазъ его въ этомъ отношеніи можетъ и не развиться. Чтобы дать умѣніе не только различать, но и называть цвѣта, въ нѣкоторыхъ пріютахъ часть

---

[1]) Дальтонизмомъ страдалъ императоръ Николай I, который часто объ этомъ забывалъ, напр., на парадахъ войскъ, отличавшихся тогда разноцвѣтными мундирами, но тотчасъ вспоминалъ объ этомъ послѣ того, какъ ему казалось, что неправильно выполнена его команда по передвиженіямъ.

стѣны раскрашивается въ различныя цвѣта, и подписываются ихъ названія. Очень полезно въ этомъ отношеніи, чтобы дѣти играли съ разноцвѣтными тряпочками, разсматривали картинки и рисовали разными красками и карандашами; это послѣднее много содѣйствуетъ и развитію тонкости мускульныхъ ощущеній, и наблюдательности, и развитію эстетическаго чувства. Прекраснымъ средствомъ для увеличенія наблюдательности къ краскамъ является разсматриваніе цвѣтовъ въ полѣ, въ саду. Не слѣдуетъ только требовать этого отъ ребенка; нѣтъ, если мы сами будемъ съ любовью относиться къ цвѣтамъ, то и дѣти станутъ также къ нимъ относиться вслѣдствіе склонности къ подражанію, присущей всѣмъ намъ и дѣтямъ въ особенности.

Косоглазіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ не направляетъ обоихъ своихъ глазъ на одну разсматриваемую точку, а только одинъ глазъ, другой же бездѣйствуетъ. Вслѣдствіе этого страдающій этимъ недостаткомъ не такъ быстро можетъ охватить видимые признаки предмета. Кромѣ того, эта ненормальность въ зрѣніи лишаетъ лицо естественной красоты.

Одной изъ причинъ косоглазія является укороченность какого либо изъ мускуловъ, управляющихъ движеніями глазъ. Въ дѣтствѣ сдѣланная операція устраняетъ этотъ недостатокъ зрѣнія. При яростномъ гнѣвѣ, при большомъ испугѣ, а также у душевно-больныхъ мы часто тоже замѣчаемъ скашиваніе глазъ. Въ данномъ случаѣ оно зависитъ уже отъ излишняго возбужденія нервной системы. То увеличивающееся, то уменьшающееся скашиваніе глазъ у ребенка служитъ признакомъ его нервности, и такой недостатокъ зрѣнія нужно имѣть въ виду, когда судимъ о ребенкѣ. Правильное физическое воспитаніе ослабляетъ нервность, вызывающую эту ненормальность въ работѣ глазъ. Кромѣ того, въ первый годъ своей жизни ребенокъ обыкновенно ко-

ситъ, такъ какъ не умѣетъ еще управлять своими глазами. Въ это то время нужно позаботиться о томъ, чтобы не было условій, способствующихъ развитію косоглазія. Такъ, если свѣтъ будетъ падать въ колыбельку съ одной стороны, а вѣшать игрушки и подходить будутъ къ ребенку съ другой стороны, то ребенокъ, подобно всѣмъ намъ, будетъ стремиться къ свѣту, но въ то же самое время будетъ стремиться и въ противоположную сторону, гдѣ можетъ видѣть игрушки, ожидать ласки. Это будетъ побуждать его глаза, еще не привыкшіе направляться на одну точку, разбрасываться на обѣ стороны. Лучше поставить кроватку такъ, чтобы свѣтъ падалъ сзади (спереди утомляетъ зрѣніе) или же подходить и вѣшать игрушки съ той стороны, откуда падаетъ свѣтъ. Если же ребенокъ почему либо уже пріобрѣлъ склонность къ косоглазію, то слѣдуетъ всякій разъ, когда мы видимъ его глаза сильно скошенными, тактично отвлекать его отъ такого положенія.

ГЛАЗОМѢРЪ. Въ повседневной жизни намъ часто приходится что либо раздѣлять на равныя части, напр., провизію, и довѣрять этому дѣленію, не провѣряя его точнымъ взвѣшиваніемъ или измѣреніемъ. При развѣшиваніи картинъ, портретовъ намъ тоже приходится полагаться на нашъ глазомѣръ. При кройкѣ или шитьѣ мы далеко не все рѣшаемъ измѣреніемъ, часто вполнѣ полагаемся на нашъ глазъ или руку, т. е. на глазомѣръ и мускульное ощущеніе. Въ ремеслахъ, при техническомъ рисованіи, напр., картъ, плановъ, многое обозначается только по опредѣленію глаза. Очень важенъ глазомѣръ живописцу и скульптору. Развивается же это свойство глаза только упражненіемъ. Пусть же ребенокъ, играя пескомъ, дѣлаетъ пирожки ровной величины, пусть вырѣзываетъ куклы изъ бумаги, рисуетъ, выпиливаетъ изъ дерева, занимается гимнастикой, состоящей изъ перепрыгиванія и бросанія въ цѣль:

такая гимнастика, какъ и игра въ мячъ, одновременно развиваетъ и глазомѣръ, и мускульное ощущеніе, и самые мускулы. Для развитія глазомѣра, мускульныхъ ощущеній и вмѣстѣ самыхъ мускуловъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ устанавливается для учащихся такъ называемый ручной трудъ, состоящій изъ легкихъ для дѣтей занятій преимущественно въ области столярнаго дѣла. При этомъ не имѣется въ виду подготовлять дѣтей къ столярному ремеслу, это была бы цѣль профессіональная; а имѣется въ виду лишь цѣль педагогическая—развить мускулы ребенка, его ощущенія, умѣніе представлять себѣ измѣненія въ предметахъ повседневной обстановки, развить чувство изящнаго и, наконецъ, способствовать развитію стойкости въ достиженіи намѣченной цѣли [1]).

СЛУХЪ.

ОРГАНЪ. Наше ухо представляетъ собою очень сложный аппаратъ, почти весь замкнутый въ крѣпкихъ костяхъ головы, почему онъ мало и доступенъ для изслѣдованія и для лѣченія. Поврежденія уха, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слуха появляются иногда еле замѣтно, потомъ укореняются и очень трудно излѣчиваются. Вслѣдствіе этого нужно относиться очень бережно къ этому органу. Вредно, хотя сначала и незамѣтно, отражаются на слухѣ удары по головѣ. Опасны для слуха хроническіе насморки, такъ какъ полость носа соединяется съ средней частью уха, и болѣзни (катарры) носа, передаваясь уху, вызываютъ глухоту.

[1]) О зрѣніи съ физіологической и психологической точки зрѣнія: 1) въ „Зоологіи“ „Поля Бера, въ перев. Симонова, стр. 394—432; 2) Д-ра Рейха: „Гигіена глазъ“ стр. 176, ц. 1 р.

ЗНАЧЕНІЕ СЛУХА. Черезъ этотъ видъ ощущеній мы узнаемъ тона, когда доходитъ до уха не менѣе 16 колебаній звуковой волны въ секунду, что въ частомъ видѣ встрѣчается очень рѣдко; мы слышимъ въ большинствѣ случаевъ осложненье тона, что обыкновенно называется звуками, когда до нашего уха доходятъ нѣсколько волнъ въ извѣстномъ соотношеніи другъ къ другу; и мы слышимъ шумъ, когда между звуковыми волнами нѣтъ опредѣленныхъ соотвѣтствій. Какъ раздраженія зрительнаго нерва даютъ только впечатлѣнія свѣта, цвѣта и блеска, и никакихъ больше, такъ **раздраженія слуховогo нерва даютъ лишь впечатлѣнія тоновъ, звуковъ и шумовъ**. Какія нибудь давленія на нашъ слуховой нервъ обыкновенно представляются намъ въ видѣ шумовъ, но не боли; ощущеніе боли въ ухѣ вызываются у насъ другими нервами.

Но различая шумы, звуки и тона, мы различаемъ очень многое. а) По звуку мы судимъ о томъ, что находится внутри тѣла, о матеріалѣ, изъ котораго состоитъ тѣло. Здѣсь слухъ какъ бы замѣняетъ зрѣніе, которымъ мы, въ противоположность слуху, не можемъ проникнуть во внутренность непрозрачнаго предмета, б) Если знакомое вамъ, пѣніе, громкое обыкновенно, слышится еле еле, то вы на основаніи опыта, пріобрѣтеннаго уже съ ранняго дѣтства опредѣляете, что оно раздается издали; съ усиленіемъ звука, вы твердо знаете, что источникъ его приближается къ вамъ. Такимъ образомъ, слухъ даетъ намъ возможность судить о разстояніи предмета. Этимъ пользуются въ театрахъ для изображенія издали приближающагося хора. в) Черезъ шумы и звуки мы можемъ лучше слѣдить за проявленіями жизни въ природѣ. Это часто позволяетъ намъ предупреждать опасность отъ дикихъ звѣрей, даетъ возможность находить удовольствіе въ пѣніи птицъ или въ шумѣ отъ сотенъ живыхъ существъ въ высокой травѣ.

Если бы мы не слышали шумовъ и звуковъ въ природѣ, она бы казалась намъ совсѣмъ другой, полумертвенной сравнительно съ тѣмъ, какъ мы ее знаемъ теперь. г) Слыша возгласы, крики и звуки, которые издаютъ живыя существа, мы понимаемъ, какія чувства они переживаютъ. Если вы видите изъ окна, но не слышите, какъ ударили собаку, какъ она съежившись убѣжала, вы ее пожалѣете; но вы пожалѣете больше и встрепенетесь даже всѣмъ существомъ своимъ, когда услышите за дверью, хотя и не увидите, что собаку бьютъ, и она визжитъ. Этотъ примѣръ и другіе подобные показываютъ, что черезъ слухъ мы лучше, чѣмъ черезъ зрѣніе, постигаемъ чувства другихъ живыхъ существъ. Это объясняетъ также тотъ фактъ, что люди вообще, и дѣти въ особенности, болѣе жестоко обращаются съ тѣми животными, которыя не издаютъ звуковъ. Заколоть рыбу не затрудняются многіе изъ тѣхъ, которые не согласятся заколоть птицу. Взрослые люди очень жестоко обращаются съ раками при ихъ варкѣ; бываетъ, что скоблятъ чешую съ живой рыбы, а дѣти часто обрываютъ крылья и ноги у живой мухи. И все это совершается не оттого, что взрослые и дѣти дѣйствительно жестоки, а оттого, что имъ не такъ легко подмѣтить, что испытываютъ живыя существа, не издающія звуковъ. д) Черезъ слухъ намъ становится доступенъ міръ музыки, доставляющій намъ много удовольствія и упражняющій наши чувства въ большей способности сочувствовать другимъ. е) Самое же главное, что доставляетъ намъ слухъ, это возможность говорить и понимать другихъ. Ребенокъ, слушая рѣчь окружающихъ, подмѣчаетъ значеніе словъ и затѣмъ старается имъ подражать. При этомъ ребенокъ, не обладая еще развитымъ ухомъ, плохо различаетъ звуки; не умѣя еше управлять органами рѣчи, онъ не можетъ выговорить того, чего хочетъ; если же удается

ему овладѣть какимъ либо словомъ, онъ радъ его всюду прибавлять. Этимъ объясняется неудовлетворительность дѣтскаго лексикона; въ большинствѣ случаевъ онъ является подражаніемъ тому, что разбираетъ ребенокъ въ рѣчи взрослыхъ. Важно поэтому, чтобы окружающіе говорили правильно и не поддѣлывались подъ говоръ дѣтей, иначе, у послѣднихъ не будетъ ничего твердаго для подражанія; коверканьемъ языка только пріучаютъ дѣтей къ неправильностямъ въ говорѣ, отъ которыхъ впослѣдствіи имъ придется уже съ трудомъ отучаться.

Если ребенокъ не только родится глухимъ, но даже оглохнетъ до шести лѣтъ, то онъ, не слыша произносимыхъ словъ, не будетъ пополнять своего запаса словъ и, затрудняясь говорить, забудетъ и то, что зналъ ранѣе. О дѣтяхъ, родившихся глухими или потерявшихъ слухъ до шести лѣтъ, можно впередъ сказать, что они непремѣнно станутъ нѣмыми, если не будутъ приняты особыя мѣры для смягченія этого бѣдствія. Отсюда вполнѣ ясна связь нашей рѣчи съ нашимъ слухомъ [1]).

РАЗВИТІЕ СЛУХА. Разсмотрѣніе того, что даетъ человѣку слухъ, показываетъ все его громадное значеніе. Тонкость его не только служитъ прекраснымъ

---

[1]) У глухонѣмыхъ образуются сами собою условные знаки для выраженія понятій, а при обученіи ихъ предлагается особая азбука изъ пальцевъ. Однако, этотъ пріемъ оставляется теперь только для тѣхъ, у которыхъ съ нѣмотою соединяется еще слабое зрѣніе или ненормальное развитіе органовъ рѣчи. Пріемъ этотъ неудобенъ попотому, что глухонѣмые могутъ имъ объясняться только съ тѣми, кто его изучилъ; вслѣдствіе этого они попрежнему не могутъ при его помощи имѣть общенія съ посторонними. Теперь глухонѣмыхъ учатъ понимать другихъ по движенію губъ, а сами они говорятъ, хотя и не слышатъ этого, дѣлая нужныя для того движенія своими органами рѣчи. Обучать ихъ этому очень трудно, такъ что въ Петербургѣ при Училищѣ глухонѣмыхъ Вѣд. учр. Имп. Маріи существуютъ двухлѣтніе педагогическіе курсы. Роу.: „О воспитаніи глухонѣмыхъ въ дошкольномъ возрастѣ“. Москва, 1903, ц. 15 коп.

условіемъ для развитія наблюдательности, для пониманія музыки и рѣчи, но и для пониманія всѣхъ оттѣнковъ въ чувствахъ людей. Сама природа окружаетъ ребенка многими шумами и звуками; она вселила матери склонность разговаривать съ нимъ даже въ тотъ періодъ жизни, когда онъ еще ничего не понимаетъ, и это даетъ ребенку возможность достаточно упражнять свой слухъ для его развитія. Если при этомъ воспитатель еще увеличитъ это количество упражненій ребенка погремушками, для развлеченіи ребенка будетъ тихонько ударять по разнымъ предметамъ, чтобы онъ могъ сравнивать различные звуки, то всѣмъ этимъ будетъ содѣйствовать развитію слуха ребенка. Прекрасно вліяютъ въ этомъ отношеніи пѣніе и музыка, которыя ребенокъ слышитъ, и еще лучше, въ которыхъ онъ самъ участвуетъ [1]). Однако, въ этомъ нужно быть осторожнымъ, чтобы не слишкомъ возбуждать нервную систему слабаго еще организма. Не громкіе и не очень быстрые мотивы болѣе соотвѣтствуютъ маленькому ребенку. Пѣніе же ради усыпленія ребенка пріучаетъ его не засыпать безъ этого, что часто бываетъ тяжело для ребенка и отнимаетъ слишкомъ много времени у матери; послѣдняя должна быть очень экономна въ отношеніи ко времени ради другихъ заботъ о дѣтяхъ и ради поддержанія своего собственнаго духовнаго развитія на пользу ея же собственныхъ дѣтей впослѣдствіи.

Для обсужденія. 1) Нѣтъ ли связи между подавленіемъ какихъ либо ощущеній съ одной стороны и самообладаніемъ, даже геройствомъ, съ другой?

2) Насколько вкусъ содѣйствуетъ нашему счастью въ жизни?

3) Какія ощущенія, мысли и чувства вызываются у насъ,

---

[1]) В. Короленко въ своей повѣсти: „Слѣпой музыкантъ“ художественно разъясняетъ значеніе слуха для развитія человѣка и нѣкоторые пріемы для этого.

когда мы беремъ въ руки противныхъ намъ животныхъ (на примѣрахъ)?

4) Какія ощущенія работаютъ и для чего именно, когда мы играемъ въ крокетъ или лаунъ тенисъ?

5) Принявъ во вниманіе имущественное положеніе, развитіе главныхъ духовныхъ дѣятельностей и отношенія къ окружающимъ отвѣтитъ на вопрсъ: кто несчастнѣе, родившійся глухимъ, но со зрѣніемъ, или родившійся слѣпымъ, но со слухомъ?

ПАМЯТЬ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ. Если мы сдѣлаемъ какое-либо движеніе, услышимъ что-нибудь, увидимъ, подумаемъ о чемъ-либо, разсердимся или пожелаемъ чего-либо, то все это со временемъ мы часто переживаемъ вновь въ нашей душѣ или въ нашихъ мускулахъ безъ прежнихъ причинъ, вызывавшихъ эти явленія. **Душевная дѣятельность, а также свойство мускуловъ, сохраняющія и воспроизводящія наши движенія, ощущенія, мысли, чувства и желанія, составляютъ то, что называется памятью.** Если бы мы не запоминали движеній, то не имѣли бы никакихъ привычекъ въ области движеній и не дѣлали-бы успѣховъ въ ремеслахъ и изящныхъ искусствахъ. Если бы мы не запоминали ощущеній, то при отсутствіи чего-либо, возбуждающаго сладкій вкусъ, бѣлый цвѣтъ, громкій звукъ, мы бы не могли думать объ этихъ явленіяхъ. Не запоминая словъ, мы бы не могли говорить. Для сложныхъ же размышленій нужно имѣть въ виду много различныхъ сужденій и фактовъ, т. е. обладать развитою памятью. Мы можемъ, затѣмъ, лучше или хуже помнить испытанныя нами удовольствія, не-

удовольствія, изумленія и т. д., а это часто обусловливаетъ собою наше отношеніе или чувство ко всему окружающему, вызываетъ, напр., чувства симпатіи, благодарности, вражды и т. д. Наконецъ, одни люди лучше помнятъ намѣченныя для себя цѣли, другіе хуже, и это отражается на всей ихъ дѣятельности. Короче, **память сильно вліяетъ на нашъ умъ, чувства и дѣятельность.**

РОСТЪ ПАМЯТИ. Въ первое время жизни ощущенія ребенка работаютъ слабо, мозгъ его еще не сформировался, отчего въ этотъ періодъ у него и не можетъ быть достаточно сильныхъ впечатлѣній, чтобы они припоминались ему впослѣдствіи. Только приблизительно отъ третьяго года и за рѣдкими исключеніями отъ болѣе ранняго возраста, у ребенка остаются воспоминанія объ отдѣльныхъ фактахъ, что и заставляетъ воспитателя уже серьезнѣе относиться къ людямъ, окружающимъ ребенка съ этого возраста. Если послѣдній запомнитъ что либо грубое, тяжелое въ нравственномъ отношеніи, какую нибудь несправедливость по отношенію къ себѣ, то такое воспоминаніе можетъ впослѣдствіи или огрубляющимъ образомъ дѣйствовать на него или тяжело вліять на его чувства къ какому нибудь лицу. Хотя о первыхъ двухъ годахъ жизни мы обыкновенно ничего не помнимъ, но память наша энергично работаетъ и въ это время [1]. Ребенокъ не только запоминаетъ всѣ окружающіе его предметы, многія отношенія людей другъ къ другу и нѣкоторыя нравственныя требованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ запоминаетъ и названія всему этому. Такимъ образомъ матеріала для его запоминанія больше, чѣмъ много, и въ ошибку впадетъ воспитатель, если осложнитъ этотъ матеріалъ многими предметами въ дѣтской,

---

[1]) Интересно сравнить первыя воспоминанія по литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ рисуется дѣтство (Аксакова, Сысоевой, Желиховской и др.)

если заставить вникать заразъ въ нѣсколько языковъ, словомъ, окружить ребенка обиліемъ впечатлѣній. Какъ и взрослые, ребенокъ будетъ утомляться отъ этой массы воздѣйствій на него, что можетъ вредно повліятъ на духовную и физическую стороны въ его развитіи, и это обиліе впечатлѣній помѣшаетъ самому запоминанію ихъ. Ускоряя въ этомъ возрастѣ пріобрѣтенія ребенка, мы тѣмъ самымъ будемъ ихъ только замедлять.

По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ, и память его развивается. Съ глубокой древности различныя народности замѣчали, что къ ребенку можно предъявлять бо̀льшія требованія только около семи лѣтъ. Этого держались и на Востокѣ, и въ древней Греціи, и въ Римѣ, и въ средніе вѣка у рыцарей. Православная Церковь устанавливаетъ исповѣдь только съ семи лѣтъ. Совершенно согласны съ этими фактами и новѣйшія изслѣдованія головнаго мозга. Оказывается, что голова ребенка растетъ быстро до седьмаго года, а потомъ ростъ ея сильно замедляется до 15 лѣтняго возраста. Слѣдовательно, до семи лѣтъ нужно быть очень осторожнымъ, чтобы не повредить ребенку. **До семи лѣтъ лучше не принуждать ребенка учиться**, а если онъ слабаго физическаго развитія, или среди его родныхъ было много больныхъ или алкоголиковъ, то лучше ученіе отложить еще на одинъ годъ. Окрѣпшій ребенокъ догонитъ и будетъ еще имѣть время приготовиться для поступленія въ среднюю школу. Правда, въ Зап. Европѣ въ школу начинаютъ ходить съ шести лѣтъ, но наши дѣти въ общемъ слабы здоровьемъ, да и воспитаніе въ нашихъ школахъ, вслѣдствіе уже климата одного, не такъ благопріятно для здоровья, и потому оказывается болѣе соотвѣтствующимъ начинать обученіе дѣтей не ранѣе семи лѣтъ.

Затѣмъ, въ юношескомъ и зрѣломъ возрастѣ память выигрываетъ въ точности, воспріимчивости и

легкости воспроизведенія, на замѣчается уже, что работаетъ она болѣе успѣшно въ одной какой либо области, а не во всѣхъ одинаково, какъ прежде. Однако, на какой именно области будетъ специализироваться память—этого нельзя сказать впередъ.

Ассоціаціи воспріятій. Память наша безпрерывно воспроизводитъ факты, нами пережитые, и мы при помощи вниманія можемъ руководить ея дѣятельностью. Останавливаясь на однихъ воспоминаніяхъ, отталкивая другія и стараясь воспроизвести нужныя, мы даемъ нашимъ припоминаніямъ характеръ **активный**. Тѣ же припоминанія, которыя являются безъ всякаго усилія съ нашей стороны, часто даже противъ нашей воли, называются **пассивными**. Въ послѣднемъ случаѣ, въ нашихъ мысляхъ проносятся цѣлые ряды различныхъ представленій, напр., наше дѣтство, первый учитель, его національныя особенности, другія національности, иностранные магазины, товары, ихъ производство у насъ, географическія условія, атласъ, его прекрасный переплетъ, дороговизна жизненныхъ продуктовъ, наши матерьяльныя средства, родители, опять наше дѣтство и т. д. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ мы иной разъ переносимся въ мысляхъ отъ одной группы предметовъ, къ другой, къ третьей, опять къ первой, къ четвертой и т. д. [1]). Съ перваго взгляда, въ такихъ воспоминаніяхъ нѣтъ никакого порядка, но и въ этой сферѣ душевной дѣятельности есть извѣстные законы. Всѣ испытанныя нами движенія, ощущенія, мысли, чувства и акты воли сохраняются у насъ въ извѣстной связи между собою, по которой и воспроизводятся въ нашей памяти. Эта связь, или порядокъ въ непроизвольныхъ воспоминаніяхъ называется **ассоціаціей воспріятій**, которая бываетъ двухъ родовъ.

---

[1]) Воспоминанія Кочубея „Полтава". Пѣснь 2-ая.

1) Если вы вспомните, какъ въ послѣдній разъ входили въ церковь, то очень легко, можетъ быть, вспомните и то, какъ собирались туда, и гдѣ встали, и какъ стояли, и кто былъ около васъ. Въ этомъ случаѣ впечатлѣнія отъ сборовъ въ церковь, входа туда и обстановки пережиты были вами вмѣстѣ въ неразрывной связи, смежно, и потому здѣсь обнаруживается законъ **ассоціаціи по смежности**. Въ силу этого закона, если мы испытали вмѣстѣ нѣсколько движеній, мыслей, чувствъ, актовъ воли, то воспоминаніе объ одномъ изъ этихъ явленій влечетъ за собою и воспоминаніе о другомъ, съ нимъ смежномъ.

Вы вспоминаете какую нибудь картину и вмѣстѣ съ тѣмъ комнату, въ которой вы ее видѣли; но бываетъ и такъ: вспомнивъ событіе, бывшее съ вами, вы воспроизводите въ памяти и то, что предшествовало или слѣдовало ему. Въ первомъ примѣрѣ два впечатлѣнія (отъ картины и комнаты) кажутся воспринятыми одновременно, сосѣдними, смежными по мѣсту, и потому воспроизведеніе ихъ совершается здѣсь въ силу **ассоціаціи по смежности мѣста.** Во второмъ примѣрѣ впечатлѣнія отъ событій были восприняты одно за другимъ, они были смежны по времени, и потому воспроизведеніе ихъ совершается здѣсь въ силу **ассоціаціи по смежности времени**. Обоими видами ассоціаціи по смежности мы постоянно пользуемся въ жизни. Ребенокъ смотритъ на няню и слушаетъ ея сказки, впослѣдствіи онъ по поводу сказокъ вспоминаетъ няню, и наоборотъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ заразъ воспринялъ эти два впечатлѣнія, здѣсь, слѣдовательно, проявляется ассоціація по смежности мѣста. Точно также ученикъ, увидѣвъ на картѣ два города рядомъ, вспомнитъ ихъ потомъ тоже вмѣстѣ [1]). Если же

---

[1]) Ассоціаціей по смежности мѣста объясняется обычай дарить предметы на память или завязывать узелки на платкѣ, чтобы не забыть о нужной вещи.

ученикъ повторялъ за учителемъ слово за словомъ въ какой нибудь баснѣ и потомъ по поводу одного изъ этихъ словъ вспомнитъ слѣдовавшее за нимъ, то въ данномъ случаѣ онъ воспринялъ впечатлѣнія, неразрывно слѣдовавшія другъ за другомъ по времени, и потому здѣсь проявится ассоціація по смежности времени. Заучиваніе порядка дней, мѣсяцевъ и т. д. дается тоже при помощи этого вида ассоціаціи, т. е. ассоціаціи по смежности времени.

2) Другой родъ ассоціацій нашихъ воспріятій обнаруживается совсѣмъ иначе. Если вы, напр., читаете про какого нибудь героя повѣсти, то вспомните между знакомыми лицо, на него похожее, или, если видите эгоистическій поступокъ, то вспомните подвигъ самоотверженія. Герой повѣсти и знакомое вамъ лицо по своимъ качествамъ однородны; эгоистическій поступокъ и подвигъ самоотверженія, какъ отношенія къ ближнему, тоже проявленія характера одного и того же рода, порядка. Въ обоихъ примѣрахъ обнаруживается законъ **ассоціаціи воспріятій по однородности**, который заключается въ томъ, что по поводу одного какого-нибудь воспріятіи движенія, ощущенія, мысли, чувства, акта воли вызывается въ памяти другое, съ нимъ однородное. Будетъ ли второе воспріятіе похоже на первое или противоположно, какъ эгоизмъ и самоотверженіе, это все равно. Послѣдній случай ассоціаціи часто называется ассоціаціей по противоположности.

Въ жизни дѣтей также мы часто видимъ примѣненіе ассоціаціи по однородности. Такъ, дѣти 4—5 лѣтъ совершенно неожиданно дѣлаютъ удачныя и неудачныя сравненія и сопоставленія, подсказанныя ассоціаціей по однородности, напр., небо, покрытое облаками, они сравниваютъ съ простоквашей. Въ дѣлѣ обученія, чтобы классъ лучше запомнилъ нѣмецкія слова: sitzen, Stuhl, drei, французскія: mon,

trois и т. д., учитель обращаетъ вниманіе на сходство ихъ съ русскими словами, и потомъ учащіеся, по поводу этихъ русскихъ звуковыхъ формъ, вспоминаютъ соотвѣтствующія имъ иностранныя слова. Ассоціацией противоположности иногда пользуются при изученіи поэзіи: („Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ").

Всѣ виды нашей душевной дѣятельности постоянно соединяются другъ съ другомъ; также точно и ассоціаціи по смежности и однородности часто совпадаютъ одна съ другой. Такъ, если учитель, описавъ расположеніе горъ въ Азіи, перейдетъ затѣмъ къ расположенію ихъ въ Африкѣ, то ученики, вспомнивъ впослѣдствіи объ однѣхъ горахъ, вспомнятъ и о другихъ; въ этомъ имъ помогутъ и ассоціація по однородности—расположеніе горъ здѣсь и тамъ совершенно противоположно, и ассоціація по смежности времени—описанія тѣхъ и другихъ слѣдовали одно за другимъ.

Воспитательныя вліянія на ассоціаціи воспріятій. Вспоминая какой нибудь фактъ изъ нашей жизни, напр., разсматриваніе знаменитой картины, мы въ силу ассоціацій по смежности часто вспоминаемъ не только содержаніе картины, но и раму ея и людей, которые случайно стояли около насъ въ это время, и ихъ костюмъ, и ихъ позы, вспоминаемъ, куда пошли мы послѣ того и т. д. Такимъ образомъ ассоціаціи по смежности времени и мѣста соединяютъ между собою факты, не имѣющіе часто никакой внутренней связи и смежные только по случайности. Если мы безконтрольно отдаемся нашимъ впечатлѣніямъ, то мы важное затемняемъ неважнымъ; поэтому-то путемъ бесѣды нужно побуждать ребенка искать внутреннюю, не случайную, связь въ переживаемыхъ имъ впечатлѣніяхъ отъ чтенія или отъ окружающихъ фактовъ. Онъ привыкнетъ къ этому и затѣмъ уже безъ всякаго усилія воли будетъ раздумывать о связи

явленій, отыскивая, какое изъ нихъ подчиняется и какое обусловливаетъ. При такой постоянной работѣ разсудочной дѣятельности, память не будетъ заваливаться излишними матеріалами, и въ ней будутъ храниться по преимуществу цѣнные и внутренно связные ряды впечатлѣній; человѣкъ привыкнетъ изъ ассоціированнаго по смежности выбрасывать все то, что нецѣнно, т.-е. онъ пріучится свои ассоціаціи по смежности приводить въ связь съ работой ума. При такомъ условіи работа памяти и работа ума помогаютъ другъ другу, и получается припоминаніе, полезное для умственной дѣятельности. Чтобы поддержать въ учащемся такой пріемъ запоминанія по внутренней связи, воспитатель, въ случаѣ ученикъ забудетъ, что слѣдуетъ дальше въ разсказѣ или въ выученномъ наизусть, не долженъ подсказывать ему нужное слово: лучше сдѣлаетъ онъ, если разсужденіемъ наведетъ на самую мысль, которую тотъ затрудняется изложить.

Если ученикъ постоянно затрудняется связно излагать даже хорошо знакомый ему матеріалъ, но вполнѣ удовлетворительно отвѣчаетъ на отдѣльные вопросы, то это свидѣтельствуетъ о томъ, что у него слабо развита ассоціація по смежности. Въ этомъ случаѣ его слѣдуетъ научить при запоминаніи чего-нибудь обращать вниманіе не столько на самые факты, сколько на ихъ внутреннюю связь между собою, и факты тогда запомнятся сами по себѣ, по ассоціаціи смежности, и ученикъ будетъ умѣть связно излагать ихъ въ согласіи съ требованіямъ разума.

При недостаточномъ развитіи ассоціаціи по однородности, у человѣка не хватаетъ сравненій, сопоставленій и подведеній въ одну группу только съ перваго взгляда разнородныхъ явленій. Чтобы избѣгнуть этого, пусть учитель, разобравъ съ дѣтьми какой нибудь разсказъ, заставитъ ихъ припомнить изъ прежде

знакомаго имъ матеріала что-либо подобное только что прочитанному. Отъ такого упражненія разовьется привычка при помощи однородности чертъ связывать впечатлѣнія между собою и группировать каждое новое пріобрѣтеніе изъ области знаній съ пріобрѣтеннымъ уже прежде. Это содѣйствуетъ и запоминанію новаго, и его выясненію, и, наконецъ, обобщенію различныхъ фактовъ.

СОСТАВЪ ПАМЯТИ. Бываютъ душевно-больные, которые узнаютъ близкихъ себѣ людей только по голосу, а не по лицамъ, понимаютъ, что имъ говорятъ, но перестаютъ понимать написанное; такіе больные забываютъ все полученное черезъ зрѣніе, сохраняя память на все остальное. Другіе забываютъ только слышанное. Такъ, ребенокъ, послѣ удара въ голову, сохранилъ въ памяти все, кромѣ познаній своихъ въ музыкѣ. Встрѣчаются и такія лица, которыя забываютъ нужныя движенія даже для самыхъ привычныхъ дѣствій, напр., хозяйка дома забыла, какъ разливается чай. Съ другой стороны, встрѣчались лица, которыя, прослушавъ цѣлую рѣчь на совершенно незнакомомъ языкѣ, воспроизводили ее цѣликомъ. Извѣстный художникъ Дорэ, разъ увидавъ мелкій фотографическій снимокъ съ Альпійскихъ горъ, потомъ по памяти воспроизвелъ эту фотографію на картинѣ со всѣми ея подробностями. Моцартъ, два раза прослушавъ Miserêre Сикстинской Капеллы, ноты которой строго было запрещено кому-либо показывать, написалъ ее на память; это всѣхъ тогда поразило. У такихъ лицъ, слѣдовательно, особенно хорошо развита память на звуки или на образы. Такъ какъ памятью на слышанное, видѣнное, прочувствованное и. т. д. обладаютъ въ большей или меньшей степени всѣ, то вышеизложенные и имъ подобные факты приводятъ къ заключенію, что **память каждаго человѣка слагается изъ памяти**

на движенія, разныя ощущенія, мысли, чувства и т. д. Этимъ объясняются многія явленія изъ дѣтской жизни. Одинъ ребенокъ очень скоро усваиваетъ правописаніе, другому оно не дается: у него слаба память зрительная и мускальная, (память на движенія), которыя нужны для орѳографіи. Одинъ ребенокъ легко запоминаетъ со словъ учителя, другой долженъ непремѣнно видѣть это написаннымъ: у него мало развита слуховая память. Поэтому, если учитель, занимаясь съ цѣлымъ классомъ начинающихъ обучаться иностранному языку, въ теченіе всего урока не будетъ прибѣгать къ чтенію и письму, то этимъ легко можетъ затруднить тѣхъ изъ учениковъ, у которыхъ по преимуществу работаетъ зрительная, а не слуховая память. По экспериментальнымъ изслѣдованіямъ послѣдняго времени больше всего встрѣчается людей съ преобладаніемъ зрительной памяти. Точно также ремесла легче даются тому, у кого хороша память на движенія. Такъ какъ изъ этихъ отдѣльныхъ памятей слагается общая, которая и имѣется обыкновенно въ виду при оцѣнкѣ способностей человѣка, то и нужно обратить вниманіе на развитіе каждой памяти въ отдѣльности. Кто плохо различаетъ звуки, цвѣта, плохо глазомъ опредѣляетъ разстояніе, тотъ не получаетъ отъ всего этого достаточно сильныхъ впечатлѣній и не легко запоминаетъ все это; точно также только тотъ, кто создаетъ себѣ ясныя мысли, кто испытываетъ сильныя чувства, тотъ легко ихъ запомнитъ. Слѣдовательно, для развитія этихъ отдѣльныхъ памятей необходимо стремиться къ развитію въ отдѣльности ощущеній, къ развитію ума, чувствъ и волевой дѣятельности ребенка. Но нужно имѣть въ виду, что развивая зрительную память, мы этимъ еще нисколько не вліяемъ на другія составныя части памяти, и наоборотъ, развивая другія составныя

части памяти, мы этимъ не вліяемъ на ту, которую оставляемъ безъ упражненія.

Свойства памяти. Составныя части, слагающія общую память, соединяются у каждаго человѣка настолько различно, что нѣтъ двухъ людей съ одинаковою памятью. Такъ, Вальтеръ-Скоттъ говаривалъ: „память моя ненадежный мой союзникъ; я отлично помню лучшія мѣста изъ поэтовъ, пѣсню изъ трагедіи или драмы, особенно баллады, но имена, числа, и все, что принадлежитъ къ точной исторіи, не по моей части“. Бываютъ даже дѣти, которыя обладаютъ поразительнымъ умѣніемъ запоминать сложныя цифры при рѣшеніи задачъ, но поразительная память ихъ ограничивается лишь этою областью. Наоборотъ встрѣчаются люди, которые почти одинаково запоминаютъ представляемый имъ матеріалъ изо всѣхъ областей человѣческихъ знаній. Такимъ образомъ, по разнородности охватываемыхъ памятью фактовъ, различаютъ два вида ея: память **односторонняя**, узкая, или спеціальная, **и память разносторонняя**, или широкая. Хотя для всякой серьезной умственной работы необходима спеціализація въ знаніяхъ, но для широкой мысли нужна и всесторонность, и потому воспитателю приходится заботиться не о спеціализаціи памяти, которая при спеціальныхъ занятіяхъ является сама собою, а напротивъ, о ея разносторонности. Для этого нужно дать ребенку по нѣскольку основныхъ фактовъ изъ разныхъ отраслей знаній, и тогда онъ въ послѣдующей жизни, читая и слыша даже о второстепенныхъ явленіяхъ, будетъ, при помощи ассоціаціи по однородности, вспоминать о прежде данныхъ ему фактахъ, думать о вновь пріобрѣтенныхъ и о прежнихъ вмѣстѣ и такимъ образомъ связывать ихъ ассоціаціей по смежности. Если же основныхъ точекъ для связыванія съ ними новыхъ разнообразныхъ свѣдѣній

не дано человѣку, то большинство воспринятаго въ повседневной жизни ни съ чѣмъ не свяжется, вслѣдствіе чего позабудется, и человѣкъ не овладѣетъ разносторонними знаніями. Короче, **нужно человѣку всестороннее образованіе.**

Различается память еще и по своей работѣ, которая состоитъ, какъ въ запоминаніи, такъ и въ припоминаніи предмета. Есть люди, которымъ и то и другое дается очень легко, другимъ легко дается только запоминаніе, третьимъ—одно припоминаніе. Работа памяти зависитъ отъ многихъ условій, лежащихъ, какъ въ природѣ каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и въ характерѣ полученнаго имъ образованія, что увидимъ ниже.

Выгодныя и невыгодныя свойства въ работѣ памяти, различнымъ образомъ сочетаясь, даютъ нѣсколько типовъ. Одинъ изъ чаще встрѣчающихся, это память легко воспринимающая, но не легко воспроизводящая. Ученикъ съ такою памятью иной разъ вводитъ въ заблужденіе окружающихъ, которые, замѣчая, какъ онъ легко и быстро заучиваетъ все преподаваемое ему, возлагаютъ на него большія надежды. Но этотъ типъ памяти уступитъ предъ другимъ, тоже часто встрѣчающимся, который характеризуется труднымъ запоминаніемъ, но легкимъ воспроизведеніемъ впослѣдствіи. Ученикъ съ такою памятью проходитъ школу съ трудомъ, но зато обладаетъ запасомъ твердыхъ знаній для послѣдующей жизни, которая въ нѣсколько разъ длиннѣе школьнаго періода.

Усовершенствованіе памяти очень важно для человѣка, но только при томъ условіи, чтобы она не превышала дѣятельности разсудка. Въ противномъ случаѣ дѣти мало вдумываются въ сущность урока, а берутъ его почти исключительно памятью; въ послѣдующей же жизни такіе люди иной разъ даже удивляютъ своими знаніями,

но дѣйствуютъ и думаютъ, не столько сообразуясь съ обстоятельствами, сколько прислушиваясь къ услышаннымъ или вычитаннымъ совѣтамъ. Мать съ такою памятью не вдумается въ причину недостатка въ своемъ ребенкѣ, а безъ разбора станетъ примѣнять къ нему мѣры, о которыхъ приходилось ей больше слышать. Изъ этого ясно, что нужно стремиться къ равномѣрному развитію памяти и разсудочной дѣятельности. Поэтому уже на первыхъ ступеняхъ обученія, когда у ребенка еще только складываются тѣ или другія привычки заниматься, учитель долженъ выбирать такіе пріемы, которые бы одновременно возбуждали дѣятельность памяти и дѣятельность разсудка. Иначе ребенокъ можетъ себѣ усвоить самую неправильную привычку учиться, напр., заучивать стихи по строкамъ, не обращая вниманія на предложенія и ихъ смыслъ. Забота о насажденіи хорошихъ привычекъ въ занятіяхъ дѣтей есть долгъ родителей, учителей и репетиторовъ.

Условія, облегчающія дѣятельность памяти. Эти условія лежатъ: а) въ самомъ предметѣ запоминанія и б) въ запоминающемъ субъектѣ.

а) **Предметъ легче запоминается, когда онъ производитъ на насъ сильное впечатлѣніе.** Сила впечатлѣнія зависитъ отъ многихъ причинъ.

1) Если предложить выслушать одну изъ двухъ біографій, напр., Тургенева или Лопе-де-Вега, то большинство русскихъ людей съ бо́льшимъ интересомъ отнесется къ первой, при равныхъ условіяхъ изложенія той и другой. Вообще, біографія поэта насъ тогда сильнѣе заинтересовываетъ, когда мы знакомы съ его произведеніями; но если такая біографія, даже любимаго писателя, не заставитъ работать нашъ умъ, наше чувство или нашу волю или же трудностью языка будетъ намъ мало доступна, она не вызоветъ въ насъ интереса. Изъ этого и подобныхъ примѣровъ (интересъ къ мелочамъ жизни

родной семьи и незнакомой семьи) ясно, что въ области знаній **мы интересуемся тѣмъ, что связано съ нашими прежними знаніями, доступно намъ и притомъ вызываетъ какой-либо видъ нашей душевной дѣятельности.** Все для насъ интересное вызываетъ невольное съ нашей стороны вниманіе, которое собственно и усиливаетъ впечатлѣніе. Кромѣ того, заинтересовывающій насъ предметъ, воспроизводя въ нашей памяти прежнія знанія, напр., разсказъ о новой кометѣ—свѣдѣнія о прежде намъ извѣстныхъ кометахъ, связывается съ ними, и потому имѣетъ гораздо больше случаевъ для своего воспроизведенія впослѣдствіи. Вотъ почему, если хотимъ дать маленькому ребенку историческія свѣдѣнія, то лучше начинать съ такихъ, которыя связаны съ мѣстностью, въ которой онъ живетъ, напр., начать разсказывать объ основаніи города, въ которомъ онъ родился, о лицѣ, изображенномъ на памятникѣ, около котораго онъ гуляетъ и т. д. Между прочимъ и ради интереса, въ дѣлѣ обученія постоянно держатся правила—итти отъ знакомаго къ незнакомому и никогда наоборотъ. Однако, никакъ не слѣдуетъ ограничиваться въ обученіи лишь интереснымъ для дѣтей, такъ какъ ребенокъ не выучится сосредоточивать вниманіе на предметѣ, его не интересующемъ, что необходимо бываетъ во всякой серьезной дѣятельности.

2) Каждый человѣкъ въ теченіе всей своей жизни помнитъ сильный ударъ грома или блескъ молніи, хорошо данное объясненіе, сильный испугъ или какое-либо страстное желаніе, хотя бы эти явленія испыталъ онъ въ раннемъ дѣтствѣ. Слѣдовательно, все, что сильно вліяетъ на нашу душевную дѣятельность, то производитъ на насъ сильное впечатлѣніе и вслѣдствіе этого хорошо нами запоминается.

3) Впечатлѣніе усиливается, если при его полученіи

участвуетъ не одна, а нѣсколько душевныхъ дѣятельностей вмѣстѣ, напр., различныя ощущенія, размышленіе, чувства или воля. Вотъ почему надолго остаются въ памяти слова учителя, умѣющаго своимъ чувствомъ согрѣть разсказъ и тѣмъ вызвать въ ученикахъ работу чувства, ума и воли вмѣстѣ. Если измѣнитъ современемъ память на мысли, то поможетъ память на чувства, ощущеніи и т. д. Для болѣе прочнаго утвержденія знаній въ нашей памяти существуетъ пріемъ нагляднаго обученія, состоящій въ томъ, что не только говорятъ о предметѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараются, чтобы ученики ознакомились съ нимъ по возможности черезъ бо̀льшее число ощущеній. Для этого показываютъ самый предметъ, даютъ его осязать, узнавать вкусъ, приносятъ его рисунокъ, модель и т. д. Такимъ образомъ предметъ усваивается не одною какою либо памятью, а памятью нѣсколькихъ ощущеній. Пріемъ этотъ до нѣкоторой степени приложимъ и къ отвлеченнымъ наукамъ. Такъ, отчетливое расположеніе на классной доскѣ примѣровъ, изъ которыхъ выводится отвлеченное правило, много поможетъ утвержденію его въ памяти. При обученіи правописанію нужно, чтобы учащіеся запоминали начертаніе слова не только по разъясненіямъ учителя, но и видѣли бы его, и сами написали его, т. е. утвердили бы его себѣ черезъ зрительную, слуховую и мускульную память. Нужно стремиться предупреждать ошибки, чтобы невѣрное изображеніе слова или невѣрное движеніе для его начертанія, оставшись въ памяти ребенка, не сбивали его впослѣдствіи. Однако, не слѣдуетъ всегда поспѣшно обращаться къ пріему нагляднаго обученія. Если дѣти въ состояніи представить себѣ предметъ при помощи воображенія, то пусть попытаются достичь этого, иначе ихъ воображеніе будетъ мало упражняться. Когда дѣти хоть немного представятъ себѣ нужный образъ, тогда

полезно обратиться къ самому предмету или его изображенію, модели, что поможетъ слабымъ ученикамъ точнѣе понять объясненіе, а всѣмъ тверже его запомнить. Отцомъ нагляднаго обученія считается великій славянскій педагогъ, Янъ Амосъ Коменскій († 1670 г.).

4) Впечатлѣніе отъ предмета усиливается при повтореніи, чѣмъ пользуются при заучиваніи наизусть. Но нужно замѣтить ради дидактическихъ цѣлей, имѣющихъ въ виду воспріятіе не одною памятью, а глубокое и всестороннее усвоеніе предмета, что при повтореніяхъ слѣдуетъ давать новое расположеніе прежнему учебному матеріалу, Такъ, если первоначально этимологія и синтаксисъ проходились совмѣстно, что и должно быть, то затѣмъ ихъ можно раздѣлять, и наоборотъ; если ариѳметическія дѣйствія объяснялись, исходя изъ примѣровъ, то при повтореніи ученикъ можетъ давать прямо правила и затѣмъ ихъ доказательства. При такомъ повтореніи учащійся увидитъ новыя соотношенія частей и замѣтитъ многое, чего прежде не замѣчалъ. Если при этомъ, строго говоря, нѣтъ буквальнаго повторенія, которое помогаетъ запоминанію наизусть, то зато новая постановка предмета вызоветъ бòльшій интересъ, который въ свою очередь усилитъ впечатлѣніе отъ предмета и тѣмъ тоже будетъ помогать запоминанію.

Наконецъ, въ 5) Если мы скоро обойдемъ музей, если передъ нами быстро пронесется смѣна явленій, то мы плохо запомнимъ содержаніе музея или смѣну явленій. При быстромъ разсматриваніи предмета, онъ не успѣетъ достаточно сильно воздѣйствовать на нашъ мозгъ, что нужно для запоминаній. Сверхъ того, мы не успѣемъ нашимъ размышленіемъ связать, ассоціировать этотъ предметъ съ прежними нашими мыслями,— отчего онъ и не будетъ легко вспоминаться. Ясно поэтому, что сила впечатлѣнія отъ предмета, а слѣдова-

тельно, и прочность запоминанія его зависятъ отъ продолжительности времени, которое мы употребляемъ на его усвоеніе. Иначе говоря, чѣмъ продолжительнѣе фиксація предмета, тѣмъ прочнѣе его запоминаніе. Вотъ почему нельзя полагаться на знанія, пріобрѣтенныя только къ экзамену; вотъ почему надо энергично бороться съ привычкой слишкомъ быстро читать книги, „глотать“ ихъ: отъ такого чтенія мало что остается для воспоминанія въ нужный моментъ, и читающій, кромѣ того, привыкаетъ поверхностно относиться къ серьезнымъ фактамъ.

б) Другія условія, облегчающія дѣятельность памяти, заключаются въ самомъ запоминающемъ субъектѣ.

1) Утомленные, мы съ трудомъ запоминаемъ что либо новое, забываемъ знакомыя намъ собственныя имена, цѣлые факты, пропускаемъ буквы на письмѣ и не можемъ подыскать подходящее выраженіе. Одинъ англійскій путешественникъ разсказываетъ, что ему пришлось два раза въ одинъ и тотъ же день спуститься въ глубокія шахты, и во второй разъ онъ такъ ослабѣлъ, что совершенно забылъ нѣмецкій языкъ, на которомъ объяснялся съ проводникомъ. Тогда онъ вышелъ на воздухъ, принялъ немного пищи и вина, нѣсколько отдохнулъ, и весь нѣмецкій языкъ возвратился къ нему обратно. Если съ вечера мы заучимъ что либо нетвердо, то очень часто на слѣдующее утро, послѣ спокойно проведенной ночи, помнимъ это уже хорошо. Малокровіе тоже ослабляющимъ образомъ вліяетъ на работу памяти, что и замѣчается послѣ тяжкихъ болѣзней; такое же вліяніе оказываютъ сотрясенія и удары въ голову. Одинъ отецъ семейства, не успѣвъ удержать испугавшуюся лошадь, получилъ при паденіи толчекъ въ голову. Придя въ себя, онъ помнилъ встрѣчу со своимъ другомъ, бывшую за нѣсколько верстъ до мѣста паденія, но затѣмъ ничего

не помнилъ; онъ не могъ вспомнить и впослѣдствіи, какъ ѣхалъ далѣе, какъ старался удержать лошадь, въ какомъ положеніи оставилъ ѣхавшихъ съ нимъ жену и ребенка. Обиліе подобныхъ примѣровъ заставляетъ насъ осторожнѣе относиться къ дѣтямъ, которыя часто не могутъ вспомнить того, что было съ ними передъ какой нибудь несчастной случайностью; на выручку имъ обыкновенно приходитъ ихъ живое воображеніе, которое окончательно ихъ запутываетъ и дѣлаетъ лгунами въ глазахъ окружающихъ. Всѣ эти факты приводятъ къ неоспоримому выводу, что наше здоровье и вообще физическое состояніе сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ, какъ на воспріятіе новаго, такъ и на воспроизведеніе уже пережитаго. Поэтому, ради успѣшной работы памяти, прежде всего нужно обратить вниманіе на физическое состояніе ребенка и этого никогда не забывать, если хотимъ ему успѣха въ ученіи.

2) Дѣятельность памяти много зависитъ и отъ упражненія, что съ большой очевидностью доказываютъ фокусники, которые долгимъ и постепеннымъ упражненіемъ доходятъ до того, что, одинъ разъ перебравъ хорошо смѣшанную колоду картъ, точно помнятъ ихъ расположеніе. Однако, не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ упражненіемъ, такъ какъ всякая память имѣетъ свои предѣлы, и если мы будемъ чрезмѣрно ее утруждать, то новый матеріалъ или вовсе не будетъ нами запоминаться или будетъ сильно вытѣснять пріобрѣтенное нами прежде. Поэтому надо стараться, чтобы дѣти запоминали только то, что дѣйствительно для нихъ полезно.

3) Успѣшная работа памяти зависитъ и отъ умѣнья человѣка глубже и дольше сосредоточивать свое вниманіе на предметѣ и вообще отъ привычки хорошо и постоянно пользоваться всѣми тѣми условіями, кото-

рыя усиливаютъ впечатлѣніе отъ предмета, напр., повтореніемъ, усвоеніемъ предмета не однимъ, а нѣсколькими ощущеніями и т. д.

Чѣмъ правильнѣе человѣкъ будетъ относиться къ своей работѣ памятью, тѣмъ больше данныхъ, что онъ ее сохранитъ на болѣе долгое время и не найдетъ въ ней препятствій для успѣха въ своей дѣятельности.

МНЕМОНИКА. Не разъ дѣлались и дѣлаются еще попытки составить особую теорію, имѣющую цѣлью научить человѣка все легко запоминать. Такая теорія называется мнемоникой, и предлагаемые ею пріемы— мнемоническими. Эти теоріи носятъ вполнѣ искусственный характеръ. Такъ, при запоминанія хронологическихъ данныхъ предлагается для каждой цифры замѣтить рядъ родственныхъ между собою согласныхъ: цифру 2 соединять съ б и ф, цифру 3—съ г, к, х и т. д. Тогда, чтобы запомнить годъ смерти Аристотеля, 323, нужно взять согласные, соотвѣтствующіе этимъ цифрамъ, и подставить къ нимъ произвольные гласные такъ, чтобы вышла фраза, слова которой начинались бы съ соотвѣтствующихъ буквъ и эти послѣднія располагались бы въ порядкѣ цифръ даннаго числа. Фраза эта, если возможно, должна имѣть внутреннюю связь съ хронологической данной. Для 323, года смерти Аристотеля, могла бы служить фраза: „Кончина философа Греціи“ или фраза: „Хороши вѣрованія Грековъ“. Ясно, что такой пріемъ заставляетъ запоминать совершенно лишнія фразы, не имѣющія серьезной связи съ изучаемымъ, и, сверхъ того, заставляетъ работать нашъ умъ надъ созданіемъ совершенно безполезныхъ хитросплетеній. Пріемъ этотъ отучаетъ человѣка освѣщать данныя изъ хронологіи своей разсудочной дѣятельностью. По ученію мнемоники, найдя и запомнивъ подобную фразу, мы всегда легко припомнимъ нужную цифру. Между тѣмъ возстановленію въ памяти вѣка

должна ей помочь разсудочная дѣятельность, указывающая, что Аристотель, какъ современникъ Александра Македонскаго, какъ ученикъ Платона, долженъ былъ жить во второй половинѣ IV вѣка. Послѣднія же двѣ цифры припомнятся сами собою по ассоціаціи смежности. Не только не слѣдуетъ держаться предлагаемыхъ пріемовъ мнемоники, но учитель долженъ противиться имъ. Другое дѣло, если воспитатель заботится о здоровьи ребенка, вліяющемъ на память, о развитіи его ощущеній, о развитіи въ немъ привычки закрѣплять пріобрѣтенныя знанія не одной какой-либо памятью, напр., зрительной, но и слуховой, мускульной и т. д. Пусть воспитатель пріучаетъ ученика лучше запоминать явленія, сравнивая ихъ между собою и находя между ними причинную связь; пусть пріучаетъ энергичнѣе сосредоточивать на нихъ свое вниманіе. Такими, а не искусственными пріемами мнемоники будемъ помогать развитію памяти ребенка. Если же самъ собою напрашивается какой - нибудь пріемъ запоминанія, безъ искусственнаго придумыванія съ нашей стороны, безъ усилія для запоминанія самого пріема, то пользоваться имъ, конечно, не будетъ вредно [1]).

Для обсужденія. 1) Проанализируйте вашу собственную память относительно ея состава и работы.

2) Не знаете-ли между знакомыми проявленій большой памяти? Если знаете, то укажите составъ и свойства этой памяти.

3) Какіе знаете вы мнемоническіе пріемы, создавшіеся сами собою или при маломъ усиліи съ вашей стороны? Укажите ихъ психологическія основы.

---

[1]) Анри: „Воспитаніе памяти“ 1901 г. стр. 61 ц. 40 к. Кейра: „Воображеніе и память.“ Перев. Е. Максимовой, 1898 г., ц. 40 к. Челпанова „Память и Мнемоника“, 1899 г. стр. 117, ц. 60 к. Глава: Ошибки памяти изъ книги Гросъ: „Душевная жизнь дѣтей“, изд. „Педагогическ. Библіотеки“, ц. 1 р. стр. 158—171.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УМА.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ. При помощи дѣятельности ума мы знакомимся со всѣмъ окружающимъ насъ міромъ и судимъ о разныхъ его явленіяхъ. Хотя для удобства изученія мы и разбираемъ каждую душевную дѣятельность отдѣльно, но на самомъ дѣлѣ всѣ эти дѣятельности у человѣка работаютъ вмѣстѣ. Ребенокъ, съ первыхъ же дней своей жизни, чрезъ ощущенія, хотя и не отдаетъ себѣ еще никакого отчета, тѣмъ не менѣе различаетъ вкусы, запахи, свѣтъ, потомъ различаетъ звуки, цвѣта. Работа памяти отъ всего этого сохраняетъ ему слѣды. Когда онъ слышитъ голосъ матери, онъ часто одновременно съ этимъ согрѣвается, одновременно успокаивается отъ голода, ему становится удобнѣе лежать и т. д. Такъ какъ эти впечатлѣнія часто повторяются вмѣстѣ, то память ихъ ассоціируетъ и такимъ образомъ связываетъ въ одно цѣлое. Начинающее развиваться воображеніе придаетъ воспоминаніямъ ясность, и у ребенка образуется въ умѣ сначала еще неясный образъ матери; это есть уже представленіе о матери, которое потомъ постепенно пополняется и уясняется. Такіе же образы, или представленія, слагаются у него объ отцѣ, погремушкѣ, люлькѣ, деревѣ, ребенкѣ и т. д. Итакъ, **представленіями мы называемъ существующіе въ нашей душѣ образы предметовъ, сложившіеся изъ нѣсколькихъ подмѣченныхъ нами свойствъ ихъ.** Такія представленія у человѣка образуются постоянно Вы встрѣтили вчера какую нибудь личность у знакомыхъ, вы помните ея голосъ, какое нибудь ея мнѣніе; лицо же ея и фамилію вы, быть можетъ, забыли, но помните еще, гдѣ именно ее видѣли, и какая у нея была брошка и т. д. У васъ есть образъ этой личности, т. е. представленіе о ней. У

всякаго человѣка много представленій въ душѣ. Одни изъ нихъ, напр., представленіе о Петрѣ Великомъ, о домѣ, въ которомъ вы живете, охватываютъ одно лицо, одинъ предметъ; другія, какъ напр., представленіе о французѣ, итальянцѣ, о домѣ вообще, о кушаньѣ, охватываютъ многіе предметы, которые обнимаются однимъ словомъ въ языкѣ. Чѣмъ больше мы можемъ подмѣтить нашими ощущеніями, т. е. чѣмъ лучше они развиты, тѣмъ полнѣе и яснѣе наши представленія. Другой путь для ихъ усовершенствованія представляютъ наши сужденія.

СУЖДЕНІЯ. Мы часто признаемъ за какимъ нибудь предметомъ, напр., за бумагой, на которой пишемъ, что она бѣла, мягка, что она не гладка, не бѣла, что принадлежитъ или не принадлежитъ намъ и т. д. **Работа ума, при помощи которой мы различаемъ предметы и съ большей или меньшей увѣренностью приписываемъ или отрицаемъ въ предметѣ какія либо свойства, называется сужденіемъ.** Примѣры? Въ сужденіи непремѣнно должны быть двѣ части: 1) предметъ, которому что-либо приписывается, и 2) то, что ему приписывается. Первый, т. е. предметъ, которому что-либо приписывается, со всѣмъ тѣмъ, что съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ связано, называется логическимъ подлежащимъ, а все то, что ему приписывается,—логическимъ сказуемымъ. Въ стихахъ Лермонтова: „И звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“ логическое подлежащее заключается въ словахъ: „скучныя пѣсни земли“, а слова: „и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей“, составляютъ логическое сказуемое. Слова: „добрый человѣкъ“ сами по себѣ еще не представляютъ сужденія, такъ какъ здѣсь нѣтъ сказуемаго, но когда этими словами выражается мысль: онъ добрый человѣкъ, то они уже представляютъ сужденіе съ опущеннымъ подлежащимъ: „онъ“. Когда маленькій ребенокъ, не умѣющій еще говорить,

указываетъ маханіемъ руки, что птица улетѣла, то здѣсь на лицо полное сужденіе, но оно не выражено словами, а лишь сказуемое его обозначено движеніемъ руки. Если мы возьмемъ выраженіе: „вчера шелъ дождикъ", и забывъ правила грамматики, зададимъ себѣ вопросъ, о чемъ здѣсь собственно говорится, о вчерашнемъ днѣ или о дождѣ, то придется отвѣтить, что мысль наша сосредоточилась на вчерашнемъ днѣ, и ему приписывается дождикъ. Такимъ образомъ, логическое подлежащее въ этомъ выраженіи обозначается словомъ: вчера, а логическое сказуемое словами: шелъ дождикъ. (Найти логическія подлежащія и сказуемыя въ слѣдующихъ двухъ сужденіяхъ: 1) „Въ театрѣ на этомъ представленіи была большая толпа народа" и 2) „Эта большая толпа народа входила вчера въ театръ"). Изъ этого ясно, что логическое подлежащее и сказуемое не всегда совпадаютъ съ грамматическими.

ПОНЯТІЯ. Если мы обратимъ вниманіе на часто попадающіеся намъ предметы, напр., на книги, то мы должны будемъ замѣтить, что всѣ онѣ имѣютъ страницы, что въ нихъ напечатано что либо, что онѣ предназначены для чтенія, но что переплетъ не у всѣхъ книгъ, что качество бумаги, величина и толщина ихъ различны. Точно также, видя собакъ различныхъ породъ, ребенокъ подмѣтитъ, что всѣ онѣ могутъ лаять, могутъ двигаться, ѣсть, пить, но величина ихъ, цвѣтъ и отношенія къ людямъ различны. Свойства предмета, безъ которыхъ онъ не можетъ существовать, безъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, онъ сильно видоизмѣняется, называются **существенными свойствами**, другія свойства **несущественными**. Эти существенныя свойства, встрѣчаясь въ каждомъ однородномъ предметѣ, сильнѣе запечатлѣваются въ нашей памяти. Способность сужденій при этомъ съ своей стороны также помогаетъ намъ устанавливать, что именно есть въ предметѣ существен-

наго, и что въ немъ несущественно. Вслѣдствіе этого у насъ является **умственный образъ предмета, сложенный изъ существенныхъ свойствъ его; это и есть понятіе о предметѣ.** Говоря иначе, если мы знаемъ необходимыя для предмета свойства его и вдумывались въ нихъ, то мы обладаемъ понятіемъ объ этомъ предметѣ. Представленіе о предметѣ складывается изъ нѣсколькихъ, какихъ бы то ни было свойствъ предмета, для этого не нужно вдумываться въ нихъ; въ понятіе входятъ только одни существенныя его свойства, въ которыя необходимо нѣсколько вдуматься. Найти опредѣленную грань между представленіемъ и понятіемъ о предметѣ не всегда легко. Ребенокъ знаетъ, что такое локомотивъ, но онъ не знаетъ, какія въ немъ части необходимы и безъ какихъ онъ легко можетъ обойтись, у него еще только представленіе о локомотивѣ. Школа выяснитъ ему современемъ, что локомотивъ движется силою пара, что для этого нужна вода, поршни и т. д., объяснитъ ему значеніе желѣзныхъ дорогъ для человѣчества, и у юноши явится понятіе о локомотивѣ. Но если сравнить такое понятіе съ понятіемъ, которое имѣетъ спеціалистъ о предметѣ, то придется признать, что оно ближе къ представленію и во всякомъ случаѣ много ниже понятія спеціалиста. Такимъ образомъ, объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ людей понятія бываютъ разной цѣнности.

ПРАВИЛЬНОСТЬ НАШИХЪ ПОНЯТІЙ. Долгое время европейцы не видали черныхъ лебедей и поэтому думали, что бѣлый цвѣтъ есть существенное свойство лебедя; когда же они увидали черныхъ лебедей, этого нельзя уже было думать. Если мы видимъ озеро всегда въ одинъ и тотъ же періодъ года, когда оно спокойно, у насъ будетъ о немъ лишь невѣрное представленіе; увидавъ его въ разное время года, мы будемъ въ состояніи составить себѣ о немъ болѣе правильное понятіе.

Отсюда ясно, что чѣмъ больше мы сравниваемъ между собой однородные предметы (напр., лебедей) и сравниваемъ предметъ съ самимъ собою при разныхъ условіяхъ (озеро), тѣмъ правильнѣе будутъ у насъ понятія о предметахъ. Далѣе, чѣмъ тоньше развиты наши органы ощущеній для вѣрныхъ сужденій о предметѣ, чѣмъ мы больше вдумываемся въ предметъ, тѣмъ понятіе о немъ полнѣе и правильнѣе. Вотъ почему весьма полезны для дѣтей, для учащихся и, вообще, для людей, желающихъ получить истинное образованіе, сравнивать между собою животныхъ, растенія, географическія условія различныхъ странъ, историческія эпохи, героевъ поэтическихъ произведеній и т. д. Сравненія даютъ возможность и многое замѣтить и лучше вдуматься въ предметъ...

Человѣку очень легко внести ошибки въ свои понятія. Подумаемъ о какомъ нибудь предметѣ, напр., о карандашѣ. Кромѣ того, что онъ заключаетъ въ себѣ графитъ, что удобенъ для держанія, что графитъ вложенъ въ нѣчто крѣпкое, кромѣ этихъ существенныхъ свойствъ, онъ имѣетъ еще и несущественныя свойства: окрашенъ въ извѣстную краску, на немъ есть надпись, эта послѣдняя также имѣетъ извѣстный цвѣтъ и т. д. Такъ и всякій предметъ. Словомъ, въ дѣйствительности каждый предметъ включаетъ въ себѣ, кромѣ существенныхъ признаковъ, еще и несущественные. Безъ нихъ реальный предметъ существовать не можетъ. И вотъ мы часто ошибаемся, принимая несущественное за существенное; мы часто не очищаемъ понятія отъ несущественныхъ свойствъ предмета. Предметы въ дѣйствительности не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать понятіямъ, такъ какъ всегда заключаютъ въ себѣ и свойства несущественныя. Понятія существуютъ только въ нашемъ умѣ. Между тѣмъ наше воображеніе всегда стремится нарисовать намъ дѣйствительно существующій предметъ со всѣми его несущественными свойствами. Люди, слишкомъ подчиняющіеся своему вооб-

раженію, легко вносятъ несущественныя свойства предмета въ понятіе о немъ и тѣмъ искажаютъ это понятіе. Отъ такихъ ошибокъ рождаются излишніе споры, которые легко устраняются, какъ только твердо устанавливаются понятія. Чтобы избѣжать неточностей, каждая наука строго опредѣляетъ свои понятія, напр., геометрія—понятіе о правильной пирамидѣ, квадратѣ, психологія—понятіе о чувствѣ, о волѣ и т. д.

ДѢЛЕНІЕ ПОНЯТІЙ. Понятіе: европеецъ охватываетъ каждаго кореннаго жителя Европы, понятіе: французъ только каждаго члена этой націи. Первое понятіе охватываетъ болѣе предметовъ, чѣмъ второе. **Совокупность предметовъ, охватываемыхъ понятіемъ, называется его объемомъ.** Объемъ служитъ основаніемъ для дѣленія понятій. Возьмемъ три понятія: поэтическое произведеніе, лирическое произведеніе и стихотвореніе Лермонтова: „И скучно, и грустно". Первое изъ нихъ охватываетъ и лирику, и драму, и эпосъ, т. е. всѣ произведенія, относящіяся къ поэзіи; **понятія, объемъ которыхъ обнимаетъ всѣ однородные предметы, называются понятіями родовыми или общими.** Понятіе: лирическое произведеніе охватываетъ только одну группу поэтическихъ произведеній, а не всѣ; **понятіе, объемъ котораго обнимаетъ только группу предметовъ изъ цѣлаго рода, называется видовымъ или частнымъ.** Понятіе: стихотвореніе: „И скучно и грустно" имѣетъ узкій объемъ, оно охватываетъ только одно произведеніе; такія **понятія, объемъ которыхъ охватываетъ лишь одинъ предметъ, называются понятіями единичными**, напр., понятіе: Петръ Великій, Москва, левъ нашего зоологическаго сада, моя квартира и т. д. Общія понятія по отношенію къ частнымъ называются еще подчиняющими, а частныя по отношенію къ общимъ—подчиненными.

Понятіе: дерево есть понятіе родовое, оно обнимаетъ понятія: ель, сосна, береза и т. д.; въ свою оче-

редь оно охватывается понятіемъ растеніе. Точно также понятіе: басня охватываетъ и басни Крылова и басни Лафонтена и всѣ другія басни, но въ свою очередь охватывается понятіемъ: эпическое произведеніе. Изъ этого ясно, что одно и то же понятіе можетъ быть частнымъ по отношенію къ однимъ понятіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ по отношенію къ другимъ.

Въ понятіи: хищное животное мы видимъ совокупность нѣсколькихъ свойствъ: питается мясомъ, имѣетъ для этого развитые клыки, не легко сживается съ себѣ подобными. Такъ и большинство понятій представляютъ собою совокупность нѣсколькихъ свойствъ. **Совокупность свойствъ, или признаковъ предмета, входящихъ въ понятіе, составляетъ его содержаніе**. Такъ, содержаніемъ понятія драма будутъ свойства: діалогическая форма, дѣйствіе, совершающееся какъ бы на глазахъ зрителя, а въ объемъ этого понятія будутъ входить: драма французская, русская, испанская и т. д. Все содержаніе понятія птица принадлежитъ и понятію орелъ и понятію канарейка, но далеко не всѣ признаки орла, напр., хищный характеръ, кривой крѣпкій клювъ и т. д. принадлежатъ понятію птица. Содержаніе подчиняющаго понятія принадлежитъ всегда и всѣмъ его подчиненнымъ, но каждое подчиненное понятіе сверхъ того имѣетъ еще свои признаки, не принадлежащіе общему понятію.

Очень важно для образованнаго ума пріучиться легко различать общія и частныя понятія и ихъ отношенія другъ къ другу. Этому постоянно и учитъ школа на урокахъ грамматики, гдѣ указываются части рѣчи и подраздѣленія каждой изъ нихъ; въ геометріи, гдѣ говорится о площадяхъ и объемахъ тѣлъ и о подраздѣленіи ихъ; въ естествовѣдѣніи, гдѣ разбираются роды и виды различныхъ животныхъ и растеній. Упражняясь въ этомъ, человѣкъ пріучается

легко справляться съ подобнымъ матерьяломъ и не впадать въ ошибки, говоря, напр., совершенно неправильно „насѣкомыя и животныя“ или „европейцы и французы“ и т. д.

Есть и другое раздѣленіе понятій, а именно, по способу ихъ возникновенія. Когда мы образуемъ понятія: человѣкъ, стулъ и т. д., мы имѣемъ въ виду совокупность нѣсколькихъ свойствъ предмета; такія понятія называются **конкретными**, что означаетъ, сросшіяся (т. е. сросшіеся признаки). Примѣры конкретныхъ понятій: понятіе о чернильницѣ, лошади, домовомъ и т. д. Въ природѣ, въ окружающей насъ обстановкѣ, даже въ нашихъ вѣрованіяхъ встрѣчаются постоянно предметы, близко соотвѣтствующіе нашимъ понятіямъ, хотя и съ большимъ числомъ признаковъ, чѣмъ въ самомъ понятіи. Иной же разъ мы изъ даннаго представленія или конкретнаго понятія выдѣляемъ нашимъ умомъ одну какую нибудь черту или свойство, напр., изъ понятія: стекло выдѣляемъ его свойство хрупкость и, думая объ этомъ свойствѣ отдѣльно, образуемъ понятіе о немъ: такія понятія называются **отвлеченными** или, что тоже, абстрактными, напр., доброта, злость, краснота (но не красная краска), рѣзвость и т. д. Въ отдѣльности не существуетъ красоты, а есть красивые предметы; въ отдѣльности не существуетъ мстительности, а есть мстительные поступки и т. д.; словомъ, въ природѣ и въ окружающей насъ обстановкѣ не можетъ быть предметовъ, соотвѣтствующихъ отвлеченнымъ понятіямъ, такъ какъ понятія эти образованы исключительно чрезъ умственное выдѣленіе признаковъ изъ понятія или представленія. Дѣтямъ отвлеченныя понятія мало доступны. Умственная дѣятельность у нихъ работаетъ еще слабо, а она въ данномъ случаѣ необходима для того, чтобы выдѣлить одинъ признакъ изъ цѣлой связи ихъ и мысленно углубиться

въ него. Дѣти очень впечатлительны, и имъ трудно отрѣшиться отъ впечатлѣнія, производимаго всѣмъ предметомъ, чтобы сосредоточиться на одномъ его признакѣ, напр., оторваться отъ образа матери, чтобы вдуматься исключительно въ ея доброту или другое какое нибудь качество. Кромѣ того, ихъ воображеніе работаетъ очень живо, и имъ трудно не поддаться воображенію, которое всегда рисуетъ конкретные образы съ разными подробностями. Поэтому на дѣтей не вліяютъ отвлеченныя разсужденія о добротѣ, незлобивости, прилежаніи и т. д. Имъ нужно рисовать живые образы человѣка незлобиваго, прилежнаго, лѣниваго и т. д., какъ мы видимъ это въ произведеніяхъ поэзіи.

УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ. Умъ человѣческій не останавливается на томъ, что образовываетъ понятія и отдѣльныя сужденія. Онъ идетъ дальше. **Изъ одного или нѣсколькихъ сужденій мы выводимъ новое**, и такая работа ума называется **умозаключеніемъ**.

1) „Изъ сужденія: „урожай обусловливается достаточнымъ количествомъ дождей“ мы выводимъ новое сужденіе: „недостатокъ дождей приводитъ къ неурожаю“ Изъ сужденія: „этотъ ребенокъ всегда ссорится съ другими“ мы дѣлаемъ заключеніе, что „онъ и теперь будетъ ссориться“. Въ этихъ примѣрахъ мы изъ одного сужденія прямо, **непосредственно** выводимъ новое сужденіе, или заключеніе, и потому такія умозаключенія называются **непосредственными**. Это первый видъ умозаключеній.

2) **ПОСРЕДСТВЕННЫЯ УМОЗАКЛЮЧЕНІЯ, СИЛЛОГИЗМЫ**. Иногда новое сужденіе выводится изъ даннаго не непосредственно, а при помощи еще другого сужденія. Такъ, изъ сужденія: „Сократъ боролся съ софистическимъ взглядомъ на нравственность“ нельзя непосредственно вывести, что онъ этимъ боролся противъ основъ безнравственности. Для такого вывода необходимо еще

сужденіе: „софистическій взглядъ на нравственность поддерживалъ основы безнравственности“. Такимъ образомъ, изъ двухъ сужденій: 1) Сократъ боролся съ софистическимъ взглядомъ на нравственность“ и 2) „Софистическій взглядъ на нравственность поддерживалъ основы безнравственности“ неоспоримо вытекаетъ, что „Сократъ боролся противъ основъ безнравственности“. Такого рода **посредственное умозаключеніе**, т. е. **выводъ новаго сужденія изъ двухъ или нѣсколькихъ данныхъ уже сужденій, называется силлогизмомъ**. Еще примѣръ. Исторія Карамзина вызывала у русскаго общества уваженіе къ своему народу, народное самоуваженіе возвышаетъ народный духъ, слѣдовательно, исторія Карамзина служила къ возвышенію народнаго духа. **Сужденія, изъ которыхъ выводится новое сужденіе, называются посылками, а выводимое сужденіе—заключеніемъ: силлогизмомъ же называется весь процессъ такого мышленія**, т. е. посылки вмѣстѣ съ заключеніемъ. Однако, изъ двухъ сужденій: 1) Волга большая рѣка Россіи и 2) Миссисипи течетъ въ Америкѣ, нельзя вывести никакого новаго сужденія. Для силлогизма необходимо, чтобы въ обѣихъ посылкахъ было по одному тождественному понятію, которое бы ихъ соединяло, напр.: 1) Волга большая рѣка Россіи, 2) Большія рѣки имѣютъ важное значеніе для Россіи, слѣдовательно, Волга имѣетъ важное значеніе для Россіи. Бываютъ силлогизмы, въ которыхъ заключеніе выводится не изъ двухъ, а изъ большаго числа посылокъ, напр.; 1) Пушкинъ написалъ „Капитанскую дочку“, 2) это произведеніе обрисовываетъ времена Пугачевщины, 3) Пугачевскій бунтъ былъ бѣдствіемъ для народа: изъ этихъ трехъ посылокъ выводимъ заключеніе: Пушкинъ обрисовалъ народное бѣдствіе. Такой силлогизмъ называется сложнымъ, такъ какъ его можно разложить на простые, т. е. состоящіе изъ

двухъ посылокъ и заключенія, а именно: первыя двѣ посылки даютъ заключеніе: Пушкинъ описалъ времена Пугачевщины; принимая это заключеніе въ свою очередь за посылку и присоединяя къ ней послѣднюю изъ данныхъ посылокъ „Пугачевскій бунтъ былъ бѣдствіемъ для народа“, мы получаемъ тотъ же выводъ: „Пушкинъ обрисовалъ народное бѣдствіе“. Всякій сложный силлогизмъ можно раздѣлить на нѣсколько простыхъ. Для примѣра возьмемъ извѣстный силлогизмъ философа Сенеки († 65 по Р. X.). Благоразумный человѣкъ воздерженъ, воздерженный—постояненъ, постоянный—невозмутимъ, невозмутимый—безпечаленъ, безпечальный—счастливъ; слѣдовательно, благоразумный человѣкъ счастливъ. Его можно раздѣлить на четыре простыхъ силлогизма.

Въ помѣщенныхъ выше примѣрахъ впереди ставились посылки, а потомъ давалось заключеніе, но въ обычномъ разговорѣ часто выводъ ставится впереди, а посылки являются послѣ, какъ подтвержденіе выводимаго сужденія, напр.: мученики христіанства достойны благоговѣйнаго почитанія (заключ.), такъ какъ они протерпѣли за вѣру (одна посылка), а страданіе за вѣру достойно благоговѣйнаго почитанія (втор. посылка).

Какъ въ наукахъ и литературѣ, такъ и въ обычной рѣчи мы часто опускаемъ одну изъ посылокъ, если смыслъ ея настолько извѣстенъ, что незачѣмъ ее приводить. Такъ, у Гоголя мы находимъ такой сокращенный силлогизмъ; „человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія (заключ.), потому что уныніе проклято Богомъ“ (одна посылка); пропущенной посылкой явится приблизительно слѣдующая мысль: предаваться тому, что проклято Богомъ, значитъ быть дурнымъ человѣкомъ. Въ повседневной жизни мы по-

стоянно пользуемся сокращеннымъ силлогизмомъ, напр., мы говоримъ: это дорого для меня (первая пос.), я не имѣю права купить этого (закл.) выпущена вторая посылка: дорогого не имѣю права пріобрѣтать.

Силлогизмъ съ педагогической точки зрѣнія. Во всякомъ разсужденіи, будетъ ли оно характера научнаго, или будетъ взято оно изъ обыкновенной жизни, на урокахъ, вездѣ мы встрѣчаемъ силлогизмы, иной разъ только скрытые различными оборотами рѣчи. Въ катехизисѣ, напр., часто въ вопросѣ дается заключеніе, а въ отвѣтѣ одна изъ посылокъ, а другая подразумѣвается. Такъ, вопросъ: Почему Богъ называется Вседержителемъ? Отв. Потому что Онъ все, что ни есть, содержитъ въ Своей силѣ и въ Своей волѣ. Подразумѣвается посылка: держащій все въ своей силѣ и волѣ долженъ называться вседержителемъ.

Мы видимъ силлогизмъ и у маленькихъ дѣтей, напр., ребенокъ говоритъ: сегодня холодно (первая посылка), мама меня не пуститъ гулять (заключ.) Пропущена посылка: при холодѣ мама меня не пускаетъ гулять. Вслѣдствіе этого ясно, какое значеніе для мышленія имѣетъ силлогизмъ. Мышленіе, которое основано на непосредственныхъ и посредственныхъ умозаключеніяхъ, называется дедуктивнымъ. Люди, мало практиковавшіеся въ образованіи такихъ умозаключеній, нерѣдко дѣлаютъ въ нихъ ошибки. На основаніи того, напр., что ученые умѣютъ управлять своимъ вниманіемъ и что они вмѣстѣ съ тѣмъ люди, неопытный въ силлогизаціи умъ сдѣлаетъ выводъ, что люди умѣютъ управлять своимъ вниманіемъ. Такой выводъ неправиленъ; изъ данныхъ двухъ посылокъ можно вывести только то, что нѣкоторые люди умѣютъ управлять своимъ вниманіемъ. Логика подробно разбираетъ правила для такихъ умозаключеній, но есть и, кромѣ логики, другое средство, чтобы пріучить человѣка пра-

вильно строить такія умозаключенія. Это давать ему размышлять въ области нѣкоторыхъ наукъ, что и дѣлаетъ школа на тѣхъ урокахъ, гдѣ приходится выводить и доказывать что либо при помощи одного только разсужденія, (примѣры?).

3) **АНАЛОГІЯ.** (Третій видъ умозаключеній). Возьмемъ новый примѣръ умозаключенія. Въ горахъ Калифорніи найдено было много золота; нѣкоторыя горы Австраліи походили на нихъ по строенію; вслѣдствіе этого сдѣлано было заключеніе, что и въ нихъ должно быть золото. Работа ума, при которой мы на основаніи нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ въ двухъ предметахъ заключаемъ, что и другія черты въ нихъ должны быть сходными, называется **умозаключеніемъ по аналогіи**. Аналогіей мы пользуемся, когда по сходнымъ чертамъ въ характерѣ двухъ лицъ предполагаемъ сходство и въ остальныхъ чертахъ; когда по сходнымъ явленіямъ въ метереологіи пророчествуемъ предстоящую погоду; когда по одинаковымъ историческимъ условіямъ предполагаемъ и одинаковыя слѣдствія и т. д. Если мало сходныхъ чертъ въ двухъ явленіяхъ, то заключеніе по аналогіи неосновательно. При серьезномъ мышленіи, всегда стремятся заключеніе по аналогіи обосновать еще чѣмъ — либо болѣе положительнымъ.

Одинъ изъ наблюдателей дѣтской души разсказываетъ про ребенка, который предположилъ, что снѣгъ, имѣя одинаковый цвѣтъ съ сахаромъ, долженъ быть сладокъ. Другой ребенокъ, сразу отнесся враждебно къ новому воспитателю, увидавъ его сходство по росту съ нелюбимымъ его предшественникомъ. Дѣти вообще очень склонны къ обобщеніямъ, и вслѣдствіе большой спѣшности въ этомъ постоянно впадаютъ въ ошибки. Съ этой спѣшностью въ умозаключеніяхъ воспитателю и приходится бороться.

4) **ИНДУКТИВНОЕ МЫШЛЕНІЕ.** Какъ мы видѣли, выводъ, сдѣланный при помощи силлогизма, всегда, можно подтвердить имѣющимися на лицо сужденіями, служащими ему основаніемъ. Но есть еще четвертый видъ умозаключенія. Ребенокъ видитъ, что всякая его игрушка, ложка, вилка, все, что не поддерживается чѣмъ нибудь, падаетъ. На основаніи видѣнныхъ имъ фактовъ, онъ убѣждается, что то же совершается всюду и всегда. Ученый изучаетъ движенія своихъ маятниковъ и замѣчаетъ, что размахъ, если онъ не особенно великъ, не вліяетъ на число качаній маятника въ минуту. Такое свойство этихъ маятниковъ ученый считаетъ уже присущимъ всѣмъ маятникамъ міра. Въ такомъ мышленіи на основаніи нѣсколькихъ фактовъ дѣлается обобщеніе, это **обобщеніе опирается на вѣрѣ**, что во всей природѣ, несмотря на все ея разнообразіе въ формахъ, всѣ процессы, или явленія одного и того же рода, совершаются въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ порядкѣ. Такія неизмѣнные порядки въ однородныхъ явленіяхъ природы называются ея **законами**; мышленіе же, направленное къ открытію, этой связи явленій, этихъ законовъ, называется **индуктивнымъ**. Индуктивное мышленіе отличается отъ дедуктивнаго тѣмъ, что дѣлаетъ выводъ лишь на основаніи нѣсколькихъ фактовъ, вѣруя въ однообразіе дѣйствій природы, чего не допускаетъ дедуктивное мышленіе; сверхъ того, оно главнымъ образомъ основывается на опытахъ и наблюденіяхъ, для чего необходима работа нашихъ органовъ ощущеній; дедуктивное же мышленіе основывается на непосредственныхъ умозаключеніяхъ и силлогизмахъ, для которыхъ не нужна ближайшая работа органовъ ощущеній. Вѣдь, если мы читаемъ книги дедуктивнаго характера, напр., критическія статьи, и смотримъ на шрифтъ, такъ онъ только служитъ средствомъ, совокупностью знаковъ, для по-

ясненій мыслей автора, которыя и вызываютъ у насъ разныя силлогизмы, а самъ по себѣ шрифтъ намъ ничего не говоритъ. Также точно, если мы слышимъ рѣчь какую нибудь, то здѣсь слухъ помогаетъ намъ только, воспринять слова, т. е. знаки мыслей, которыя вызываютъ у насъ силлогизмы. Въ образованіи этихъ силлогизмовъ нашъ слухъ уже не участвуетъ.

Въ однѣхъ наукахъ больше работаетъ индуктивное мышленіе, въ другихъ дедуктивное, отчего эти науки и получаютъ названія индуктивныхъ и дедуктивныхъ. Къ первымъ относятся естественныя науки; самою же яркою представительницею вторыхъ является математика. Правда, при обученіи послѣдней, прибѣгаютъ къ нагляднымъ пособіямъ и требуютъ, чтобы учащіеся наблюдали за чертежомъ. Но все это только служитъ средствомъ для того, чтобы легче было себѣ представить идеи, данныя въ наукѣ. Чертежи эти не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать математической величинѣ: радіусы, начерченныя на доскѣ, не совсѣмъ равны, круги не совсѣмъ правильны и т. д. Можно дать чертежъ неправильный и тѣмъ не менѣе при помощи ряда сидлогизмовъ доказать теорему. Если бы выводъ о томъ, что равнобедренные треугольники при основаніи имѣютъ равные углы, доказывался измѣреніемъ нѣсколькихъ треугольниковъ, то это былъ бы пріемъ не математическій, а индуктивный. Тогда математическія истины основывались бы на вѣрѣ въ однообразіе всѣхъ однородныхъ математическихъ величинъ, а не на доказательствахъ логическаго характера. Нѣкоторыя науки соединяютъ оба рода мышленія. Такъ напр., физика сама по себѣ—наука индуктивнаго характера, но въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ пользуется математическими доказательствами, она прибѣгаетъ уже къ дедуктивному мышленію.

Если юношество будетъ получать образованіе почти исключительно на индуктивныхъ наукахъ, оно выучится

хорошо наблюдать, но математическія знанія, философскіе выводы, критическія статьи, разсужденія о характерахъ героевъ поэтическихъ произведеній, все это, какъ матерьялъ дедуктивный, будетъ мало доступенъ. Съ другой стороны, если юношество будетъ образовываться почти исключительно на мышленіи дедуктивномъ, то наблюденія надъ условіями плодородія въ имѣніи, въ саду, наблюденія надъ небомъ и т. д., все это будетъ ему мало доступно. Школа должна развивать оба вида, мышленія.

СИНТЕЗЪ и АНАЛИЗЪ. Термины: индуктивное и дедуктивное мышленіе показываютъ, какими пріемами пользуется наше мышленіе. Но бываютъ еще разныя направленія въ мышленіи. Ребенокъ слушаетъ сказку про Красную Шапочку. Сначала обрисовываются добрыя отношенія дѣвочки и матери, говорится о томъ, какъ дѣвочка восхищается цвѣтами въ полѣ, затѣмъ, какъ она любитъ бабушку; приводятся часто и другія черты Красной Шапочки. Слушающій ребенокъ соединяетъ всѣ черты, у него создается цѣлый образъ маленькой героини сказки. Въ другомъ случаѣ ребенокъ увидалъ, что на картинкѣ нарисовано много дѣтей, играющихъ въ разныя игры. Онъ не удовлетворяется общимъ впечатлѣніемъ и начинаетъ разбирать, какими именно играми занимается каждая группа дѣтей, и затѣмъ разсматриваетъ каждаго ребенка въ отдѣльности и такимъ образомъ хорошо знакомится со всей картинкой. Въ первомъ случаѣ (Красная Шапочка) ребенокъ складываетъ въ одно цѣлое нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, во второмъ случаѣ онъ общее впечатлѣніе (толпа играющихъ дѣтей) расчленяетъ на части. Первое **направленіе мышленія, при которомъ мы соединяемъ въ одно цѣлое отдѣльныя впечатлѣнія**, складываемъ ихъ воедино, **называется синтезомъ;** второе **направленіе мышленія, при которомъ мы для лучшаго пони-**

манія цѣлаго расчленяемъ его на части, дѣлимъ, называется анализомъ. Эти два термина взяты съ греческаго языка: синтезъ значитъ сложеніе, а анализъ—раздѣленіе. Въ жизни намъ постоянно нужно и то и другое мышленіе. Воспитательница знакомится съ ребенкомъ; онъ проявляетъ разные поступки, часто себѣ противорѣчащіе, въ нихъ обнаруживаются многія черты его характера, и чтобы отвѣтить родителямъ, что же это за ребенокъ, хорошій или дурной, она должна изъ совершенно различныхъ поступковъ вывести общія черты и сложить въ одно цѣлое. Здѣсь проявляется синтезъ, но при разборѣ каждаго его поступка въ отдѣльности мышленіе работало въ направленіи аналитическомъ. Мать узнаетъ, что ея ребенокъ—слабый ученикъ въ школѣ. Прежде чѣмъ принять какія либо мѣры, ей нужно разобрать, когда и въ чемъ именно проявляется особенная неуспѣшность, т. е. вдуматься въ нее, разобрать, анализировать, и тогда уже принять тѣ или другія мѣры. Образованный человѣкъ, на основаніи жизненнаго опыта, литературы, различныхъ наукъ и бесѣды съ различными людьми, долженъ составить себѣ цѣлое міровоззрѣніе, по возможности не противорѣчащее себѣ въ деталяхъ, что далеко не всегда бываетъ въ дѣйствительности; ему приходится при этомъ показать силу своего синтеза. Образованный человѣкъ долженъ хорошо понять ту среду, въ которой онъ работаетъ, понять, что ей полезно, что ей враждебно, а для этого ему необходимо разобрать звенья окружающаго его общества, составныя его элементы, т. е. серьезно анализировать среду, въ которой онъ вращается.

Встрѣчаются люди, которые имѣютъ взгляды, хотя и общіе, но мало согласующіеся съ истиной, такъ какъ они не умѣютъ всматриваться въ подробности жизни, у нихъ не хватаетъ анализа. Напротивъ, есть люди, которые хорошо судятъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ,

но въ своихъ общихъ взглядахъ постоянно противорѣчатъ сами себѣ: когда они бесѣдуютъ въ области религіи, говорятъ одно, когда въ области жизненной практики, высказываютъ совершенно другія идеи; у нихъ слабъ синтезъ. Нужно учиться анализировать и синтезировать, чему помогаетъ школа. Такъ, при обученіи чтенію дѣти то разлагаютъ, то соединяютъ звуки; въ грамматикѣ то разлагаютъ предложенія, то соединяютъ нѣсколько въ одно; въ словесности—то раздѣляютъ произведеніе на части, то соединяютъ разныя части его для изображенія того или другого героя и т. д. [1]).

СВОЙСТВА УМА. Такъ какъ воспитателю слѣдуетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ принимать въ соображеніе свойства ума воспитанника, то въ педагогической психологіи полезно обратить вниманіе на главнѣйшія изъ нихъ.

Встрѣчаются умы, которые очень легко справляются съ математическими задачами, но слабы въ вопросахъ художественныхъ, и наоборотъ. Въ этомъ проявляется узость ихъ ума. Но по такой неуспѣшности человѣка въ одной области знаній нельзя еще ожидать такой-же неуспѣшности у него въ другихъ областяхъ знаній. Противоположность узкому уму является умъ широкій или обширный, при помощи котораго человѣкъ всесторонне разбираетъ самые сложные вопросы и сопоставляетъ данныя изъ совершенно различныхъ областей. Если мы сравнимъ писателей, какъ Пушкина и Кольцова, то увидимъ, какъ различается объемъ мышленія у писателей. Научая ребенка мыслить и о произведеніяхъ искусствъ, и о явленіяхъ природы, и о данныхъ изъ разныхъ наукъ, мы пріучаемъ его умъ работать въ разныхъ областяхъ мышленія.

---

[1]) Для знакомства съ логикой можетъ служить: Челпановъ: Учебн. логики, для гимназій и самообразованія. Ц. 1 р.

Изъ другихъ свойствъ ума обращаетъ на себя вниманіе степень быстроты въ его работѣ. Жанъ-Жакъ Руссо говорилъ, что ему приходила въ голову нужная въ спорѣ мысль послѣ прощанія съ собесѣдниками, и онъ называлъ свой умъ; esprit de l'escalier. Указываютъ, что Ньютонъ мыслилъ очень медленно и, когда его спрашивали о чемъ-нибудь, долго размышлялъ надъ вопросомъ, прежде чѣмъ отвѣтить. Такіе умы въ многолюдныхъ классахъ невыгодны для учениковъ, но они часто оказываются плодотворнѣе умовъ быстрыхъ, но мало вдумывающихся въ разбираемый предметъ. Слабость организма задерживающимъ образомъ вліяетъ на нашу умственную дѣятельность, а поэтому хорошее здоровье, правильное обученіе въ дѣтствѣ, а также умѣніе управлять своимъ вниманіемъ возвышаютъ энергію нашего мышленія [1]).

ДВѢ ЦѢЛИ ОБУЧЕНІЯ. Изученіе нашей умственной дѣятельности показываетъ, какъ много можетъ она выиграть отъ занятій учебными предметами. И педагогика не забываетъ этого. Она ставитъ себѣ одною изъ цѣлей черезъ правильное обученіе развить въ учащемся органы его ощущеній, всѣ виды умственной дѣятельности, память, воображеніе, хорошія чувства, вниманіе, стойкость, самостоятельность, короче, она стремится формировать всѣ душевныя дѣятельности учащагося. Эта цѣль обученія называется **формальной**. Она имѣется въ виду при всѣхъ учебныхъ предметахъ, но преподаваніе древнихъ языковъ и математики въ старшихъ классахъ ставитъ себѣ эту цѣль по преимуществу.

Другую цѣль обученія преслѣдуетъ забота о томъ, чтобы вооружить учащагося знаніями, полезными для

---

[1]) 1) Кейра: „Развитіе мышленія у дѣтей“, гл. IV, Логическіе типы стр. 71—92; 2) Владиславлевъ: Психологія, ч. I, „Достоинства и недостатки ума“ стр. 347—366.

его практической жизни, напр., значеніе иностранныхъ языковъ, гигіены, и т. д.—эта цѣль обученія называется **матерьяльной**. Первая цѣль даетъ орудіе, чтобы пріобрѣтать знанія, умѣнія и правильныя отношенія къ жизненнымъ явленіямъ; вторая цѣль даетъ самыя умѣнія. Въ виду того, что въ настоящее время всѣ науки получили большое развитіе, и каждому образованному человѣку нужно имѣть много знаній изъ разныхъ областей, полезнѣе всего, когда не забываются одновременно обѣ цѣли. Во всякомъ случаѣ, дающій уроки, подготовляющій ребенка къ школѣ, репетирующій съ нимъ не должны забывать ни той, ни другой цѣли обученія.

Для обсужденія. 1) Сочтите, сколько отдѣльныхъ сужденій въ баснѣ: „Мартышка и очки“.

2) Возьмите какое нибудь понятіе, напр., понятіе Пугачевъ и перечтите всѣ болѣе общія понятія въ постепенности увеличенія ихъ объема.

3) Возьмите какое нибудь стихотвореніе, напр. „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ и каждое понятіе въ немъ отнесите къ отвлеченнымъ или конкретнымъ.

4) Не случалось ли вамъ въ жизни приходить къ какимъ нибудь выводамъ индуктивнаго или дедуктивнаго характера?

5) Покажите роль анализа и синтоза при созданіи романа.

6) Разберите, чего должна достигать каждая наука учебнаго курса въ формальномъ и логическомъ отношеніи?

ВООБРАЖЕНІЕ.

СУЩНОСТЬ ВООБРАЖЕНІЯ. Когда мы слышимъ или читаемъ о какомъ-нибудь пожарѣ, наводненіи, кораблекрушеніи, мы представляемъ себѣ картину описываемаго. Само названіе дѣятельности воображеніи уже поясняетъ сущность ея: **воображеніе вводитъ наши мысли**

въ образы, даетъ имъ картинность. Память воспроизводитъ разныя свойства предметовъ; свойства эти уже сгруппированы при помощи нашей умственной дѣятельности, но, быть можетъ, нѣкоторыхъ свойствъ не хватаетъ для цѣльнаго образа, и вотъ воображенiе ихъ тотчасъ дополняетъ, и является конкретный образъ предмета, напр., знакомаго вамъ лица, дома, картины и т. д. Кромѣ этого элементарнаго вида воображенiя, есть другой видъ воображенiя, который создаетъ образы такихъ предметовъ, которыхъ мы никогда не видали. Кювье по найденному зубу представилъ себѣ цѣлое животное, давно уже вымершее. Если работая воображенiемъ, мы даемъ себѣ нѣкоторую свободу въ созданiи картинъ, то такое воображенiе называется **фантазiей**. Она обнаруживается въ изображенiи литературныхъ типовъ, въ созданiи картинъ, сильно отступающихъ отъ дѣйствительности (разсказы дѣтей о своихъ геройскихъ подвигахъ, произв. „Воздушный корабль“), въ умышленномъ приданiи предмету свойствъ, ему не принадлежащихъ (палочка у ребенка скачетъ, какъ лошадь), въ умышленномъ преувеличенiи какихъ либо чертъ въ предметѣ, что мы видимъ часто въ каррикатурѣ, (Бисмарка, имѣвшаго мало волосъ, представляютъ всего съ тремя волосами), наконецъ, въ объединенiи въ одно обширное цѣлое различныхъ отдѣльныхъ картинъ, похожихъ на жизненныя явленiя, напр., въ романѣ: „Война и Миръ“. „Обломовъ“ и т. д. [1]).

И въ сужденiи (А — хорошiй человѣкъ) и при работѣ фантазiи (кукла хочетъ кушать) мы приписываемъ предмету свойства, но въ первомъ случаѣ мы это дѣлаемъ въ увѣренности, что не отступаемъ отъ истины, во второмъ же, при работѣ воображенiя, мы

---

[1]) Интересна въ книгѣ Гроса: „Душевная жизнь дѣтей“, Педагогическая библiотека (ц. 1 р.) глава: „Комбинирующая фантазiя. стр. 172—184.

приписываемъ предмету свойство только временно, часто только играя этимъ, условно.

Значеніе воображенія. Для пониманія исторической эпохи, намъ нужно вообразить, чего желали, что думали и чувствовали люди той эпохи; чтобы рѣшить ариѳметическую задачу, о наполненіи водой какого-либо бассейна съ разнымм кранами, необходимо воображеніе; для пониманія строенія сложнаго геометрическаго тѣла, рисуемаго на плоскости, опять необходимо воображеніе. Изъ этого ясно значеніе воображенія для всякой умственной работы. Далѣе, когда мы хотимъ растрогать кого нибудь, вызвать сочувствіе къ страждущему, мы, чтобы облегчить нашему слушателю работу воображенія, рисуемъ картину бѣдствія; мы увѣрены въ данномъ случаѣ, что у человѣка, какъ только онъ вообразитъ себѣ несчастіе другого лица, а не узнаетъ объ этомъ только при помощи ума, тотчасъ явится чувство жалости къ несчастному. Изъ этого факта, часто встрѣчающагося въ повседневной жизни, становится очевиднымъ вліяніе воображенія на наше чувство. Это вліяніе ярко обнаруживается, когда художественными произведеніями лирическаго характера затрагиваются наши чувства. Воображеніе вліяетъ и на нашу волю, проявляющуюся во всѣхъ видахъ нашей дѣятельности. Столяру, модисткѣ, декоратору, ремесленнику вообще нужно воображеніе, чтобы своей работой удовлетворить заказчика; матери семейства нужно представить себѣ отношеніе дѣтей въ будущемъ къ предпринимаемымъ ею мѣрамъ. Чтобы создать научное предположеніе, гипотезу, чтобы создать произведеніе искусства, для всего этого необходимо воображеніе.

Идеалъ воображенія. Люди очень различаются по характеру своего воображенія. Встрѣчаются такіе, которымъ воображеніе мѣшаетъ во всей ихъ дѣятель-

ности; оно имъ постоянно рисуетъ грустныя картины будущаго, и это вноситъ въ ихъ дѣятельность отсутствіе бодрости. Другіе люди постоянно представляютъ себѣ воздушные замки, носятся съ этими образами и отдаляются отъ дѣйствительной жизни съ ея потребностями; это типъ пустыхъ мечтателей (Маниловъ). Тѣ и другіе не умѣютъ управлять своимъ воображеніемъ, у нихъ нѣтъ достаточно развитаго вниманія, т. е. умѣнія сосредоточить всю свою душевную дѣятельность на нужномъ предметѣ. Ученикъ часто сидитъ передъ книгой, а голова у него приподнята. на лицѣ улыбка, все обнаруживаетъ, что онъ думаетъ не о книгѣ, а о чемъ то мечтаетъ. **Воображеніе можетъ быть управляемымъ и не управляемымъ, т. е. произвольнымъ и непроизвольнымъ.** Если у человѣка воображеніе произвольное, онъ обладаетъ дорогимъ его свойствомъ.

Разсматривая воображеніе у поэтовъ, какъ болѣе ярко обнаруживающихъ его, мы видимъ, что одни рисуютъ совершенно различные образы (Пушкинъ), у другихъ эти образы болѣе однообразны (Лермонтовъ). Въ окружающей жизни мы встрѣчаемъ людей, которые могутъ себѣ представить только самоотверженныхъ людей, или, наоборотъ, только низкіе характеры, и есть такіе люди, которые легко представляютъ себѣ все: разные характеры, совершенно различные ландшафты, произведенія ремеслъ и т. д. и т. д. Изъ этого ясно, что **воображеніе бываетъ бѣдное или узкое и богатое или широкое.** Ученикъ, .который пишетъ недурные стихи, ясно рисуетъ себѣ положенія разныхъ героевъ въ поэзіи и исторіи но съ трудомъ представляетъ себѣ фазы солнечнаго или луннаго затмѣнія въ космографіи, усѣченныя пирамиды въ геометріи, показываетъ, что его воображеніе недостаточно разнообразно.

Встрѣчается у разныхъ людей также различная легкость въ представленіи себѣ одной и той же

картины, и эта легкость работы воображенія является тоже цѣннымъ его свойствомъ. Такую легкость или живость воображенія мы видимъ у дѣтей: захочется имъ поѣздить верхомъ, они тотчасъ же придадутъ палочкѣ всѣ свойства лошади, и очень довольны результатомъ работы воображенія. Взрослые не обладаютъ такою живою фантазіей, но за то могутъ представить себѣ сложныя картины расположенія небесныхъ тѣлъ или картины цѣлыхъ историческихъ эпохъ, чего дѣти сдѣлать не въ состояніи.

Итакъ, идеальное воображеніе должно подчиняться нашему управленію, т. е. быть произвольнымъ, быть богатымъ и живымъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВОЗДѢЙСТВІЕ НА ВООБРАЖЕНІЕ.

Желательныя свойства воображенія развиваются въ сильной степени отъ упражненія. На урокахъ учащемуся постоянно приходится заставлять свое воображеніе работать въ томъ именно направленіи, котораго требуетъ учитель. Такое упражненіе въ управленіи воображеніемъ и даетъ намъ произвольное воображеніе.

Что касается богатства воображенія, то чтобы понять, какимъ путемъ слѣдуетъ этого достигать, необходимо вдуматься въ работу такого широкаго воображенія. Въ сказкѣ „Баба Яга“ рисуется совершенно фантастическій образъ, но всѣ составныя его части: ступа, помело, костяная нога и т. д., все это въ отдѣльности встрѣчается въ жизни, нѣтъ только такихъ сочетаній. Тоже самое нужно сказать и про крылатаго коня древней миѳологіи (крылья и лошадь) и про картины, изображенныя въ стихотвореніи: „Воздушный корабль“. Во всѣхъ такихъ фантастическихъ картинахъ неестественнымъ является только сочетаніе различныхъ предметовъ и ихъ свойствъ, но самые эти предметы и свойства, выставляемые въ картинѣ,

сами по себѣ дѣйствительно встрѣчаются въ жизни и знакомы авторамъ фантастическихъ произведеній. Какъ бы картина ни была фантастична, въ ней не можетъ быть ничего такого, чтобы по отдѣльнымъ частямъ не встрѣчалось въ жизни. Нѣтъ возможности вообразить себѣ чего нибудь, чтобы въ частяхъ своихъ было совершенно неизвѣстно. Поэтому если у человѣка будетъ въ жизни мало впечатлѣній, если онъ будетъ знать мало фактовъ, то и воображеніе его не будетъ разнообразно. Всестороннее образованіе и отсутствіе однообразія въ жизненной обстановкѣ даютъ человѣку возможность обладать богатымъ воображеніемъ. Однако, нужно бояться крайности. Если ребенокъ радуется катанью съ горъ, а вечеромъ вы его поведете въ театръ, его восхищающій, а завтра купите ему необыкновенную для него самодвижущуюся игрушку, то онъ въ своей дѣтской не будетъ имѣть времени катать съ горъ своихъ куколъ, играть въ театръ и т. д. Онъ пройдетъ какъ бы мимо всѣхъ этихъ впечатлѣній, не сдѣлаетъ ихъ своимъ достояніемъ, не запомнитъ ихъ и не будетъ въ состояніи ими воспользоваться для созданія сложной фантастической картины. Кромѣ того, ребенокъ, переживающій очень много впечатлѣній, привыкаетъ не вдумываться въ нихъ, скользитъ только по нимъ. Поэтому, если мы видимъ, обыкновеннаго по способностямъ ребенка, который, что называется, глотаетъ книги одну за другой, мы можемъ ожидать, что прочитанное въ нихъ не станетъ его достояніемъ и не поможетъ ему въ созданіи картины, требующей богатаго воображенія.

Третье цѣнное свойство воображенія, легкость его работы, тоже дается упражненіемъ. Человѣку сначала трудно представлять себѣ по чертежамъ математическія тѣла, а послѣ практики въ этомъ, трудность исчезаетъ. Тоже происходитъ и при разсматриваніи изображеній

мѣстностей, городовъ, взаимныхъ отношеній небесныхъ тѣлъ и т. д. Развитію легкости воображенія много помогаетъ обученіе математикѣ и другимъ наукамъ [1]).

ИГРЫ ДѢТЕЙ.

Воображеніе сильно проявляется въ играхъ дѣтей, гдѣ они разнымъ предметамъ приписываютъ свойства, имъ завѣдомо не принадлежащія. Одинъ и тотъ же стулъ то представляетъ мать, то онъ ржетъ, то оказывается каретой и т. д. Работа воображенія проявляется въ большинствѣ дѣтскихъ игръ.

Игры представляютъ собою важный и необходимый факторъ въ жизни подростающихъ поколѣній. Въ нихъ ребенокъ обдумываетъ, какъ лучше поставить маленькую мебель, чтобы походило на комнату взрослыхъ, наблюдаетъ, т. е. подмѣчаетъ, какіе пріемы у доктора, кучера, отца, которыхъ онъ изображаетъ, а отъ этого и развивается его наблюдательность; иной разъ дѣлаетъ онъ въ умѣ вычисленія; словомъ, въ играхъ работаетъ умъ ребенка. Не можетъ ребенокъ безучастно относиться къ своимъ удачамъ и неудачамъ въ играхъ, у него есть любимыя лошадки, куклы, онъ часто любуется красивымъ платьемъ куклы, значитъ, игры даютъ работу для чувствъ ребенка. Особенно же важно то, что въ нихъ ребенокъ находитъ для себя занятіе. Человѣкъ можетъ заниматься пустяками, даже дурнымъ чѣмъ нибудь, но если оставить его надолго безъ всякаго занятія, онъ будетъ сначала только скучать, а затѣмъ сильно страдать отъ отсутствія дѣятельности,

---

[1]) Кейра: „Воображеніе и память“ ц. 40 к.

что мы и видимъ при нѣкоторыхъ одиночныхъ заключеніяхъ въ тюрьмѣ. Серьезной работой ребенокъ заниматься долго не можетъ, такъ какъ всякая работа требуетъ вниманія, а на продолжительное вниманіе ребенокъ не способенъ. Игры же, давая ему пріятное занятіе, дѣлаютъ счастливыми переживаемые имъ годы дѣтства. Если мы будемъ часто оставлять ребенка безъ всякой игры, онъ не только будетъ скучать, (что задерживаетъ кровообращеніе), выдумывать невсегда допускаемыя шалости и раздражаться, но сверхъ того, онъ привыкнетъ къ отсутствію живой дѣятельности, что легко подготовитъ изъ него лѣниваго ученика, лѣниваго гражданина. Безъ игры его физическіе органы и душевная дѣятельность будутъ недостаточно упражняться. Такимъ образомъ, игры важны для физическаго и духовнаго развитія человѣка; выяснится же все ихъ значеніе, когда разберемъ ихъ по группамъ.

Разнообразныя игры дѣлятся на подвижныя и сидячія (горѣлки, лото). Первыя имѣютъ какъ недостатки, такъ и преимущества въ сравненіи съ гимнастикой. Онѣ могутъ имѣть громадное значеніе въ физическомъ воспитаніи, почему въ англійскихъ школахъ имъ и отдается очень много времени. Такія подвижныя игры, какъ метаніе мячика, сверхъ того, что усиливаютъ мускулы, развиваютъ еще глазомѣръ и мускульныя ощущенія. Игры сидячія важны уже потому, что иногда недостатокъ мѣста или недостатокъ времени передъ выходомъ на холодъ не дозволяютъ дѣтямъ отдаваться подвижнымъ играмъ. Среди этихъ игръ многія связаны съ сообщеніемъ научныхъ фактовъ, напр., историческое, географическое и др. лото, желѣзнодорожныя путешествія и т. д. Однако, знанія, которыя онѣ даютъ, сообщаемыя безъ системы, безъ надлежащей серьезности, шутя, не требующія со стороны ребенка вдумчивости, не представляютъ собою цѣннаго матеріала. И это тѣмъ болѣе,

что между 7 и 10 годами ребенка протекаетъ совершенно достаточно времени для подготовки его въ младшій классъ средней школы. Но игры, которыя даютъ знаніе иностранныхъ словъ, въ виду того, что иностранная рѣчь усваивается несистематически, могутъ принести извѣстную пользу, если ребенокъ охотно играетъ въ такую игру; въ противномъ случаѣ, полезнѣе дать правильный урокъ. Вообще, всѣ такія игры, которыя даютъ знанія, вполнѣ допустимы, но при необходимомъ условіи, чтобы онѣ оставались играми, а не переходили въ нѣчто принудительное для ребенка; тогда уже это не игра, а неразумное обученіе.

Игры дѣлятся еще на одиночныя и общественныя. Первыя важны для ребенка, если онъ слишкомъ возбуждается среди толпы дѣтей, почему онѣ особенно умѣстны передъ сномъ; важны онѣ и потому, что въ нихъ ребенокъ учится самъ себя занимать, что очень облегчаетъ уходъ за нимъ; наконецъ, одиночныя игры важны и потому, что въ нихъ ребенокъ, всегда переходя отъ одной игры къ другой, самъ выдумываетъ для себя занятіе и самъ его осуществляетъ; этимъ онъ пріучается къ самодѣятельности, безъ которой въ жизни часто напрасно пропадаютъ хорошія силы. Общественныя игры дороги для воспитателя въ силу того, что онѣ учатъ ребенка поддерживать общіе принципы игры и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинять свои собственныя дѣйствія этимъ принципамъ. Поддерживаніе же общихъ принциповъ и подчиненіе имъ своихъ дѣйствій есть драгоцѣнное качество гражданина. Въ общественныхъ играхъ дѣти сами умѣряютъ крайности въ характерахъ сверстниковъ (надменность, самомнѣніе, неуступчивость, обманъ). Все это дѣлаетъ ихъ характеры болѣе соотвѣтствующими общественнымъ требованіямъ жизни.

Такъ какъ дѣти въ играхъ иной разъ доходятъ до

грубости, а въ увлеченіи и до жестокости, напр., играя въ казнь, мучатъ собаку, то надзоръ за ними со стороны старшихъ необходимъ. Но участіе старшихъ въ играхъ должно быть очень ограничено. Правда, дѣти иной разъ любятъ, когда старшіе съ ними играютъ, но при этомъ они, во первыхъ, невольно, незамѣтно для себя и безцѣльно подчиняются взрослымъ, отчего не развивается у нихъ самодѣятельности, и во вторыхъ, это участіе взрослыхъ въ дѣтскихъ играхъ совершенно неестественно и понапрасну отымаетъ много времени, которымъ воспитатель долженъ очень дорожить хотя бы для того, чтобы не отстать отъ хода общей жизни и впослѣдствіе не потерять отъ этого авторитетъ въ глазахъ подростающаго поколѣнія. Участіе взрослыхъ въ играхъ дѣтей желательно только тогда, когда дѣти сами никакъ не могутъ устроить себѣ игры, а послѣ того, какъ игра установилась, взрослымъ слѣдуетъ незамѣтно отойти отъ нея.

Игрушки. Что касается игрушекъ, то онѣ служатъ орудіями для игры. Лучше всего, когда дѣти сами ихъ себѣ дѣлаютъ изъ палочекъ, песку, тряпочекъ и т. д. Ребенокъ особенно любитъ ту игрушку, которую онъ самъ себѣ выработалъ или по своему желанію передѣлалъ. Съ этой игрушкой соединяется для него пріятная работа воображенія, напр., предполагать у куклы лицо, когда его нѣтъ, и отъ этого сама игрушка становится любимой у него. Кромѣ того, при созданіи себѣ игрушки, ребенокъ упражняетъ свою самодѣятельность. Однако, бываютъ случаи, напр., зимой въ комнатахъ съ тяжелой мебелью, когда у ребенка нѣтъ матерьяла для созданія себѣ игрушки. При такихъ обстоятельствахъ лучше купить ребенку игрушку, чѣмъ допускать его до бездѣйствія и скуки. Покупать же ребенку слѣдуетъ самый простой игральный матерьялъ: палочки, глину, кубики, цвѣтную бумагу, чтобы

онъ самъ изъ этого матерьяла выдѣлывалъ себѣ игрушки. Если же почему либо болѣе взрослому ребенку покупаютъ сложную игрушку (нарядную куклу, запряженную тройку), то такая игрушка должна представлять соразмѣрность въ частяхъ, ради пріученія къ этому глаза ребенка, и должна быть изящна, ради развитія въ немъ изящнаго вкуса. [1])

СИСТЕМА ФРЕБЕЛЯ. Въ прошломъ столѣтіи на игры и игрушки дѣтей обратилъ большое вниманіе выдающійся нѣмецкій педагогъ Фребель († 1852 г.). Придавая большое значеніе выбору игрушекъ, онъ предложилъ для нихъ особую систему, состоящую въ томъ, что ребенку сначала даютъ одинъ мячикъ, затѣмъ мячики другихъ цвѣтовъ, потомъ геометрическія тѣла: шаръ, цилиндръ, кубъ, кубъ, раздробленный на кубики, на кирпичики. Этими „дарами“ Фребель хотѣлъ познакомить ребенка съ цвѣтами, упругостью, гладкостью, съ различными движеніями мячиковъ, съ независимостью между формой и величиной (кубъ, раздробленный на кубики) и т. д. Послѣ этихъ „даровъ“ Фребель предлагалъ занятія для дѣтей изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, палочекъ, плетеніе, рисованіе и т. д. Всѣмъ этимъ должны были развиваться ощущенія ребенка, наблюдательность, пріобрѣтаться познанія. Для дѣтей отъ 4 до 7 лѣтъ Фребель устроилъ учебно-воспитательныя учрежденія: „дѣтскіе сады“, въ которые дѣти ежедневно приходили на нѣсколько часовъ для совмѣстныхъ игръ и занятій подъ руководствомъ подготовленной къ тому воспитательницы, „садовницы“.

---

[1]) 1) Тома: „Воспитаніе чувствъ“, изд. Павленкова, стр. 220—230, ц. 80 коп. 2) Каптеревъ· О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ вин. 4 Энциклопедіи Сем. восп. стр. 40. ц. 30 к.; 3) Литвинскій: „Игрушки, ихъ значеніе и выборъ“ вин. 13. Энц. Семейн. восп. стр. 44, ц. 30. 4) Покровскій: „Дѣтскія игры, преимущественно русскія“, ц. 2 р. 5) Конр. Ланге: „Художественное воспитаніе въ дѣтской“, стр. 4—23, изд. Вѣстн. воспитанія“.

Здѣсь дѣти играли въ подвижныя игры, изображающія сельскія и другія работы, пѣли, лѣпили изъ глины, рисовали, слушали разные разсказы и т. д. „Садовницы“, по идеѣ учредителя, должны сообразоваться съ свойствами каждаго ребенка, какъ въ садахъ заботятся о каждомъ растеніи въ отдѣльности. Но многіе послѣдователи Фребеля изъ неразумнаго благоговѣнія передъ нимъ, не обращая вниманія на индивидуальныя и національныя особенности дѣтей различныхъ государствъ, всюду устанавливали только тѣ игры и занятія, которыя были рекомендованы самимъ Фребелемъ. Такіе послѣдователи, не понявъ идеи Фребеля, стоявшаго за свободное развитіе дѣтей, всюду хотѣли буквально выполнять то, что онъ совѣтовалъ для нѣмецкихъ дѣтей. Этимъ они часто вызывали даже враждебное отношеніе къ системѣ Фребеля, и нужно было много времени, чтобы свѣтлые взгляды этого педагога стали вновь пользоваться заслуженнымъ уваженіемъ. Мячики, кубики, фребелевскія работы (плетеніе), пѣніе, разсказы, непринудительное обученіе дѣтей подъ руководствомъ опытной воспитательницы, все это, разумно примѣняемое, приноситъ дѣтямъ много пользы. Поэтому слѣдуетъ только привѣтствовать развитіе дѣтскихъ садовъ и подготовку на особыхъ курсахъ руководительницъ для этихъ садовъ. [1])

---

[1]) О Фребелѣ: Исторія Педагог. Модзалевскаго. часть 2-ая стр. 86--106. О фребелевскихъ занятіяхъ въ трудѣ Конр. Ланге: „Художеств. воспитаніе“ изд. „Вѣст. восп“, стр. 44—74. Квикъ: Реформаторы воспитанія.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

ЗНАЧЕНІЕ. Кромѣ игръ, другимъ необходимымъ факторомъ въ жизни дѣтей является слушаніе разсказовъ и самостоятельное чтеніе. Часто ребенокъ задаетъ вопросъ родителямъ по поводу прочитаннаго имъ нѣсколько дней тому назадъ, слѣдовательно, чтеніе вызываетъ у него работу мысли; онъ узнаетъ изъ книгъ различные факты, расширяется его кругозоръ. Дѣти часто плачутъ надъ книгой, радуются и страдаютъ за героевъ; у нихъ складывается любовь или ненависть къ различнымъ типамъ людей, т. е. работаютъ ихъ чувства. Примѣры того, какъ маленькія дѣти подъ вліяніемъ прочитанной книги въ своихъ играхъ подражаютъ ея героямъ, какъ небольшіе подростки не разъ отправлялись въ Америку, желая походить на героевъ Майнъ-Рида, ясно доказываютъ, что чтеніе и слушаніе разсказовъ могутъ сильно вліять на волю дѣтей. Представляя себя совершающими подвиги, дѣти развиваютъ свою фантазію. Изъ всего этого ясно, какимъ могучимъ средствомъ въ дѣлѣ воспитанія оказывается книга: чтеніемъ можно и испортить и возвысить умъ, чувство и волю ребенка.

Руководитель чтеніемъ долженъ отвѣтить себѣ на три вопроса: 1) съ какого времени давать дѣтямъ читать? что читать? и 3) какъ читать?

СЪ КАКОГО ВРЕМЕНИ ДАВАТЬ ДѢТЯМЪ ЧИТАТЬ? Голова ребенка сильно растетъ до 7-го года, послѣ чего ростъ ея замедляется на долгое время. У слабыхъ дѣтей всѣ растительные процессы совершаются медленнѣе, вотъ почему въ русской педагогической

литературѣ предлагается не начинать никакого обученія до 7 лѣтъ. Въ виду того, что чтеніе очень сильно возбуждаетъ дѣтей, а нѣкоторыхъ такъ привлекаетъ къ себѣ, что, не смотря на вредъ здоровью, ихъ трудно оторвать отъ книги, не слѣдуетъ ранѣе семи лѣтъ стараться возбуждать интересъ къ чтенію. Въ интеллигентной семьѣ, при нормальныхъ условіяхъ въ развитіи ребенка, интересъ къ чтенію и слушанію разсказовъ возникаетъ самъ собою, и не только не приходится возбуждать его, но часто приходится уступать ребенку въ его стремленіи читать, что допустимо, однако, только тогда, когда ребенокъ здоровъ, и его духовное развитіе не угнетаетъ организма. Вѣдь и читать ребенокъ интеллигентной семьи большею частью выучивается самъ, безъ всякихъ уроковъ,

Содержаніе дѣтскаго чтенія. Все, что читаютъ дѣти, должно хоть до нѣкоторой степени нравиться и взрослымъ. Это будетъ свидѣтельствовать, что произведеніе написано правдиво и не безъ таланта. Преобладать должно изображеніе добраго, идеальнаго, такъ какъ оно даетъ высокія идеи и вызываетъ подражаніе прекрасному. Безъ идеальнаго элемента не явится высокихъ идей, и нечему будетъ подражать. Однако, если мы будемъ изображать только положительные типы, то во-первыхъ, они не будутъ ярки, такъ какъ нельзя будетъ изобразить высокихъ добродѣтелей, проявляющихся въ прощеніи за причиненное зло или въ борьбѣ съ искушеніемъ, и во-вторыхъ, такое изображеніе одного лишь хорошаго не будетъ согласоваться съ жизненной истиной, а истина должна высоко цѣниться въ дѣлѣ воспитанія.

Дурные люди, изображенные въ дѣтской литературѣ, могутъ терпѣть наказаніе со стороны правосудія. Но такъ какъ въ жизни не всякій дурной поступокъ влечетъ за собою явное наказаніе, то нельзя и въ

литературѣ требовать постояннаго возмездія въ видѣ наказанія. Человѣкъ, не прощающій обиды, мстительный, человѣкъ честолюбивый, алчный часто совсѣмъ не подпадаетъ наказанію извнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто бываетъ неспокоенъ духомъ: онъ находитъ себѣ наказаніе то въ угрызеніи совѣсти, то въ самомъ порокѣ своемъ: Плюшкинъ, Скупой рыцарь, Макбетъ, Борисъ Годуновъ, все это люди несчастливые. Изображеніе мученій совѣсти или безпокойства, вызываемыхъ самимъ порокомъ, сильно можетъ вліять на дѣтей, развивая въ нихъ, съ одной стороны, состраданіе къ людямъ, поддавшимся страстямъ, а съ другой стороны, отвращеніе къ пороку. Самое же главное воспитательное вліяніе, которое можетъ быть при изображеніи отрицательныхъ типовъ, заключается не въ наставленіи, обращаемомъ къ дѣтямъ, не въ наказаніи, претерпѣваемомъ героемъ, а въ несочувствіи автора произведенія ко злу. Чувство автора обыкновенно передается читателю, и такимъ образомъ несочувствіе автора къ порочному герою передается и ребенку. При этомъ условіи извергъ, изображенный въ произведеніи, ничѣмъ даже не наказанный за осуществленіе преступной цѣли, будетъ несимпатиченъ ребенку, и если послѣдній, прочтя произведеніе, скажетъ, а я все-таки не хочу быть такимъ, значитъ авторъ нравственно повліялъ на ребенка.

Среди дѣтскаго чтенія большую роль играютъ **сказки**. Ихъ дѣти любятъ, такъ какъ онѣ привлекательны своей поэтичностью и пріятно возбуждаютъ работу воображенія. Дѣти легко отдѣляютъ фантастическій элементъ въ сказкѣ отъ изображенія типовъ и дѣйствительныхъ отношеній людей другъ къ другу. Знакомясь же съ различными характерами людей, дѣти расширяютъ свой кругозоръ, ихъ чувства возбуждаются въ хорошую сторону, если въ сказку вло-

жено истинно нравственное чувство. Напротивъ того, сочувствіе въ сказкѣ дурнымъ стремленіямъ, напр., удачѣ въ обманѣ, если само по себѣ и не испортитъ ребенка, то все же можетъ породить въ немъ радость по поводу удачи въ дурномъ, т. е. безнравственно повліять на него (напр., сказки: „Мужикъ, медвѣдь и лиса", сказка Гримма: „Три пряхи" и т. д.). Недопустимы къ чтенію по вечерамъ и сказки съ страшнымъ содержаніемъ. Гоголь въ повѣсти: „Страшная месть" разсказываетъ, какъ онъ боялся страшныхъ сказокъ. Онѣ навсегда оставляютъ въ душѣ ребенка элементы боязливости (Сонъ Обломова). Кромѣ того, онѣ часто заставляютъ ребенка дрожать, блѣднѣть отъ страха, что неправильно возбуждаетъ его нервную систему [1]).

При выборѣ матерьяла для дѣтскаго чтенія очень важно примѣняться къ данному ребенку, чтобы неподходящей книгой не оттолкнуть его отъ чтенія или чтобы не придать ложнаго направленія его воображенію.

Такая трудная задача воспитателя облегчается критическими указаніями дѣтской литературы [2]).

ПРОЦЕССЪ ЧТЕНІЯ. Если дѣти, да и мы взрослые, читаемъ очень быстро, „глотаемъ книги", то впечатлѣнія очень быстро смѣняются одно другимъ. При такомъ чтеніи человѣкъ всегда утомляется: не только утомляются его глаза, а вся нервная система значительно разстраивается. Кромѣ того, постоянно читая очень быстро, человѣкъ пріучается не вдумываться, не углубляться въ впечатлѣнія, получаемыя изъ книгъ, а затѣмъ и вообще во все имъ испытываемое; такой

---

[1]) Адлеръ: „Нравственное воспитаніе", ц. 35 к., здѣсь есть глава: „Воспитательное значеніе сказокъ" стр. 37—48.

[2]) Однимъ изъ такихъ указателей можетъ служить трудъ Лебедева: „Дѣтская и народн. литер." вып. I; 112 стр. ц. 50 к. О картинкахъ въ дѣтской книжкѣ Конр. Ланге: „Художественное воспитаніе въ дѣтской" стр. 23—44, изд. „Вѣстн. восп." и многое другое.

человѣкъ можетъ долго жить и не знать жизни. Поэтому очень полезно, если взрослые принимаютъ участіе въ чтеніи дѣтей, иной разъ прочитывая вмѣстѣ съ ними, хоть даже не цѣлыя произведенія, а отдѣльныя страницы, и бесѣдуютъ съ ними о прочитанномъ. Этимъ они могутъ дать болѣе правильное направленіе чтенію дѣтей. Всякій, кто займетъ дѣтей хорошимъ чтеніемъ во время и безъ принужденія, пріучаетъ дѣтей глубже вдумываться въ книгу, а затѣмъ и въ самую жизнь.

Для обсужденія. 1) Въ чемъ состоялъ первый разсказъ или первая книга, которыя вамъ особенно понравилися въ дѣтствѣ, и почему?

2) Какую бы книгу могли вы рекомендовать для дѣтей и какого приблизительно возраста? Почему?

3) Не знаете ли вы дѣтей, при воспитаніи которыхъ проявляется неправильная постановка чтенія?

ЧУВСТВА.

Сущность эмоцій. Чрезъ ощущенія мы узнаемъ освѣщеніе на улицѣ, сухость, теплоту, и на этомъ основаніи дѣятельность нашего ума даетъ намъ возможность рѣшить, какая на дворѣ погода. Мы довольны или недовольны этой погодой, иной разъ удивляемся ей, боимся, словомъ, каждый проявляетъ свое личное отношеніе къ ней. Небезразлично относимся мы и къ новости, которую слышимъ, и къ подарку, который получаемъ, и ко всему, что переживаемъ. **Наши личныя отношенія къ переживаемымъ нами явленіямъ и составляетъ то, что называется чувствами или эмоціями.** Выраженіе же: „внѣшнія чувства“ обозначаетъ лишь

наши ощущенія. Какъ только игра на роялѣ прекратится, мы уже не слышимъ ея, а чувство грусти или веселости, вызванное ею, можетъ продолжаться. Слѣдовательно, чувства отличаются отъ ощущеній, между прочимъ, тѣмъ, что ощущенія прекращаются съ прекращеніемъ дѣйствія внѣшняго возбудителя, а чувства могутъ продолжаться и послѣ этого. Отъ работы ума чувства тоже имѣютъ характерныя отличія. Вы видите на лицѣ у задумавшагося человѣка, что онъ погрузился въ размышленіе, но какой видъ мышленія у него, аналитическій, синтетическій, индуктивный или дедуктивный, вы разобрать не можете. Какое же чувство у человѣка, грустное или веселое, ужаса или радости, вы сейчасъ же видите на его лицѣ и въ движеніяхъ, если только человѣкъ не хочетъ этого отъ васъ скрыть. Значитъ, наши чувства яснѣе, чѣмъ дѣятельность ума, отражаются во-внѣ. Мало-того, между нашими чувствами и проявленіями ихъ во-внѣ оказывается такая тѣсная связь, что если мы сдерживаемъ проявленія чувствъ, то этимъ самымъ мы ихъ умѣряемъ, и для того, чтобы вызвать въ себѣ какое либо чувство, прежде всего мы придаемъ своему лицу соотвѣтствующее чувству выраженіе, и тогда въ большей или меньшей степени появляется у насъ желаемое настроеніе. Вотъ почему не слѣдуетъ допускать, чтобы ребенокъ, недовольный чѣмъ нибудь, долго дулся: этимъ только поддерживается въ немъ дурное, злостное настроеніе [1]).

Есть и другое отличіе между работой ума и чувствами. Мысль, понятіе о прекрасномъ лѣтнемъ днѣ не мѣняется у насъ ни зимой ни лѣтомъ, а чувства къ

---

[1]) О связи нашихъ эмоцій и ихъ проявленій интересна въ трудѣ Джемса: „Научныя основы психологіи“, подъ ред. Оболенскаго, глава объ Эмоціяхъ, стр. 295—308.

первому лѣтнему дню и десятому очень мѣняются. Пребываніе съ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ иной разъ можетъ сначала принести намъ удовольствіе, а затѣмъ и наскучить, хотя и не перемѣнится наше мнѣніе (понятіе) объ этомъ лицѣ. На общемъ фонѣ любви матери къ ребенку, у нея могутъ появляться и гнѣвъ и даже ненависть къ нему, хотя взглядъ на него можетъ и не мѣняться. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что мысль о предметѣ менѣе измѣнчива, чѣмъ чувство къ предмету. Вотъ почему люди, отличающіеся большимъ преобладаніемъ чувствъ въ своемъ характерѣ, представляютъ обыкновенно, неровности въ обращеніи: то они очень любезны, то сухи, то безъ серьезныхъ причинъ очень веселы, то очень грустны.

При всемъ отличіи дѣятельности чувствъ отъ дѣятельности ума, мы замѣчаемъ, что размышленіе наше о картинѣ, о повѣсти и т. д. усиливаетъ или ослабляетъ наши чувства, подавляетъ одни и вызываетъ другія. Съ другой стороны, восхищеніе или недовольство картиной, повѣстью и т. д. заставляютъ насъ лучше вдуматься въ ихъ сюжетъ, т. е. придаютъ энергіи дѣятельности нашей мысли. Слѣдовательно, эти обѣ душевныя дѣятельности взаимно вліяютъ другъ на друга. Чтобы человѣкъ имѣлъ достаточно энергіи для постояннаго обогащенія своихъ знаній по спеціальности, необходима любовь къ этой спеціальности; чтобы любовь къ своему дѣлу постоянно углублялась и принимала вѣрное направленіе, нужно постоянно вдумываться въ это дѣло.

НАСТРОЕНІЯ И АФФЕКТЫ. Ребенокъ иной разъ легкимъ движеніемъ руки показываетъ свое недовольство, а иной разъ въ порывѣ большого гнѣва доходитъ до того, что не только сильно кричитъ, но царапаетъ самого себя и ударяется головой о стѣну. По отношенію къ жизненнымъ явленіямъ у человѣка можетъ быть

еле замѣтное для него самого чувство, а можетъ быть и сильное, доходящее до крайнихъ предѣловъ. Наши чувства, работая всегда совмѣстно съ другими душевными дѣятельностями, даютъ свою окраску тому, что мы испытываемъ. Такой общій колоритъ того, что человѣкъ въ извѣстное время переживаетъ въ своей душѣ, основанный главнымъ образомъ на его чувствахъ, называется **настроеніемъ**. Настроенія бываютъ очень различны: недовольное, скучное, печальное, радостное и. т. д. При радостномъ настроеніи духа, наше дыханіе и кровообращеніе совершаются энергичнѣе, мускулы стремятся проявить свою энергію, отчего, напр., ребенокъ въ такомъ настроеніи духа прыгаетъ, кричитъ, поетъ. При веселомъ настроеніи духа, какъ показываютъ опыты, память работаетъ лучше, и чувства труднѣе поддаются раздраженію [1]). Грустное настроеніе духа подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ (человѣкъ съ трудомъ прямо держится), и при этомъ вяло проявляется вся его душевная дѣятельность. Такъ и всѣ другія наши настроенія не только отражаются на нашемъ организмѣ, но и на дальнѣйшемъ процессѣ душевной жизни, вызывая соотвѣтствующія мысли, воспоминанія, чувства и стремленія. Вотъ почему очень важно, чтобы дѣти были въ хорошемъ настроеніи духа [2]).

Иногда же наши мысли и стремленія въ сильной степени поддаются какому-нибудь чувству, (гнѣву, испугу, ревности и т. д.), которое становится для из-

---

[1]) Въ одну минуту вы напишите больше названій пріятныхъ вамъ предметовъ, чѣмъ непріятныхъ тоже въ одну минуту. Интересные опыты надъ памятью: А. Нечаевъ. Учебн. Психологіи для сред. уч. зав. стр. 80 ц. 1 р.

[2]) О капризахъ: а, Воланъ: „Воля“. стр. 102—161. ц. 1 р.; б) Карцовъ: „Капризы и раздражительность дѣтей“. Энц. Сем. восп. вып. 8-ой ц. 30 к. в) „Скука“, Тардье. ц. 70 к.

вѣстнаго момента господствующимъ и настолько властнымъ, что человѣкъ только съ большимъ трудомъ сдерживаетъ его. Такое состояніе духа, при которомъ чувство подавляетъ другія душевныя дѣятельности, и при которомъ человѣку трудно съ нимъ бороться, называется **аффектомъ**.

При аффектѣ у человѣка измѣняется кровообращеніе, разстраивается желудокъ, волосы приходятъ въ движеніе, вообще, въ организмѣ необходимо совершается сильное ненормальное возбужденіе [1]). Такая работа организма долго продолжаться не можетъ, и потому, чѣмъ аффектъ сильнѣе, и съ нимъ вмѣстѣ измѣненія въ организмѣ, тѣмъ онъ менѣе продолжителенъ. Этимъ объясняется то, что люди вспыльчивые, т. е. быстро поддающіеся аффекту сильнаго гнѣва, не могутъ долго сердиться. Аффектомъ утомленъ организмъ, аффектъ не находитъ въ немъ болѣе для себя поддержки и потому ослабѣваетъ.

Дѣти, вообще, проявляютъ больше работу чувствъ, чѣмъ работу ума; сверхъ того, они не умѣютъ сдерживаться. Вслѣдствіе этого они гораздо болѣе склонны къ аффектамъ, чѣмъ взрослые. Но позволять имъ отдаваться аффектамъ, особенно дурнымъ, очень вредно, такъ какъ, во-первыхъ, отъ ненормальной душевной дѣятельности страдаетъ организмъ, а во-вторыхъ, всякій аффектъ, подъ вліяніемъ нашей памяти, оставляетъ въ насъ нѣкоторый слѣдъ, въ силу котораго облегчается повтореніе этого аффекта.

Чувствъ у насъ очень много: удовольствіе или неудовольствіе отъ звука, цвѣта, вкуса и т. д., страхъ, гнѣвъ, зависть, самолюбіе, эстетическое чувство, патріотическое, религіозное и т. д. Такое разнообразіе чувствъ заставляетъ насъ выдѣлить изъ нихъ нѣсколько группъ.

---

[1]) Д-ръ Ланге: „Аффекты. Психофизіологическій этюдъ“, пер. Д-ра Виреніуса, стр., 65. 1890 г.

Одно освѣщеніе комнаты намъ доставляетъ удовольствіе, другое—нѣтъ; удары однихъ часовъ намъ пріятны, другіе—нѣтъ. Такія чувства удовольствія или неудовольствія, соединяющіяся съ нашими ощущеніями, называются **физическими** и составляютъ первую группу чувствъ. Мы постоянно подвергаемся разнымъ внѣшнимъ и органическимъ ощущеніямъ; всѣ они вызываютъ въ насъ то или другое чувство, и равнодѣйствующая всѣхъ этихъ чувствъ обнаруживается въ нашемъ пріятномъ или непріятномъ отношеніи къ теченію личной жизни. Это отношеніе къ теченію личной жизни и есть то, что называется чувствомъ жизни или тономъ жизни. Этотъ тонъ жизни сильно зависитъ отъ правильности физическихъ процессовъ, совершающихся въ нашемъ организмѣ. Поэтому, желая дать подрастающимъ поколѣніямъ не тягость, а удовольствіе жизни, жизнерадостность, мы должны заботиться о томъ, чтобы правильно совершались всѣ процессы въ организмѣ воспитывающихся, т. е. заботиться объ ихъ здоровьи. Однако, эти чувства удовольствія и неудовольствія соединяются не только съ ощущеніями, но и съ другими чувствами: эстетическимъ, религіознымъ и другими.

Что касается чувствъ, какъ страхъ, гнѣвъ, самолюбіе, зависть, гордость, мстительность и др., то эти чувства клонятся какъ бы для поддержанія самого чувствующаго существа, въ его пользу, хотя бы только кажущуюся. Такія чувства составляютъ вторую группу и называются **эгоистическими** (ego значитъ я). Противоположный характеръ представляютъ чувства любви, дружбы, благодарности и т. д.; они клонятся въ пользу другого существа, и потому составляютъ третью группу чувствъ и называются общественными, соціальными или **альтруистическими** (слово alter—другой, въ родствѣ съ франц. словомъ autre). Есть еще четвертая группа чувствъ. Это именно тѣ, которыя сое-

диняются съ какой нибудь высокой идеей, о добрѣ, о красотѣ, родинѣ, о Богѣ, или вызываютъ подобныя идеи. Такія чувства называются **идейными**. Чувства послѣднихъ трехъ группъ, т. е. эгоистическія, альтруистическія и идейныя по преимуществу называются **эмоціями.**

Хотя это раздѣленіе чувствъ не можетъ быть строго проведено, такъ какъ чувства любви, страха, гнѣва могутъ принимать то эгоистическій, то альтруистическій характеръ, тѣмъ не менѣе такая ихъ группировка по удобству своему очень употребительна, какъ въ живомъ языкѣ такъ и въ литературѣ. Теперь мы прямо перейдемъ къ разбору нѣкоторыхъ эгоистическихъ чувствъ [1].

---

1. Нѣкоторыя эгоистическія эмоціи.

СТРАХЪ. Если человѣкъ видитъ предъ собою разъяренную собаку, ему непріятно, онъ ея боится; но если затѣмъ она даже его укуситъ и будетъ поймана, человѣкъ ея уже не боится. Мать страшится, чтобъ ребенокъ не заразился отъ близъ лежащаго больного; она страдаетъ при этомъ; но если ребенокъ заразится, она уже не боится заразы, а боится другого, исхода болѣзни. Слѣдовательно, страхъ есть весьма тягостное чувство, вызываемое тѣмъ, что грозитъ намъ непріятностью.

Вліяніе страха на насъ очень велико. Лэди Макбетъ говоритъ мужу: „возьми румяна, замажь свой страхъ", значитъ, человѣкъ блѣднѣетъ, т. е. измѣняется его кровообращеніе; часто желудокъ перестаетъ работать, волосы приподымаются и т. д. Организмъ нашъ

---

[1] О чувствахъ вообще: 1, Соч. Тома̀: „Воспитаніе чувства", изд. Павленкова, стр. 1—72; ц. 80 к.; 2, Манасеиной: „Основы воспитанія", вып. V А. ц. 2 р. 50, стр. 1—80.

приходитъ въ разстройство. Когда мы чего нибудь боимся, мы легко преувеличиваемъ опасность, „у страха глаза велики", наша умственная дѣятельность съ трудомъ отрывается отъ предмета опасенія, вообще, она подавлена. Если мы издали видимъ грозу, мы восхищаемся величіемъ природы, но какъ только начинаемъ бояться этой грозы, у насъ ужъ подавляется восхищеніе ею; въ молитвѣ, подъ вліяніемъ страха, усиливается прошеніе въ ущербъ благоговѣнію и благодаренію передъ Богомъ; боязнь передъ кѣмъ нибудь притупляетъ чувство любви къ нему. Значитъ, въ моментъ страха, имъ подавляются или ему подчиняются другія наши чувства. Когда человѣкъ не съ окрѣпшей волей боится чего нибудь, онъ готовъ схватиться за всякое средство, лишь бы избавиться отъ этого тягостнаго чувства; ложь бываетъ часто слѣдствіемъ страха; человѣкъ, боящійся чего нибудь, обнаруживаетъ колеблющуюся дѣятельность: онъ дѣлаетъ все неловко, неровно. Значитъ страхъ искажаетъ и дѣятельность нашей воли.

Хотя изъ этого мы видимъ, что страхъ вредно вліяетъ на нашъ организмъ, нашъ умъ, чувства и волю, тѣмъ не менѣе бываютъ случаи, когда страхъ благотворно вліяетъ на насъ. Въ одиночествѣ мы чувствуемъ себя слабыми, намъ грустно, и мы ищемъ сообщества людей, а чѣмъ больше хорошаго общенія между людьми, тѣмъ болѣе они выигрываютъ, служа другъ друга. Умѣренный страхъ, боязнь нарушить волю Божію, не выполнить нравственнаго долга, если только тутъ нѣтъ боязни наказанія, нравственно возвышаетъ человѣка.

Если человѣкъ часто подпадаетъ чувству страха, то организмъ его становится разстроеннымъ, нервнымъ; вслѣдствіе же того, что мысли и чувства его постоянно направляются на самозащиту, онъ склоненъ стать узкимъ во взглядахъ и эгоистичнымъ по характеру; въ дѣятельности же своей онъ привыкаетъ въ серьезномъ

быть нерѣшительнымъ, а въ мелочахъ неразборчивымъ въ средствахъ. Страхъ, за указанными выше исключеніями, когда онъ возвышаетъ человѣка, приноситъ вредъ въ дѣлѣ воспитанія. Между тѣмъ очень часто онъ то и лежитъ въ основѣ воспитанія. Охотно обращаются къ устрашенію дѣтей потому, что страхомъ можно быстро пріостановить какіе нибудь дурные поступки. Однако, человѣкъ отъ этого мало исправляется; если только изъ страха онъ не дѣлаетъ чего нибудь дурнаго, то онъ легко поступитъ дурно, какъ только избавится отъ угрозы. Исключая особенно экстренные случаи, страхомъ въ дѣлѣ воспитанія слѣдуетъ пользоваться лишь такъ, чтобы онъ являлся боязнью нарушить волю Божію или боязнью огорчить любящихъ родителей, боязнью потерять уваженіе къ себѣ. Вмѣсто страха пусть явится добрый примѣръ окружающихъ, авторитетъ родителей, т. е. убѣжденіе, что ихъ мнѣнія вѣрны, и увѣренность дѣтей, что если имъ что нибудь твердо запрещено, то хотя и безъ всякаго наказанія, но имъ не дадутъ возможности нарушить это запрещеніе. При такомъ воспитаніи можно обойтись безъ вреднаго для дѣтей страха.

Въ противность боязливости, не дающей человѣку пользоваться полнымъ счастьемъ и стѣсняющей его дѣятельность, въ дѣтяхъ слѣдуетъ развивать разумную смѣлость. Она дается общимъ развитіемъ организма, деревенской обстановкой (почему?), играми, въ которыхъ требуется рѣшительность, и вообще вѣрою въ свои силы[1]).

ДЛЯ ОБСУЖДЕНІЯ. Въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и др. мы находимъ изображенія страха; укажите нѣкоторыя изъ нихъ и разъясните, что это такое, ужасъ, испугъ, боязнь или опасеніе.

---

[1]) Джемсъ: „Научн. основы психологіи“ подъ ред. Оболенскаго, гл. XXV. Описаніе страха, стр. 322—328. 2) Каптеревъ: О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи“. Выпускъ 37 „Энциклопедіи семейнаго воспитанія.“ Цѣна 60 к. 3) Тома „Воспитаніе чувствъ“, изд. Павленкова, стр. 73—80, ц. 80 к. 4) Манасеиной: „Основы Воспитанія“ вып. V А. ц. 2 р. 50 к. стр. 95—105.

Чувство раздраженія и гнѣвъ. Если ребенку не дадутъ пищи, когда онъ ея проситъ, отнимутъ у него игрушку, когда онъ съ нею играетъ, ребенокъ раздражится; если же у него была большая потребность въ пищѣ, или онъ находилъ большое удовольствіе въ игрѣ, то онъ, при противодѣйствіи ему, проявляетъ уже гнѣвъ. Когда мы хотимъ что-либо объяснить человѣку, и онъ долго насъ не понимаетъ, мы легко раздражаемся, а замѣчая его нежеланіе насъ понимать, мы легко переходимъ къ гнѣву. Изъ этого ясно, что чувство **раздраженія**, есть такое тягостное чувство, которое вызывается препятствіемъ къ осуществленію нашихъ желаній или стремленій. Чувство раздраженія, усиливаясь при сознаніи противодѣйствія намъ, переходитъ въ **гнѣвъ**, при которомъ человѣкъ проявляетъ стремленіе повредить противодѣйствующему существу. Сильное раздраженіе, вызванное нарушеніемъ нравственныхъ принциповъ, представляетъ собою негодованіе. Если же гнѣвъ по отношенію къ какому-нибудь существу становится долговременнымъ, то онъ уже представляетъ вражду, часто переходящую въ ненависть и порождающую мстительность.

Раздраженіе и гнѣвъ вызываютъ приливъ крови къ головѣ, неправильность въ отправленіи желудка и нервное возбужденіе, проявляющееся иной разъ въ искаженіи лица при сильномъ гнѣвѣ. Значитъ, эти чувства вредно вліяютъ на нашъ организмъ и тѣмъ болѣе на слабый организмъ ребенка.

Раздраженіе и гнѣвъ, вызванные нанесеніемъ намъ вреда, усиливаютъ необходимую энергію для самозащиты; точно также раздраженіе, вызванное нарушеніемъ нравственныхъ принциповъ, можетъ вызвать въ насъ благородную энергію для защиты этихъ принциповъ. (Электра у Софокла въ его трагедіи). Но съ другой стороны. разбираемыя чувства часто лишаютъ

насъ умѣнія вдумываться и помнить тѣ причины, которыя заставляютъ человѣка противодѣйствовать нашимъ стремленіямъ, напр., мы часто забываемъ о болѣзненности и неподготовленности мало успѣвающаго ученика. Вслѣдствіе этого раздраженіе и гнѣвъ заставляютъ насъ легко впадать въ несправедливыя сужденія, вражду, ненависть, а за этимъ и совершать дѣйствія, вредящія ближнему, разъединяютъ, а не соединяютъ людей между собою, отчего становится труднѣе благотворное вліяніе старшаго поколѣнія на младшее. Поэтому, чѣмъ чаще раздражается и сердится ребенокъ, тѣмъ неправильнѣе идетъ вся его духовная и физическая жизнь. Кромѣ того, такъ какъ раздраженіе и гнѣвъ сильно возбуждаютъ нервную систему, то чѣмъ чаще ребенокъ раздражается, тѣмъ легче будетъ онъ и впредь отдаваться этимъ чувствамъ. Въ силу этого мы должны, не допуская ничего вреднаго для ребенка, стараться предупреждать его раздраженія, но при этомъ такъ, чтобы ребенокъ не увидалъ въ своей раздраженности средства добиваться всего того, что считается для него недозволеннымъ.[1]).

Для обсужденія. 1) Разобрать причины возникновенія и развитія вражды героевъ новости Гоголя: „Ссора Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича“.

2) Указать случаи раздраженій и гнѣва въ „Запискахъ Охотника“ и разобрать эти случаи (причины, проявленія и слѣдствія).

САМОЛЮБІЕ И ЧЕСТОЛЮБІЕ. Когда мы замѣчаемъ, что намъ не вѣрятъ, т. е. не признаютъ насъ правдивыми, или не считаютъ насъ способными для обыкновеннаго дѣла, мы въ этомъ видимъ, что насъ недо-

---

[1]) 4 Тома: Воспитаніе чувствъ. ц. 80 к. стр. 81—88. 2) О гнѣвѣ въ „Психологіи“ Владиславлева, ч. 3) Карцовъ: „Капризы и раздражительность дѣтей“ VIII вин. „Энцикл. сем. восп“. ц. 30 коп.

статочно цѣнятъ, мало уважаютъ, мы испытываемъ оскорбленіе нашего самолюбія. Напротивъ, если мы замѣчаемъ, что насъ уважаютъ, цѣнятъ, мы чувствуемъ удовольствіе, это удовлетворяетъ нашему самолюбію. То чувство, въ силу котораго мы дорожимъ уваженіемъ къ намъ и огорчаемся неуваженіемъ, называется **самолюбіемъ.** Одинъ человѣкъ желаетъ, чтобы въ немъ особенно цѣнили умъ, другой—нравственныя качества, третій—богатство, происхожденіе и т. д. Смотря по тому, что человѣкъ считаетъ особенно цѣннымъ въ себѣ, и самолюбіе его принимаетъ различный характеръ. Встрѣчаются воспитанники, которые высоко ставятъ въ своихъ глазахъ умѣніе дурно вліять на товарищей. Если имъ указывать на ихъ дурное вліяніе, самолюбіе ихъ отъ этого не пострадаетъ; но если товарищи имъ укажутъ, что они недостаточно искусны въ сферѣ недозволеннаго, ихъ самолюбіе будетъ страдать.

Намъ тяжело бываетъ видѣть или читать, какъ уважаемый нами человѣкъ или герой литературнаго произведенія какимъ-либо поступкомъ унижаетъ свой достойный обликъ и не оправдываетъ нашего уваженія. То же тяжелое чувство является у насъ, когда мы замѣчаемъ въ себѣ самихъ отступленіе отъ того, что уважаемъ, или видимъ непризнаніе въ насъ другими тѣхъ свойствъ, которыя цѣнимъ. Значеніе самолюбія и заключается въ томъ, что оно не позволяетъ намъ нравственно падать и доходить до того, чтобы другіе насъ не уважали. Но самолюбіе получаетъ уродливый характеръ, когда человѣкъ видитъ оскорбленіе своего самолюбія тамъ, гдѣ и не унижаются его достоинства, или особенно дорожитъ уваженіемъ къ тому, что совсѣмъ не заслуживаетъ уваженія.

Чтобы развить въ человѣкѣ надлежащее самолюбіе, надо въ присутствіи дѣтей всегда выражать уваженіе

къ хорошимъ свойствамъ другихъ людей; дѣти въ силу свойственной имъ подражательности будутъ также цѣнить въ другихъ людяхъ только достойное уваженія. Это заставитъ ихъ желать увидить достоинства и въ самихъ себѣ. Наряду съ этимъ мы должны и въ самихъ дѣтяхъ признавать и уважать ихъ хорошія качества и не скрывать этого отъ нихъ. Для этого будемъ выслушивать ихъ мнѣніе тамъ, гдѣ оно можетъ быть, будемъ совѣтоваться съ ними въ томъ, относительно чего они въ состояніи дать совѣтъ (выборъ подарка сверстнику, организація прогулки и т. д.), будемъ полагаться на ихъ силы (выборъ и покупка ими простыхъ вещей); будемъ, насколько позволяетъ намъ опытъ, довѣрять ихъ словамъ, ихъ честности, пока они не нарушатъ этого довѣрія. Если же мы замѣчаемъ, что у ребенка начинаетъ развиваться излишнее самолюбіе, обидчивость, постараемся, чтобы онъ былъ чаще среди сверстниковъ: онъ увидитъ, что другіе не такъ легко оскорбляются, какъ онъ, и что принимаемое имъ за оскорбленіе совершается безъ умысла; тогда его самолюбіе потеряетъ излишнюю чувствительность.

Въ силу самолюбія мы дорожимъ нѣкоторыми нашими свойствами; если же мы особенно дорожимъ не свойствами, а похвалами и почестями, намъ оказываемыми, то такое чувство есть уже не самолюбіе, а **честолюбіе**. Въ нѣкоторыхъ людяхъ оно очень развито (Борисъ Годуновъ по Карамзину и Пушкину, Леди Макбетъ). Честолюбіе даетъ человѣку много энергіи ради достиженія похвалъ и почестей, и въ іезуитскихъ школахъ пользовались честолюбіемъ, чтобы заставлять воспитанниковъ лучше учиться и хорошо вести себя. Но результаты этого, съ виду прекрасные, не должны давать истиннаго утѣшенія воспитателю. Если человѣкъ совершаетъ даже благодѣяніе ради полученія

похвалъ, тутъ нѣтъ еще нравственнаго возвышенія. Кромѣ того, честолюбіе очень сильно вліяетъ на насъ. Поэтому, если человѣкъ съ развитымъ честолюбіемъ попадаетъ въ среду, гдѣ хвалятъ за богатство, костюмъ, умѣніе пользоваться чужою неопытностью, онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ среды, лишь бы получать похвалы. Честолюбецъ въ своихъ дѣйствіяхъ обыкновенно останавливается на томъ, что легче всего доставляетъ ему почесть; отъ всего серьезнаго, труднаго, скромнаго онъ старается уклоняться, а отъ этого и самъ духовно понижается. Чтобы избѣжать развитія честолюбія въ дѣтяхъ, будемъ стараться хвалить не столько ихъ, сколько ихъ хорошіе поступки. Отъ этого въ душѣ ребенка будетъ расти уваженіе къ этимъ поступкамъ, которые понемногу получатъ у него цѣну. Будемъ развивать въ дѣтяхъ чувство долга и учить ихъ съ уваженіемъ относиться даже къ чужой неудачѣ, если въ ея основаніи было доброе стремленіе. Будемъ стараться, чтобы каждый ребенокъ стремился сравняться съ людьми, болѣе совершенными по нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, но не стремился бы непремѣнно превосходить другихъ. Въ первомъ случаѣ мы возлагаемъ надежду на соревнованіе, во второмъ—на соперничество, несогласное съ требованіями истинной нравственности [1]).

---

2. Альтруистическія эмоціи.

Альтруистическимъ чувствомъ называется такое чувство, при которомъ проявляется интересъ не къ самому чувствующему существу, а къ кому-нибудь

---

[1]). 1. Тома „Воспитаніе чувствъ“ изд. Павленкова, Самолюбіе, кокетство, высокомѣріе, стр. 113—128, и 176—184; ц. 80 к. 2) „Школьные типы“ Лесгафта стр. 28—51. 3). „Макбетъ“ Шекспира.

другому, и главнымъ образомъ служитъ это чувство на пользу другому существу. На развитіи альтруистическихъ чувствъ зиждется по преимуществу вся наша нравственность, поэтому и слѣдуетъ остановиться на анализѣ одного изъ главнѣйшихъ чувствъ этой группы.

Чувство симпатіи. Мать страдаетъ сама, когда видитъ страданія ребенка; можно радоваться вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, когда онъ достигаетъ удачи. Духовное участіе въ томъ, что испытываетъ другое лицо, и называется чувствомъ симпатіи, или сочувствіемъ. При этомъ наблюдается, что легче сочувствовать горю ближняго, чѣмъ его радости. Въ послѣднемъ случаѣ человѣку часто нужно еще подавить въ себѣ чувство зависти, чего не приходится дѣлать, когда мы видимъ бѣдствіе ближняго. Такимъ образомъ сочувствіе счастью требуетъ большей доброты отъ человѣка, чѣмъ сочувствіе горю.

Проявленія сочувствія нашему горю всегда цѣнно для насъ, хотя бы оно и не приносило никакой очевидной выгоды. Если же мы сочувствуемъ чьей-либо удачѣ, мы этимъ самымъ придаемъ дѣятелю новыя силы. Поэтому не встрѣчать сочувствія среди ближнихъ очень тяжело для человѣка. Истинное же сочувствіе, проявляемое и въ словѣ и въ самопожертвованіи, сближаетъ людей между собою и увеличиваетъ ихъ общія силы. Сверхъ того, сочувствіе къ людямъ заставляетъ глубже вдумываться въ разныя условія ихъ жизни, а это значительно расширяетъ нашъ кругозоръ.

Ребенокъ проявляетъ свою симпатію горю или радости, испугу или смѣху окружающихъ его уже въ силу своей подражательности; тутъ еще нѣтъ ничего альтруистическаго, ничего возвышеннаго. Затѣмъ ребенокъ испытываетъ, что радость или печаль близкаго человѣка отражается благопріятно или неблагопріятно на немъ самомъ, такъ какъ онъ пользуется большимъ

или меньшимъ вниманіемъ со стороны близкаго ему человѣка. Вслѣдствіе этого чувство симпатіи продолжаетъ развиваться, хотя еще на эгоистической почвѣ. Привыкнувъ сочувствовать другому лицу, хотя бы сначала изъ чисто эгоистическихъ интересовъ, ребенокъ мало-по-малу забываетъ о себѣ, связываетъ свои личные интересы съ интересами близкаго ему человѣка и понемногу вполнѣ отдается альтруистическому чувству симпатіи. Любовь усиливаетъ это чувство.

Развивая въ подрастающемъ поколѣніи это драгоцѣнное качество, воспитатель увидитъ, что ребенокъ будетъ сочувствовать и ему самому. Онъ найдетъ въ этомъ чувствѣ средство для развитія въ ребенкѣ любви къ истинѣ, красотѣ, добру, любви къ ближнему, къ родинѣ, къ Богу, если только онъ самъ проникнутъ этими чувствами. При этомъ воспитатель долженъ и съ своей стороны выказывать сочувствіе ребенку, такъ какъ свойственная ребенку подражательность вызоветъ такое-же сочувствіе и съ его стороны. Развитіе въ дѣтяхъ наблюдательности къ душевной жизни другихъ, пониманіе людей чрезъ анализъ художественныхъ произведеній, развитіе воображенія, все это будетъ содѣйствовать росту чувства симпатіи къ человѣчеству вообще. Если же мы достигнемъ того, что ребенокъ будетъ радоваться радости другихъ, то онъ будетъ уже не на словахъ только содѣйствовать благополучію окружающихъ и въ ихъ радостяхъ и добрыхъ отношеніяхъ къ нему самому будетъ находить счастье для самого себя.

---

3. Идейныя эмоціи.

Идейными чувствами, какъ мы знаемъ, называются такія, которыя соединяются съ высокими идеями или вызываютъ ихъ.

Чувство истины. Намъ пріятно видѣть на фотографіи вѣрное изображеніе ландшафта, дома; сколько удовольствія доставляетъ намъ живопись или вѣрное изображеніе жизни въ поэтическомъ произведеніи. Съ другой стороны, если мы замѣтимъ въ картинѣ, въ разсказѣ или на сценѣ какое-нибудь отступленіе отъ истины, намъ это непріятно, это насъ коробитъ. Во всемъ этомъ проявляется наше чувство истины, которое заставляетъ насъ цѣнить всякое вѣрное изображеніе фактовъ и съ неудовольствіемъ относиться ко всякой фальши въ изображеніи чего бы то ни было.

Чувство истины имѣетъ для насъ уже то значеніе, что доставляетъ большое удовольствіе, въ силу котораго мы наслаждаемся лучшими произведеніями изящныхъ искусствъ; въ силу этого чувства ученый получаетъ высокое наслажденіе, когда можетъ остановиться, послѣ долгихъ колебаній, на одномъ изъ двухъ противоположныхъ мнѣній. Чувство истины побуждаетъ насъ искать элементъ справедливости въ противоположныхъ намъ мнѣніяхъ, отчего выигрывать будутъ не только наши собственные взгляды, но и взгляды окружающихъ насъ людей вообще. Но еще болѣе важное значеніе чувства истины заключается въ томъ, что оно заставляетъ насъ противиться лжи и фальши, какъ въ другихъ людяхъ, такъ затѣмъ и въ насъ самихъ. Ложь запутываетъ наши мысли, не давая впослѣдствіе возможности различать правду отъ неправды.

Признавъ важное значеніе чувства истины, мы должны такъ окружать дѣтей, что-бы они видѣли, насколько намъ противна всякая фальшь и ложь. Тогда и у нихъ будетъ развиваться такое же отношеніе къ этимъ отрицательнымъ явленіямъ. Примѣръ отвращенія отъ лжи имѣетъ свою силу; напротивъ того, всякія же разъясненія о необходимости бороться съ ней неубѣдительны для дѣтей, такъ какъ они еще не мо-

гутъ умомъ и чувствомъ своимъ усвоить себѣ отвлеченную идею, что ложь отвратительна, тогда какъ ложь ихъ иной разъ спасаетъ отъ непріятности. Чтобы развить въ дѣтяхъ умѣніе найти истину, въ противоположныхъ взглядахъ, и не увлекаться впослѣдствіе крайними, нужно, чтобы они видѣли такое умѣніе у взрослыхъ и слышали рѣчи, въ которыхъ отражалась бы вдумчивость и справедливость взрослыхъ. При такихъ условіяхъ у дѣтей будетъ развиваться уваженіе къ истинѣ, гдѣ бы и какъ бы она ни проявлялась. Общее же развитіе въ нихъ сердечной теплоты не позволитъ имъ сдѣлаться сухими резонерами. [1])

Нравственное чувство.

СУЩНОСТЬ ЕГО. Намъ пріятно бываетъ видѣть добрыя отношенія одного человѣка къ другому, (Пугачева къ Гриневу) и насъ отвращаютъ такіе поступки, которые приносятъ людямъ вредъ (Швабрина). Такъ же точно относимся мы и къ нашимъ собственнымъ поступкамъ, одни считая достойными уваженія, другіе нѣтъ. Наше **удовольствіе при видѣ дѣйствій, совершающихся на пользу людямъ, и чувство неудовольствія при противоположныхъ дѣйствіяхъ называется нравственнымъ чувствомъ** или чувствомъ добра. Жизненный опытъ намъ показываетъ, что поступки, приносящіе людямъ пользу и именующіеся нравственными, полезны и для насъ; мы смотримъ на нихъ какъ на обязательныя для людей

---

[1]) 1) Тома: „Воспитаніе чувствъ“ гл. XXI, стр. 193—200. ц. 80 к. 2) Каптеревъ: Энцикл. семейн. восп., вып. 43: „О развитіи въ дѣтяхъ правдивости.“ ц. 30 к.

вообще и для насъ въ частности. Вотъ почему нравственное чувство называется часто **чувствомъ долга**. У человѣка среди его дѣятельности иной разъ является нерѣшительность, удовлетворить ли своему личному чувству, напр., склонности къ пріобрѣтенію, честолюбію, мести, или поступить такъ, какъ требуетъ того долгъ. Является внутренняя борьба съ самимъ собою, которая называется трагизмомъ. (Сальери, Гамлетъ). Во время этой борьбы между эгоистическимъ чувствомъ и нравственнымъ чувствомъ умъ человѣка разъясняетъ хорошія и дурныя стороны различныхъ путей дѣятельности, изъ которыхъ предстоитъ выбрать одинъ. Борьба эта тяжела; вотъ почему не всѣ хотятъ прислушиваться къ голосу разума, указывающаго на долгъ, и идутъ по тому пути, который подсказывается эгоистическимъ чувствомъ. Развитое чувство долга и послѣ совершенія избраннаго дѣянія не перестаетъ работать. Оно намъ доставляетъ радость при сознаніи исполненнаго долга и тягостное чувство при нарушеніи его. Это **чувство долга, вызывающее въ нашемъ сознаніи судъ надъ нашими поступками, и есть наша совѣсть.** Если же тягостное чувство отъ совершеннаго поступка соединяется съ стремленіемъ загладить этотъ поступокъ услугою пострадавшему, добровольно принятымъ на себя наказаніемъ, или соединяется съ твердымъ рѣшеніемъ не повторять подобнаго въ будущемъ, то получается чувство **раскаянія**, которое драгоцѣнно уже потому, что содѣйствуетъ нравственному подъему человѣка, совершившаго проступокъ.

Люди, умъ которыхъ не выработалъ нравственныхъ правилъ, или у которыхъ нѣтъ ярко проявляющагося чувства долга, и которые заглушаютъ свой голосъ совѣсти, такіе люди обыкновенно приносятъ только вредъ окружающимъ ихъ. Подобные типы не желательны. Государство же своимъ судомъ и наказаніями

распространяетъ регулирующую власть только на небольшую долю человѣческихъ отношеній; большинства же нашихъ добрыхъ и худыхъ поступковъ, совершающихъ въ семейной, вообще, обыкновенной жизни, судъ и законы совсѣмъ не касаются. Поэтому не только для нравственнаго самоусовершенствованія человѣка, но и для благоденствія народовъ важно, чтобы въ людяхъ съ дѣтства развивалось чувство долга, дающее надлежащее направленіе ихъ дѣятельности, какъ общественной, такъ и частной.

Не отдѣльный какой либо фактъ обезпечиваетъ развитіе нравственнаго чувства, а вся совокупность жизненныхъ условій, если они только благопріятны для этого. Укажемъ, напр., что бесѣда съ дѣтьми и юношами, лишенная, однако, нравоучительнаго тона, о нравственныхъ мотивахъ въ произведеніяхъ искусства развиваетъ и укрѣпляетъ нравственные принципы, учитъ вдумываться въ человѣческіе поступки, понимать всѣ смягчающія и усиливающія вину обстоятельства и вмѣстѣ съ тѣмъ не толкаетъ на ненужное осужденіе своего ближняго. Благоговѣніе и симпатія окружающихъ людей къ лицамъ, выказывающимъ великодушіе и самопожертвованіе, уваженіе окружающихъ къ исполненію долга и отвращеніе при видѣ нарушеннаго долга будутъ въ силу свойственной дѣтямъ подражательности питать и въ нихъ подобныя чувства. Можно и непосредственно вліять на дѣтей, воспитывая въ нихъ чувство долга. Для этого силою любви, авторитета и неуклоннаго требованія должно возлагать на дѣтей посильныя имъ обязанности, выполненіе которыхъ и бу. детъ составлять долгъ для нихъ. Уже маленькія дѣти, въ дошкольный еще періодъ, могутъ нести нѣкоторыя обязанности, напр., могутъ убирать свои или родительскія вещи, приготовлять что либо для родителей, за-

ботиться о больныхъ въ семьѣ и т. д. Можно требовать соблюденія отъ нихъ какого либо порядка, воздержанія отъ чего нибудь и т. д. Такія требованія, предъявляемыя ребенку и поддержанныя словомъ и примѣромъ со стороны всѣхъ членовъ семьи, будутъ развивать въ дѣтяхъ сознаніе ихъ долга. При этомъ, однако, слѣдуетъ зорко наблюдать, чтобы на ребенка не возлагалось заразъ много обязанностей. Тогда, съ неразвитой еще волей, онъ ихъ не будетъ въ состояніи выполнять, отчего явится у него привычка хладнокровно смотрѣть на неисполненныя имъ обязанности, и чувство долга будетъ тупѣть, а не развиваться [1].

Для обсужденія. 1) Найдите въ литературѣ или исторіи примѣръ того, какъ при воспитаніи опускали изъ виду развитіе чувства долга или искажали его?

2) Найдите въ литературѣ примѣры раскаянія и прослѣдите его зарожденіе?

3) Покажите въ литературѣ и въ дѣйствительной жизни примѣры того, какъ недостатокъ въ умственномъ развитіи отражается на отношеніи человѣка къ ближнему?

4) Найдите въ литературѣ и жизни проявленія нравственнаго чувства среди людей безъ образованія.

Эстетическое чувство.

ЕГО СУЩНОСТЬ. Одни сочетанія линій, формъ и красокъ въ виньеткахъ, орнаментахъ, живомъ лицѣ намъ нравятся, другія—нѣтъ, одни сочетанія звуковъ въ пьесѣ намъ доставляютъ удовольствіе, другія со-

[1] 1) Тома: „Воспитаніе чувствъ“, гл. XXV, стр. 232—240, ц. 80 к. 2) Сикорскій, Энц. сем. восп. Вып. 44—46. „Объ умств. и нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей, ц. 60 к. 3) Владиславлевъ: Психологія, ч. I, стр. 575—578. 4) Вл. Соловьевъ: „Оправданіе добра“ Глава третья: „Жалость и альтруизмъ“, стр. 84—109.

четанія звуковъ намъ могутъ быть непріятны. Если намъ покажется, что на данной шляпѣ слишкомъ много украшеній, или мы почувствуемъ, что въ картинѣ, музыкальной пьесѣ или романѣ обращается слишкомъ много вниманія на подробности въ ущербъ главному, это насъ непріятно поражаетъ. Вотъ эти **удовольствія и неудовольствія отъ сочетанія линій, формъ, красокъ, звуковъ или частей между собою и представляютъ эстетическое чувство, понимаемое въ узкомъ смыслѣ этого слова**. Удовольствіе отъ какого нибудь цвѣта есть только пріятное чувство отъ этого ощущенія, но удовольствіе отъ сочетанія нѣсколькихъ цвѣтовъ есть уже эстетическое чувство. Однопвѣтная голубая матерія въ кускѣ можетъ намъ доставить только пріятное чувство отъ ощущенія, а голубой цвѣтъ неба, вызывая въ насъ еще сознаніе величія этого явленія, т. е. сочетаніе пріятнаго ощущенія съ извѣстною идеей, уже возбуждаетъ въ насъ эстетическое чувство.

Въ произведеніяхъ искусства мы получаемъ наслажденіе не только отъ сочетанія красокъ, линій, звуковъ, отъ соразмѣрнаго сочетанія частей цѣлаго произведенія, но къ этому присоединяется также удовольствіе, вызываемое удовлетвореніемъ нашему чувству истины и добра (реальные, идеальные типы въ искусствѣ, смѣхъ сквозь слезы). Созерцая переливы красокъ въ морѣ, красоту сѣвернаго сіянія, мы съ этимъ вмѣстѣ постигаемъ величіе, грандіозность этихъ явленій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ удовольствіе получаетъ характеръ **не просто эстетическаго наслажденія, а высокаго эстетическаго наслажденія**, которое можетъ достигать большого напряженія.

ЗНАЧЕНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКАГО ЧУВСТВА. Ребенокъ уже на первомъ году своей жизни проявляетъ большую радость, напр., при слушаніи извѣстныхъ мотивовъ,

и потомъ уже эстетическое чувство не оставляетъ человѣка во всю его жизнь. Это чувство доступно и дикарямъ, раскрашивающимъ свое тѣло или желающимъ придать головѣ ребенка какую нибудь опредѣленную форму, напр., форму луны. Отсюда ясно, что эстетическое чувство свойственно людямъ во всѣхъ возрастахъ и при всякой культурѣ. Однако, восточные народы любятъ сочетанія болѣе яркихъ красокъ, чѣмъ народы западные; японская живопись мало удовлетворяетъ европейцевъ; особеннымъ достоинствомъ отличаются вышивки въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ губерній, музыкальность особенно развита въ Италіи и Малороссіи; и люди образованные бываютъ несогласны въ оцѣнкѣ одного и того же произведенія искусства. Слѣдовательно, эстетическое чувство у различныхъ людей развито въ разной степени и съ различнымъ характеромъ.

Это въ свою очередь отражается на многихъ сторонахъ духовной жизни человѣка. Съ хорошо развитымъ эстетическимъ чувствомъ человѣкъ находитъ красоты и въ явленіяхъ природы и въ произведеніяхъ искусствъ, что часто доставляетъ ему истинное наслажденіе. Человѣкъ съ неразвитымъ эстетическимъ чувствомъ лишенъ многихъ наслажденій, сравнительно съ человѣкомъ эстетически развитымъ. При этомъ такія наслажденія доступны при совершенно различныхъ жизненныхъ условіяхъ (у Тургенева „Живыя мощи", „Пѣвцы", Леммъ въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ"). Такимъ образомъ, чѣмъ больше развивается эстетическое чувство среди народа, тѣмъ болѣе получаетъ онъ случаевъ для истиннаго наслажденія въ жизни.

Хотя люди, любящіе уединеніе, наслаждаются искусствомъ въ одиночествѣ, но въ общемъ, все прекрасное въ природѣ, въ мірѣ художественномъ, вызывая въ человѣкѣ наслажденіе, побуждаетъ его желать, чтобы

и другіе люди наслаждались этими красотами (музыка, театръ, декламація, экскурсіи). Изъ этого ясно, что эстетическое чувство не только не эгоистично, но поддерживаетъ общеніе между людьми, а это благотворно вліяетъ на каждаго человѣка въ отдѣльности. Человѣкъ эстетически развитой противится всякой грубости и рѣзкости въ словахъ и движеніяхъ, которыя онъ видитъ у другихъ, а затѣмъ и у себя самого. А между нашими движеніями и словами съ одной стороны и душевными движеніями съ другой существуетъ самая тѣсная связь (стр. 97). Сдерживаясь въ движеніяхъ и въ словахъ, мы дисциплинируемъ наши душевные порывы, чѣмъ дѣлаемъ наше общеніе съ окружающими болѣе мягкимъ и болѣе годнымъ для установленія добрыхъ отношеній между людьми.

Высшее эстетическое развитіе, т. е. развитіе эстетическаго чувства, соединеннаго съ чувствомъ истины, добра, благоговѣнія, заставляетъ человѣка вглядываться и вдумываться въ лучшія произведенія искусствъ. Такому человѣку приходится своими мыслями переноситься въ разныя эпохи, въ разныя положенія людей, вслѣдствіе этого его умственный кругозоръ расширяется, и онъ многое понимаетъ, чего не пойметъ человѣкъ, не умѣющій вникать въ идеи искусства. Сверхъ того, такой человѣкъ, чаще восхищаясь правдой и добромъ въ мірѣ искусства, сильнѣе полюбитъ эту правду и добро и будетъ чувствительнѣе относиться къ нарушеніямъ истины и добра въ искусствѣ, а затѣмъ въ окружающихъ его людяхъ и, наконецъ, въ самомъ себѣ. Кромѣ того, музыка и поэзія заставляютъ человѣка испытывать тѣ же чувства, которыя испытываетъ авторъ произведенія. Вслѣдствіе этого, слушая музыку, читая произведенія поэзіи, мы упражняемся въ отзывчивости или, иначе говоря, сердцемъ своимъ становимся мягче. А умъ и чувства наши неминуемо влія-

ютъ и на нашу волю. Во всякой нашей работѣ, во всякой нашей дѣятельности мы будемъ больше стремиться къ красивому, доброму, вѣрному истинѣ и будемъ отдаляться отъ грубыхъ наслажденій и вообще отъ всего грубаго.

Въ эстетическомъ наслажденіи мы не ищемъ никакой для себя выгоды, ни матерьяльной, ни моральной. Мы наслаждаемся цвѣткомъ, пѣніемъ соловья, произведеніемъ искусства только потому, что это намъ пріятно, ни почему больше, и въ этомъ заключается характерная черта эстетическаго наслажденія; Тѣмъ не менѣе развитіе этого чувства, безъ всякихъ нашихъ исканій, благотворно вліяетъ на нравственный строй человѣка, а слѣдовательно, и на нравственный строй цѣлаго народа. Правда, встрѣчаются люди, создающіе высоко эстетическія произведенія и не отличающіеся гармоничностью въ повседневной жизни, а также преданностью истинѣ и добру. Но не будь у нихъ эстетическаго развитія, они, быть можетъ, еще больше бы нарушали требованія истины, добра и гармоніи. Да и эстетическое развитіе, можетъ быть, у нихъ одностороннее. Музыкантъ понимаетъ и любитъ гармонію, т. е. соотвѣтствіе въ звукахъ, но онъ не всегда будетъ чувствителенъ къ другимъ элементамъ художественности: истинѣ и добру. Такъ же точно и рисующій прекрасные ландшафты можетъ быть иногда въ эстетическомъ отношеніи односторонне развитымъ, мало понимать музыку и поэзію.

Воспитатель не долженъ стремиться сдѣлать изъ своего питомца артиста, для этого питомцу нужны дарованія, свойственныя немногимъ людямъ. Но онъ долженъ стремиться сдѣлать его въ эстетическомъ отношеніи всесторонне развитымъ, чтобы дать ему больше шансовъ умножить свои наслажденія прекраснымъ, сдѣлать его болѣе симпатичнымъ для окружаю-

щихъ и болѣе преданнымъ истинѣ, добру и гармоніи, т. е. красотѣ.

Условія для развитія эстетическаго чувства.

Близорукій не видитъ красотъ отдаленнаго ландшафта, нѣкоторыхъ созвѣздій на небѣ; не различающій тонкихъ оттѣнковъ въ краскахъ, не будетъ такъ полно наслаждаться переливами въ нихъ; человѣкъ съ малоразвитымъ слухомъ не замѣчаетъ всѣхъ красотъ въ сочетаніи звуковъ. Слѣдовательно, чѣмъ лучше развиты наши органы ощущеній, главнымъ образомъ зрѣніе и слухъ, тѣмъ болѣе у насъ благопріятныхъ условій для эстетическихъ наслажденій. Поэтому слѣдуетъ заботиться о развитіи нашихъ органовъ ощущеній съ самаго дѣтства.

Безъ упражненія не развивается ни одна изъ нашихъ эмоцій. Слѣдовательно, чтобы ребенокъ съ первыхъ лѣтъ своей жизни могъ упражняться въ эстетическомъ чувствѣ, его должно поставить такъ, чтобы онъ могъ пользоваться міромъ искусствъ. Искусствами мы пользуемся двоякимъ образомъ: пассивно, только наслаждаясь тѣмъ, что даютъ другіе, и активно, сами выполняя произведеніе искусства или даже создавая новыя. Сначала ребенокъ можетъ только пассивно пользоваться искусствомъ. Пусть мать ребенку поетъ или играетъ на какомъ нибудь инструментѣ несложные, не подавляющіе его нервную систему мотивы, а потомъ онъ и самъ можетъ пѣть такіе же простые мотивы. Мать Лермонтова своими прекрасными напѣвами для своего двухлѣтняго сына, безспорно, дала толчекъ его эстетическому развитію. Что касается обученію музыкѣ на какомъ нибудь инструментѣ, то къ этому можно приступить только тогда, когда ребенокъ окрѣпнетъ, чтобы не повредить еще не развившемуся его мозгу, этому главному органу всѣхъ его ощущеній и душевныхъ

проявленій. Если мы въ дошкольный періодъ, еще безъ всякихъ уроковъ, разовьемъ у ребенка слухъ, и научимъ его любить музыку, то значительно облегчимъ занятія музыкой впослѣдствіи и даже сдѣлаемъ ихъ пріятными для него. Вторымъ искусствомъ по времени въ жизни ребенка является поэзія въ видѣ маленькихъ стиховъ и сказокъ. Пусть съ первыхъ лѣтъ дѣтства человѣкъ полюбитъ доступныя ему произведенія родной поэзіи. Разсматриваніе картинокъ, цвѣтные карандаши, краски, вырѣзываніе, лѣпка изъ глины, пѣніе, все это доступно дѣтямъ въ раннемъ возрастѣ. Важно давать ребенку возможность пользоваться всѣмъ этимъ, но по крайней мѣрѣ, до семи лѣтъ не слѣдуетъ возбуждать его искусственно къ такого рода занятіямъ, чтобы преждевременнымъ для ребенка развитіемъ духовныхъ его силъ не надорвать его здоровья и самыхъ этихъ силъ.

Кого любитъ ребенокъ, тому охотно подражаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и безсознательно подражаетъ въ своихъ чувствахъ. Поэтому, если ребенокъ будетъ окруженъ людьми съ эстетическимъ чувствомъ (мать, отецъ, няня), то цвѣты въ полѣ, небо, пѣсня, сказка, карандашъ, все это чрезъ нихъ будетъ привлекать къ себѣ его вниманіе и развивать въ немъ эстетическое чувство. Такая мать безъ уроковъ сумѣетъ дать ребенку хорошій пріемъ въ рисованіи, въ лѣпкѣ. Такимъ образомъ становится яснымъ, какое важное значеніе для развитія эстетическаго чувства заключается въ томъ, чтобы воспитатели ребенка были сами эстетически развитыми людьми. [1])

---

[1]) 1) Тома. „Воспитаніе чувства“, гл. XXIV, стр. 220—231, ц. 80 к. 2) Конр. Ланге: „Художеств. воспитаніе въ дѣтской“, стр. 74. 3) Владиславлевъ: Психологія, т. I, стр. 450—510. 4) Вліяніе искусства въ повѣсти Оржешко: „Моментъ“ (повѣсти и разсказы, II т., стр. 389—434). 5) Прангъ: „Преподаваніе искусства дѣтямъ“ (маленькимъ). Ц. 1 р. 70 к.

Для обсужденія. 1) Какъ развивалось эстетическое чувство въ дѣтствѣ любимыхъ вашихъ поэтовъ?

2) Въ чемъ заключается разница во вліяніи городской и деревенской жизни на эстетическое развитіе ребенка?

3) Какъ вліяли на васъ произведенія поэзіи, которыми вы наслаждались въ дѣтствѣ?

Любовь къ отечеству.

СУЩНОСТЬ ПАТРІОТИЗМА. Чувство это представляетъ собою сложное явленіе. Чтобы вдуматься въ него, надо указать, изъ чего слагается въ данномъ случаѣ понятіе: любовь, и изъ чего — понятіе: отечество. Человѣкъ, любящій свое отечество, патріотъ, обнаруживаетъ рядъ душевныхъ процессовъ альтруистическаго характера по отношенію къ природѣ, окружавшей его дѣтство, къ своимъ соотечественникамъ, къ героямъ ихъ исторіи, и, наконецъ, къ творчеству соотечественниковъ, выразившемуся въ ихъ языкѣ, религіи, поэзіи, философіи и государственныхъ учрежденіяхъ. Все это объекты которые охватываются чувствами патріота. Въ числѣ же душевныхъ процессовъ, входящихъ въ понятіе любовь, главное мѣсто занимаетъ рядъ альтруистическихъ эмоцій: наше сочувствіе соотечественникамъ, благоговѣніе предъ объектами патріотизма, особый родъ самолюбія, страдающій, когда выражается неуваженіе къ этимъ объектамъ, чувство долга къ родинѣ и, наконецъ, чувство благодарности къ ней. Это чувство благодарности, однако, является только у патріота, понимающаго, что каждый человѣкъ получаетъ отъ своихъ соотечественниковъ и ихъ предковъ больше, чѣмъ самъ имъ даетъ; что образованіе, которое получаетъ человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ

обходится государству дороже, чѣмъ вносимая плата за ученіе; что государственныя учрежденія, которыми мы пользуемся, составляютъ плодъ трудовъ не одного, а многихъ поколѣній. Вмѣстѣ съ этими альтруистическими чувствами работаетъ и нашъ умъ, стремящійся всесторонне познать свое отечество и все ему принадлежащее. Сверхъ того, истинный патріотъ не ограничивается лишь обнаруживаніемъ чувствъ и мыслей по отношенію къ своему отечеству, онъ старается и послужить ему своими силами. Правда, не всякій патріотъ проявляетъ всѣ означенные душевные процессы по отношенію къ своему отечеству и не всякій патріотъ распространяетъ свой альтруизмъ на всѣ объекты патріотизма; иной чуждъ благодарности къ своей родинѣ, иной чуждъ ея поэзіи, но патріотъ въ идеальномъ смыслѣ этого понятія долженъ обнаруживать означенные душевные процессы ко всему тому, что составляетъ существенные элементы его отечества.

ЗНАЧЕНІЕ ПАТРІОТИЗМА. Въ древніе вѣка циники и стоики, а въ новые вѣка послѣдователи Руссо († 1778) и другихъ философовъ высказывали мнѣніе, что не слѣдуетъ проявлять къ своимъ соотечественникамъ какого либо предпочтенія, что нужно одинаково любить всѣхъ людей. Руссо доходилъ даже до того, что желалъ изъ всѣхъ лексиконовъ исключить слово — „отечество“. Патріотизмъ, въ силу такого мнѣнія, вызывая часто вражду къ другимъ народамъ, приноситъ людямъ большой вредъ. Человѣкъ, по ихъ ученію, долженъ быть не патріотомъ, а космополитомъ, т. е. гражданиномъ всего міра (космосъ—міръ, политъ—гражданинъ), одинаково относящимся ко всѣмъ людямъ. Въ этомъ ученіи космополитизма привлекательной является проповѣдь любви ко всѣмъ народамъ, и этотъ привлекательный элементъ въ ученіи космополитизма мы должны внести

въ наше міровоззрѣніе. Все же остальное въ этомъ ученіи не можетъ быть нами принято. Чужимъ народамъ непосредственно мы почти не можемъ служить, такъ какъ вслѣдствіе нашего незнанія ихъ языка и ихъ жизненныхъ потребностей, они не примутъ нашихъ услугъ, и мы не будемъ полезны ни имъ, ни родному народу. Служа же благороднымъ стремленіямъ своего народа, а неблагороднымъ не должно и служить, мы приносимъ пользу всему человѣчеству. И въ самомъ дѣлѣ, мать, стремящаяся воспитать хорошихъ гражданъ для своего отечества, даетъ человѣчеству хорошихъ ученыхъ, врачей, писателей и т. д.; стремящаяся воспитать изъ своихъ дочерей хорошихъ женъ и матерей, даетъ человѣчеству дѣятельницъ, которыя въ своихъ семьяхъ поддерживаютъ и развиваютъ хорошія качества въ людяхъ и собою даютъ высокіе примѣры для другихъ народовъ. Купецъ, фабрикантъ, земледѣлецъ, улучшающіе отечественныя производства, временно, можетъ быть, даже наносятъ этимъ вредъ сосѣднимъ народамъ, но эти народы найдутъ потомъ примѣненіе своимъ силамъ, а если продукты отечественнаго производства отъ этого станутъ лучше и дешевле, то это благопріятно отразится на цѣнахъ всѣхъ международныхъ рынковъ, и все человѣчество только выиграетъ отъ этого. Всякій судья, чиновникъ, ревностно служа своей родинѣ, служитъ установленію лучшихъ отношеній между соотечественниками и тѣмъ содѣйствуетъ болѣе успѣшному выполненію народомъ его исторической роли на пользу другимъ народамъ. Пока военное дѣло считается необходимымъ у всѣхъ народовъ, мы, служа его улучшенію въ своемъ отечествѣ, служимъ улучшенію военнаго дѣла у другихъ народовъ, такъ какъ всѣ народы заимствуютъ другъ у друга пріемы военнаго искусства. Нельзя при этомъ забывать, что творцы всемірныхъ произведеній поэзіи, живописи и др.

искусствъ служили всему человѣчеству, служа своей родинѣ; нельзя также забывать, что каждый историческій народъ принесъ или еще принесетъ что-либо полезное для всего человѣчества. Греки дали эстетическое развитіе, римляне — юридическія понятія, нѣмцы—отвлеченную философскую мысль, англичане двинули впередъ точныя науки и міровую торговлю и т. д.

Значеніе для государства патріотизма среди его гражданъ ясно видно изъ исторіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Но и для каждаго отдѣльнаго гражданина имѣетъ значеніе обладать патріотизмомъ. Если его интересъ къ человѣчеству сосредоточивается больше на окружающемъ его народѣ, то этотъ интересъ, не расплываясь на очень многихъ, получаетъ бо̀льшую силу и способенъ вызвать большее самопожертвованіе. Вслѣдствіе этого человѣкъ находитъ интересъ, побужденіе чрезъ служеніе своему народу энергичнѣе думать, чувствовать и дѣйствовать на пользу всего человѣчества. Его жизнь отъ этого становится полнѣе, и всѣ его духовныя силы лучше развиваются. Космополитизмъ въ противоположность этому даетъ большій просторъ, не прилагая усилій на пользу своего народа, никому не служить, ни о комъ не заботиться и тѣмъ не развивать своихъ духовныхъ дарованій.

ВОСПИТАНІЕ ПАТРІОТИЗМА. При естественномъ воспитаніи патріотизмъ до нѣкоторой степени развивается самъ собою. Нашъ характеръ слагается подъ вліяніемъ окружающей насъ природы и подъ вліяніемъ воззрѣній, чувствъ и обычаевъ окружающихъ насъ особенно въ дѣтствѣ. Полюбивъ природу съ дѣтства, мы полюбимъ природу нашей родины. Полюбивъ взгляды, настроенія и обычаи окружающихъ насъ съ дѣтства соотечественниковъ, мы полюбимъ взгляды, настроенія и обычаи родного намъ народа, такъ какъ каждый изъ

близкихъ къ ребенку людей есть представитель своего народа, обладающій многими общими съ нимъ чертами. Но, этого еще мало для развитія патріотизма. Нужно серьезнѣе познакомить ребенка съ природой его отечества, съ исторіей, поэзіей и языкомъ его народа. Если онъ познаетъ и полюбитъ все это, то въ чувствѣ любви къ однимъ и тѣмъ же предметамъ у него и у народа зародится тѣсная связь. Если человѣкъ съ дѣтства привыкнетъ изъ своихъ сбереженій или даже своимъ личнымъ трудомъ (шитье, лѣпка, вытачиваніе) помогать своему народу, какъ бы далеко страждущіе отъ него ни находились, и какъ бы ничтожна ни была эта помощь, онъ привыкнетъ полагать свои силы на пользу своихъ соотечественниковъ, а чрезъ это и на пользу всего человѣчества. Лучшимъ обезпеченьемъ развитія истиннаго патріотизма въ дѣтяхъ служитъ забота, чтобы въ семьѣ и школѣ они были окружены людьми, знающими свое отечество, любящими его и привыкшими по мѣрѣ силъ ему ревностно служить [1]).

Для обсужденія. 1) Въ чемъ проявляетъ заботу о развитіи патріотизма учебная программа вашего учебнаго заведенія?

2) Благопріятныя и неблагопріятныя условія дѣтства для развитія патріотизма у нашихъ поэтовъ: Жуковскаго, Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др.

3) Укажите какія либо произведенія въ поэзіи или живописи, гдѣ представленъ патріотизмъ, и разберите, какія при этомъ проявляются душевныя дѣятельности у героевъ патріотизма и по отношенію къ какимъ объектамъ.

---

[1]) Чтобы лучше углубиться въ смыслъ патріотизма, можно прочесть, кромѣ извѣстнаго разсужденія Карамзина: „О любви къ отечеству", слѣдующія отдѣльныя статьи: 1) „Собранія педагогическихъ Сочиненій". Ушинскаго, статьи: а) „О народности въ общественномъ воспитаніи", стр. 106—116. б) „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи", стр. 217—278; в) „Родное слово" статья, стр. 200—217. 2) Бѣлинскій, VIII т., статья: „Сочиненія Пушкина" начало VIII гл. (Евг. Он.). 3) Тома: „Воспитаніе чувствъ", гл. XVII, стр. 147—157, ц. 80 к, 4) Леббокъ: „Идеалы жизни", стр. 147—201). 5) В. Соловьевъ: „Оправданіе добра", статья: „Національный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія", стр. 359—389.

Религіозное чувство.

СУЩНОСТЬ РЕЛИГІОЗНОСТИ. Религіозность складывается изъ многихъ душевныхъ процессовъ. Въ основѣ религіи культурныхъ народовъ лежитъ чувство вѣры, что весь міръ созданъ и управляется Высшимъ Существомъ, Богомъ. Міръ же этотъ такъ грандіозенъ и прекрасенъ, что у вѣрующаго человѣка является чувство благоговѣнія предъ создавшимъ его Высшимъ Существомъ. Хотя жизнь нѣкоторыхъ людей и представляетъ много горя, независящаго отъ нихъ, но большинство пользуется громаднымъ числомъ удовольствій, связанныхъ съ нашимъ душевнымъ и физическимъ существомъ (наслажденія **удобствами** жизни, природой, искусствами и т. д.). Многіе не хотятъ цѣнить этихъ удовольствій, тѣмъ не менѣе ихъ совокупность заставляетъ вѣрующаго человѣка чувствовать благодарность къ Богу. Постоянное чувство благоговѣнія и чувство благодарности въ свою очередь порождаютъ любовь къ Богу, чувство долга и надежду на его помощь людямъ. Къ этимъ чувствамъ присоединяется еще страхъ, который въ данномъ случаѣ бываетъ или страхомъ предъ наказаніемъ за грѣхи, это страхъ эгоистическаго характера, или страхомъ возвышеннымъ, заставляющимъ насъ бояться нарушать волю Божію, страшиться одного сознанія невыполненія своихъ обязанностей предъ Нимъ. Хотя страхъ эгоистическаго характера могъ быть вначалѣ возбудителемъ религіознаго чувства у народа, но при развитіи культуры онъ ужъ не играетъ главной роли въ религіозности, такъ какъ мы обыкновенно стремимся удалиться отъ предмета, насъ устращающаго, а человѣкъ, преданный ре-

лигіи, напротивъ того, стремится къ единенію съ Богомъ.

Религіозность зиждется не только на чувствахъ, но и на работѣ ума. Насколько можемъ, мы познаемъ Бога, мы знаемъ заповѣди, догматы и исторію нашей религіи. Чувства и умъ вызываютъ у насъ и дѣятельность воли. Она проявляется въ стремленіи выполнять предписанія религіи, а также въ нашей молитвѣ и въ выполненіи религіозныхъ обрядовъ.

Религіозность удерживаетъ людей отъ дурныхъ поступковъ, а въ горѣ поддерживаетъ ихъ надеждой на милость Божію. Однако, истинно религіозные люди проповѣдуютъ свою вѣру въ Бога не ради выгодъ, проистекающихъ отъ религіозности; они стремятся насадить въ людяхъ свою вѣру ради прославленія Бога и ради распространенія, съ ихъ точки зрѣнія, истинной вѣры въ Него.

ВОСПИТАНІЕ РЕЛИГІОЗНОСТИ. Еще Плутархъ въ древности († 120 по Р. Х.) писалъ: „Обойди лицо земли, и ты найдешь города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиноначалія, увидишь людей безъ постоянныхъ жилищъ, не знающихъ употребленія монетъ, не имѣющихъ понятій объ изящныхъ искусствахъ, но ты не найдешь ни одного человѣческаго общества безъ вѣры въ Божество“. Современные намъ этнографы свидѣтельствуютъ, что какъ только народъ хоть нѣсколько разовьетъ свою духовную жизнь, такъ тотчасъ же является у него религія. Отдѣльныя лица, объявляющія себя невѣрующими, нерѣдко въ минуту жизненной невзгоды обращаются съ молитвой къ Богу; значитъ, у такихъ людей есть основа вѣры, не сознаваемая ими. Изъ всего этого ясно, что человѣку естественно быть религіознымъ; если же и встрѣчаются люди, на самомъ дѣлѣ не вѣрующіе въ Бога, то такихъ людей нужно признать исключеніями среди человѣчества; это нѣко-

тораго рода аномаліи. Вслѣдствіе этого понятно, что родители желаютъ дать дѣтямъ религіозное воспитаніе, и педагогика должна указать время и пріемы такого воспитанія.

Разборъ основныхъ элементовъ религіозности показываетъ, что главнымъ элементомъ въ ней являются чувства, а не умъ или воля. Чувства же доступны дѣтямъ, слѣдовательно, имъ не чужды эти главные элементы религіозности. Если же чувства не развиваются съ дѣтства, трудно достичь впослѣдствіи ихъ надлежащаго развитія. Но кромѣ этихъ теоретическихъ соображеній для развитія религіозности съ самаго дѣтства, особое значеніе для христіанъ имѣетъ примѣръ Спасителя, Который не отстранялъ, а допускалъ къ себѣ дѣтей и благословлялъ ихъ.

Такъ какъ чувства доступны дѣтямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ главную основу религіозности, то на ихъ развитіе и слѣдуетъ обратить вниманіе съ самаго дѣтства. Если мы вселимъ ребенку любовь, уваженіе и благодарность по отношенію къ окружающимъ его, то этимъ самымъ мы разовьемъ въ немъ эти чувства и сдѣлаемъ его способнымъ направлять ихъ потомъ и къ Богу. Наряду съ этимъ, если ребенокъ будетъ видѣть съ нашей стороны проявленіе искреннихъ чувствъ къ Богу, то и у него само собою явятся эти чувства въ силу свойственной дѣтямъ подражательности. Подражательность эта обнаруживается, однако, лишь тогда, когда дѣти видятъ искреннія чувства, а не слова только, и проявляется она съ большею силою, когда дѣти любятъ и уважаютъ окружающихъ ихъ людей, преданныхъ религіи.

Такъ какъ для религіи нужно и знаніе ея основныхъ положеній, а чувства, при освѣщеніи ихъ работой ума, получаютъ болѣе вѣрное направленіе, то необходимо сообщать ребенку основныя истины его религіи.

Указавъ ребенку христіанину на то, что все сотворено Богомъ, что въ мірозданіи обнаруживается Его величіе, мы должны перейти прямо къ Новому Завѣту. Въ дошкольный періодъ нельзя еще ребенка знакомить со всей Священной Исторіей, это ему не по силамъ, это можетъ охладить его религіозныя чувства. Рекомендуютъ изъ Священной Исторіи выбирать сначала только тѣ событія, въ память которыхъ установлены двунадесятые праздники, что охватитъ главнѣйшія событія изъ жизни Спасителя и Божьей Матери. Къ этому можно присоединить и краткія молитвы, посвященныя праздникамъ: „Хростосъ рождается"... „Христосъ воскресе" и др. Все это даетъ ребенку сознательность при посѣщеніи имъ храма въ праздники.

Нельзя оставлять въ пренебреженіи и волевой элементъ въ религіозномъ воспитаніи. Если у ребенка будутъ соотвѣтствующія чувства, то онъ охотно, вмѣстѣ съ старшими, будетъ выполнять и установленные религіозные обряды, напримѣръ, крестное знаменіе и земные поклоны. Ему нужно помочь научиться правильно молиться. Родители и воспитатели должны не только смотрѣть, благоговѣйно ли совершается молитва, а должны сами принимать въ ней участіе; тогда и дѣти будутъ чувствовать, что молитва не есть требованіе, исключительно касающееся ихъ, и въ силу своей естественной подражательности будутъ испытывать тѣ же чувства, что испытываютъ и взрослые. Кромѣ домашней молитвы, дѣти должны участвовать и въ молитвѣ, совершаемой въ храмахъ. Во время богослуженія бываютъ моменты, когда всѣ молящіеся отдаются высокому религіозному чувству, и это вызываетъ въ дѣтяхъ такое же чувство... Правда, они не могутъ долго ему отдаваться уже вслѣдствіе свойственной имъ подвижности, но мы знаемъ, что въ силу работы нашей памяти всякій даже самый краткій моментъ религіознаго воодушевленія оста-

вляетъ въ насъ слѣдъ, который облегчаетъ повтореніе того же одушевленія. Богослуженіе, благоговѣйно совершаемое, можетъ произвести на ребенкаглубокое впечатлѣніе. Однако, родители должны сообразоваться съ физическими и духовными силами дѣтей, чтобы не вызвать у нихъ враждебности къ посѣщенію церковныхъ службъ.

Воспитывая въ религіозномъ отношеніи и чувства, и умъ и волю ребенка, мы обезпечиваемъ его отъ религіозной односторонности и отъ уродливыхъ формъ, въ которыя часто впадаютъ люди [1]).

Для обсужденія. Религіозныя чувства, мысли и воля Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева?

ВОЛЯ.

СУЩНОСТЬ ВОЛЕВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. Всѣ мы стремимся чего нибудь достигнуть, что нибудь сдѣлать, для чего и совершаемъ разнаго рода движенія: руками, ногами, аппаратомъ рѣчи; чтобы достигнуть извѣстной цѣли, мы подбираемъ мысли и располагаемъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, вызываемъ въ себѣ также то или другое чувство, нужное для даннаго момента. Съ другой стороны, даже маленькій ребенокъ нерѣдко удерживается отъ какого нибудь слова, движенія руки, въ лицѣ, чтобы не вызвать у

---

[1]) 1) Каптеревъ: Энц. сем. восп. вып. 27: „Значеніе христіанства въ постановкѣ первоначальнаго воспитанія и христіанскія теоріи“, ц. 30 к.; 2) Прот. Маляревскій: „Религіозное воспитаніе въ семьѣ“, Энц. сем. восп., вып. 18, ц. 25 к.; 3) Манасеиной: „Основы воспитанія“, т. I, ц. 1 р. 50 к., стр. 20—147; 4) Вл. Соловьевъ: „Оправданіе добра“. Глава 4, „Религіозность въ нравственности“, стр. 110—130.

другихъ непріятнаго чувства. **Всякое стремленіе чего нибудь достичь или что нибудь предотвратить есть душевная дѣятельность, называемая волей.** Когда подносятъ какой либо предметъ близко къ глазу, мы невельно мигаемъ; мы невольно, прежде чѣмъ подумаемъ даже, отрываемъ руку отъ колющаго насъ предмета; такія движенія, совершающіяся безъ нашего сознанія и участія воли, называются рефлективными. Но движеніе рукой, напримѣръ, чтобы отдалить чернильницу отъ края стола, вообще всякія движенія, сознательно нами совершаемыя ради какой либо цѣли, уже обнаруживаютъ душевную дѣятельность, а именно, волевую, которая и предшествуетъ этимъ движеніямъ.

ИНСТИНКТЫ. Но бываютъ и другого еще рода движенія. Знаменитый Кювье видѣлъ въ Парижскомъ музеѣ, какъ бобръ, живущій въ клѣткѣ, совершенно безцѣльно, но весьма искусно строилъ себѣ плотину; бобры, выросшіе безъ всякаго соприкосновенія съ другими бобрами, которые могли бы ихъ чему нибудь научить, готовятъ себѣ жилища на зиму, которой еще они никогда не видали; точно также канарейки, выросшія совершенно отдѣльно отъ себѣ подобныхъ, вьютъ себѣ гнѣзда, вполнѣ приспособленныя для ихъ будущихъ нуждъ. Такія **движенія, которыя прирождены живымъ существамъ, въ общемъ обезпечиваютъ имъ возможность жить, но совершаются ими безъ обдуманной цѣли, какъ бы невольно, называются инстинктивными.** Такія движенія проявляются въ жизни человѣка. Ребенокъ, тотчасъ послѣ рожденія, обнаруживаетъ при голодѣ сложныя сосательныя движенія. Когда мы поскользнемся, то совершаемъ разныя движенія, чтобы не упасть, однако, ихъ цѣлесообразность можетъ быть ясна только послѣ ихъ совершенія. Неся тяжелое ведро, человѣкъ наклоняется въ сторону, противоположную ведру, но только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаетъ это предумышленно и отдаетъ

себѣ въ этомъ отчетъ. Значитъ, проявленіямъ инстинктовъ могутъ только сопутствовать сознательная и волевая дѣятельность, но не обусловливать ихъ [1]).

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ ВОЛИ, ЧУВСТВЪ И УМА. Когда какой либо ландшафтъ доставляетъ намъ удовольствіе, мы идемъ, т. е. стремимся къ нему; любовь къ родинѣ побуждаетъ насъ работать на ея пользу. Въ этихъ случаяхъ мы видимъ, что чувства вызываютъ у насъ волевую дѣятельность. Работа ума показываетъ намъ, что то или другое дѣло намъ выгодно, т. е. показываетъ, къ чему и какъ намъ стремиться, иначе говоря, наша волевая дѣятельность зависитъ и отъ работы ума. Можно наблюдать, однако, и обратное вліяніе, т. е. воздѣйствіе воли на наши чувства и умъ. Если мы прилагаемъ старанье, т. е. проявляемъ волевую дѣятелоность, чтобы вышить что нибудь, выточить вещицу изъ дерева, мы будемъ любить результатъ нашихъ усилій, и чѣмъ больше полагается усилій для какого либо предмета, тѣмъ больше любви къ себѣ вызываетъ онъ въ насъ. Если мы заставимъ себя работать, думать надъ чѣмъ нибудь въ соотвѣтствіи съ нашими силами, безъ утомленія, то предметъ нашихъ думъ: наука, искусство, человѣкъ, становятся намъ дороги. Такимъ образомъ вполнѣ выясняется, что если чувства и мысли вліяютъ на нашу волю, то и воля, въ свою очередь, вліяетъ на наши чувства и мысли.

ВНИМАНІЕ И РАЗСѢЯННОСТЬ. Мы знаемъ, что никакое ощущеніе невозможно безъ акта вниманія (стр. 16). Мысли и чувства требуютъ тоже сосредоточенія на чемъ нибудь, т. е. вниманія. Такъ какъ во вниманіи есть всегда стремленіе охватить мысль или вообще предметъ, углубиться, удержать въ своемъ сознаніи, то вниманіе обыкновенно и относится къ дѣятельности воли.

---

[1]) 1) Фонсегривъ: „Элементы психологіи“, ц. 1 р., стр. 153 — 159. 2) Ушинскій: „Антропологія“, ч. I, стр. 108—147.

Вниманіе въ большинствѣ случаевъ вызывается предметами на насъ сильно вліяющими: шумъ, свѣтъ, новизна разсказа или впечатлѣнія вообще; такое вниманіе называется **непроизвольнымъ, пассивнымъ или внѣшнимъ**, такъ какъ возникаетъ отъ причины, внѣ насъ лежащей. Иной же разъ мы сами дѣлаемъ усиліе, чтобы быть внимательными, и сосредоточиваемся на предметахъ, которые насъ совсѣмъ не интересуютъ. Такое вниманіе, сознательно вызванное нами, называется **произвольнымъ, активнымъ или внутреннимъ.**

Что касается перваго вида вниманія, непроизвольнаго, то имъ обладаетъ каждый человѣкъ, даже самый разсѣянный, но у нѣкоторыхъ лицъ вниманіе это очень быстро переходитъ съ предмета на предметъ, и тогда такіе люди съ большимъ трудомъ углубляются въ предметъ и представляютъ собою проявленіе разсѣянности. Такая разсѣянность можетъ происходить отъ разныхъ причинъ, безъ знанія которыхъ нельзя успѣшно съ ней бороться. Причины эти лежатъ отчасти въ организмѣ человѣка, отчасти въ даваемомъ ему воспитаніи. Такъ, когда человѣкъ напрягаетъ свое вниманіе, чтобы окончить какое нибудь дѣло, напримѣръ, задачу, и окончитъ свою работу, то совершенно безсознательно глубоко вздохнетъ. Это одно уже показываетъ, что при процессѣ вниманія дыханіе наше задерживается, и при первой возможности мы пополняемъ нядостающій намъ притокъ воздуха. Поэтому если у человѣка дыханіе само по себѣ затруднено, напримѣръ, хроническимъ насморкомъ, то при процессѣ вниманія, онъ подвергается заразъ двумъ препятствіямъ правильно дышать. Отъ насморка въ данный моментъ онъ отдѣлаться не можетъ, и потому ему ничего не остается другого, какъ ослабить свое вниманіе. Дѣти, страдающія хроническимъ насморкомъ, часто замѣтны въ толпѣ: они держатъ ротъ полуоткрытымъ; въ классѣ же, хотя и смирно

сидятъ, но ослабляя часто свое вниманіе, не схватывають нити разсказа, по вульгарному выраженію, сидятъ разиня ротъ. Второю причиною разсѣянности является утомленіе организма, усталость; наконецъ, третья—повышенная дѣятельность нервной системы. При такой повышенной дѣятельности нервной системы, не только всякій разговоръ, но даже шорохъ сильно вліяютъ на ребенка, отрывая его отъ предмета, привлекавшаго его вниманіе; такой ребенокъ не можетъ спокойно посидѣть на мѣстѣ. Общая гигіена при воспитаніи и возрастъ ослабляютъ эту излишнюю подвижность пассивнаго вниманія. Кромѣ этихъ причинъ разсѣянности, лежащихъ въ нашемъ организмѣ, есть причина разсѣянности, зависящая отъ условій воспитанія. Если ребенокъ получаетъ слишкомъ большую смѣну впечатлѣній отъ игрушекъ, развлеченій, книгъ, то онъ привыкаетъ скакать съ предмета на предметъ. Поэтому, когда мы видимъ, что ребенокъ занятъ какой нибудь игрой, мы не должны нашими ласками или совѣтами отвлекать его отъ того, на чемъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе. Въ противномъ случаѣ ребенокъ все время будетъ ждать новыхъ впечатлѣній, возникающихъ извнѣ. Чтобы ребенокъ не пріучался постоянно перескакивать своимъ вниманіемъ съ предмета на предметъ, очень полезно возбуждать въ немъ новые интересы къ предмету, которымъ онъ перестаетъ уже интересоваться. Такъ напримѣръ, если вы даете ребенку строить домикъ изъ картъ, покажите ему только одинъ пріемъ для этого; если онъ самъ додумается до другого, онъ его, навѣрное, полюбитъ и долго имъ будетъ интересоваться; если же онъ самъ до него не додумается, то покажите ему новый пріемъ, но только тогда, когда первый ему уже наскучитъ, и ребенокъ еще долго будетъ сосредоточиваться на постройкѣ домиковъ изъ

картъ. Вотъ главныя условія для предупрежденія разсѣянности.

Однако, каждое серьезное дѣло, напримѣръ, изученіе литературы, музыки, коммерческое дѣло, воспитаніе дѣтей и т. д. требуетъ отъ насъ и неинтересныхъ часовъ работы. Человѣкъ, неумѣющій заставлять себя быть внимательнымъ къ нужному предмету, недостигаетъ серьезныхъ результатовъ въ своей дѣятельности, онъ является рабомъ окружающихъ обстоятельствъ, не будетъ внимателенъ къ борьбѣ со своими привычками и потому не выучится владѣть собой. Во избѣжаніе этихъ пагубныхъ для человѣка и общества недостатковъ, слѣдуетъ развивать въ дѣтяхъ активное вниманіе. Развивается оно въ учебномъ дѣлѣ. Здѣсь учащимся часто приходится заставлять себя быть внимательными къ тому, что совсѣмъ не интересуетъ ихъ, и тѣмъ упражнять и развивать свое активное вниманіе. Такъ какъ постоянно напрягать свое активное вниманіе человѣку тяжело, то учитель долженъ облегчать дѣтямъ ихъ занятія, стараясь и заинтересовывать ихъ своимъ предметомъ. Интересъ къ учебному предмету обезпечиваетъ успѣхи въ немъ, такъ какъ остается надолго въ сознаніи только то, что насъ заинтересовало; по неинтересному человѣкъ стремится только скользнуть. Но если учитель будетъ изъ своего предмета выбирать одно интересное для дѣтей, то своимъ преподаваніемъ онъ не будетъ содѣйствовать ни развитію въ нихъ способности къ труду, ни умѣнію управлять собою. Во всякомъ случаѣ, нужно различать два вида разсѣянности: человѣкъ ни на чемъ не можетъ сосредоточиться, и другой видъ: человѣкъ не замѣчаетъ, что дѣлается вокругъ него, кто его зоветъ; онъ вполнѣ отдается интересующей его идеѣ. Есть много анекдотовъ объ ученыхъ, которые вслѣдствіе такой разсѣянности оказывались въ смѣшномъ положеніи. Послѣдній видъ раз-

сѣянности, если только не принимаетъ болѣзненнаго характера (idée fixe), еще не представляетъ изъ себя ничего устрашающаго [1]).

Для обсужденія. 1) Когда вы смотрите на сцену, какое вниманіе проявляется у васъ, и могутъ ли проявляться оба вида его?

2) Почему активное вниманіе считается мѣриломъ умѣнія управлять собой?

ПРИВЫЧКИ. При первыхъ урокахъ письма ребенокъ прикладываетъ большое стараніе, чтобы держать тремя пальцами перо такъ, какъ отъ него требуютъ того старшіе; потомъ отъ упражненія онъ все легче и легче правильно беретъ перо въ руки и наконецъ не нуждается для этого ни въ усиліи, ни даже въ сознаніи. Такія дѣйствія, которыя отъ частаго повторенія требуютъ отъ насъ уже очень малаго усилія или совершаются даже совсѣмъ безъ участія воли, называются **привычками**. Привычки распространяются на большинство нашихъ дѣйствій въ повседневной жизни: манера ходить, сидѣть, кланяться, читать, играть на роялѣ, работать въ области мастерства и т. д. Если мы нѣсколько разъ произнесемъ какую-нибудь поговорку, она будетъ очень легко припоминаться; если часто будемъ рѣшать однородныя математическія задачи, часто будемъ поддаваться одному и тому же чувству, напр., гнѣву, страху, симпатіи, часто будемъ настаивать на своемъ желаніи, будемъ упрямиться, то всѣ такіе психическіе акты станутъ очень легко возбуждаться вновь, сдѣлаются намъ привычными. Такимъ образомъ мы видимъ, что привычки усваиваются не только нашимъ организмомъ, но и нашей душевной

[1]) 1) Ушинскій: „Антропологія“, т. I, стр. 200—237; 2) „Болѣзненныя состоянія вниманія“ въ книгѣ Рибо: „Психологія вниманія“, стр. 61—87, ц. 30 к.; 3) Джемсъ: „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“. Перев. Ивановскаго, стр. 82—94.

дѣятельностью. Они вліяютъ на нашъ умъ, на нравственное чувство и на наши дѣйствія.

Упражняясь въ какомъ-нибудь искусствѣ, мы ожидаемъ отъ этого успѣха, такъ какъ сила привычки будетъ облегчать намъ это дѣло. То же самое мы видимъ и во всякомъ ремеслѣ и во всякомъ дѣлѣ. Безъ пріобрѣтенія полезныхъ привычекъ нельзя бы было ожидать большихъ улучшеній въ человѣческой дѣятельности. Безъ привычки мы бы должны были рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ поклониться знакомому лицу и какъ поклониться, какъ сѣсть, какъ взять ложку, вилку, и т. д. По англійской пословицѣ, „человѣкъ есть связь привычекъ". Признавая, однако, всю важность привычекъ, мы должны дать воспитывающемуся человѣку умѣніе не быть ихъ рабомъ, дать способность бороться съ вредными привычками и пріобрѣтать полезныя. Иначе, человѣкъ будетъ во всемъ дѣйствовать по привычкѣ, не разбирая, насколько она полезна въ данномъ случаѣ. Такіе люди называются рутинерами. Развитіе умственной дѣятельности и умѣніе владѣть собою не дадутъ воспитаннику впасть въ такое рутинерство.

Привычки утверждаются у насъ вслѣдствіе того, что всѣ наши движенія и всѣ душевные процессы запоминаются различными видами памяти, больше всего мускульной. Поэтому для насажденія какой-либо привычки, для запоминанія движенія нужно стараться, чтобы ребенокъ какъ можно чаще производилъ желаемое дѣйствіе, а для искорененія нежелательной привычки нужно, чтобы обстановка, какъ можно, меньше давала поводовъ къ повторенію неподходящаго дѣйствія. Привычка сильнѣе даваемаго ребенку наставленія, поэтому не только требуйте, чтобы ребенокъ не игралъ карандашемъ во время урока, но уберите этотъ карандашъ; чтобы ребенокъ не укрѣпился въ привычкѣ

курить, не соблазняйте его повсюду лежащими папиросами. Если родители и воспитатели будутъ строги къ себѣ въ усвоеніи полезныхъ привычекъ и искорененіи дурныхъ, то это обезпечитъ многое хорошое въ ребенкѣ въ силу свойственной ему подражательности. Разъясненія и убѣжденія могутъ тоже помочь воспитателю: онъ тогда въ самомъ ребенкѣ найдетъ поддержку для борьбы съ дурными привычками и для насажденія хорошихъ, но только чѣмъ ребенокъ меньше, тѣмъ слабѣе на него вліяютъ убѣжденія. Они окажутъ болѣе сильное вліяніе тогда, когда у человѣка разовьются умъ и самообладаніе [1]).

Для обсужденія. 1) Не боролись ли вы съ какими-нибудь собственными привычками и какъ?

2) Какія привычныя дѣйствія изображаются въ нашей литературѣ („Шинель")?

СИЛА ВОЛИ. Мы называемъ человѣкомъ съ сильной волей того, кто обладаетъ убѣжденіями или обдуманными правилами для своей дѣятельности, и самыя дѣйствія котораго при этомъ согласуются съ его убѣжденіями или выработанными правилами. Иначе говоря, **сила воли есть согласіе между дѣятельностью и убѣжденіями человѣка.** Выраженіе: „сила воли" часто замѣняется словомъ „характеръ". Отъ силы воли нужно отличать понятіе: упрямство. Упрямый человѣкъ, напр., Гордѣй Торцовъ въ комедіи Островскаго: „Бѣдность не порокъ", настаиваетъ не на своихъ убѣжденіяхъ, а на своемъ желаніи; онъ чувствуетъ, что неправъ, но ему легче настаивать на своемъ, чѣмъ уступить и этимъ признать свою неправоту. Онъ не идетъ по правильному пути, а избираетъ болѣе легкое для себя; здѣсь

---

[1]) 1) Ельницкій: „Привычки, ихъ значеніе и воспитаніе", Энц. Сел. восп., вып. 10, ц. 30 к.; 2) Джемсъ: „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями" перев. Ивановскаго; стр. 51—64; 3) Ушинскій: „Антропологія", ч. I, стр. 108—154.

проявляется не сила, а слабость, недостаточность воли. Упрямый человѣкъ похожъ на человѣка съ сильной волей только тѣмъ, что, какъ и тотъ, выказываетъ энергію, борьбу, но борьба эта кратковременна и направляется она не на благо окружающимъ.

Люди съ большой силой воли (Петръ Великій, Ломоносовъ) обладаютъ широкими и глубокими убѣжденіями или правилами для своей дѣятельности и для осуществленія ихъ обладаютъ также и большей энергіей. Ихъ широкія идеи часто бываютъ недоступны для другихъ, и потому осуществленіе этихъ идей требуетъ борьбы съ окружающими [1]). Чувства и желанія человѣка съ силой воли часто не согласуются съ его собственными принципами (Макбетъ, Андрій Бульба), и потому такой человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ самимъ собою. Такая борьба ради идеи съ самимъ собою или окружающими можетъ окончиться побѣдой или пораженіемъ, но во всякомъ случаѣ человѣкъ, падаетъ ли, возвышается ли нравственно, обнаруживая такую борьбу, выказываетъ характеръ, который называется трагическимъ (Родриго у Корнеля). Люди такого типа въ обыкновенной жизни встрѣчаются рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ замѣчаются другіе три типа людей по силѣ воли. 2) Есть убѣжденія и широкіе взгляды, но нѣтъ соотвѣтствующей дѣятельности (Онѣгинъ, Печоринъ, Обломовъ), 3) обнаруживается живая дѣятельность, а убѣжденія и взгляды узки и ничтожны (Чичиковъ, Тарасъ Бульба) и 4) взгляды и убѣжденія ничтожны, и ничтожна дѣятельность (Афанасій Ивановичъ, родители Обломова). Изъ такихъ четырехъ типовъ самымъ желательнымъ, конечно является пер-

---

[1]) Кард. Ришелье говаривалъ: „я долго размышляю, прежде чѣмъ остановиться на какомъ-нибудь рѣшеніи, но разъ рѣшившись, я иду прямо къ цѣли, я все скашиваю, что стоитъ мнѣ на дорогѣ, и я все покрываю своей красной тогой“.

вый типъ, т. е. человѣкъ съ широкими и глубокими убѣжденіями или принципами, и съ широкой соотвѣтствующей имъ дѣятельностью. Чтобы воспитать такого дѣятеля намъ нужно обратить вниманіе какъ на образованіе у человѣка убѣжденій, такъ и на развитіе въ немъ соотвѣтствующей дѣятельности.

РАЗВИТІЕ СИЛЫ ВОЛИ. Мы видимъ уже у маленькихъ дѣтей, что одни изъ нихъ легко понимаютъ, что имъ говорятъ, другія съ трудомъ, одни дѣти охотно размышляютъ, другія нѣтъ. Энергія и легкость въ мышленіи не могутъ не влiять на наши взгляды и убѣжденія. Вслѣдствіе этого нужно признать, что наши взгляды въ сильной степени зависятъ отъ природныхъ дарованій. Однако, встрѣчаются люди, даровитые отъ природы, но направившіе всю свою умственную дѣятельность на ничтожные предметы; они работаютъ умомъ очень мало или въ сферѣ не высокихъ идей (Обломовъ, Чичиковъ); и встрѣчаются другіе люди, которые отъ природы хотя и не такъ даровиты, но стараются постоянно работать умомъ и выбираютъ для этого серьезный матерьялъ (Штольцъ, Лежневъ). Такіе люди на благо дѣлу пользуются всѣмъ своимъ природнымъ достояніемъ. Этому желательному явленію можетъ много содѣйствовать обученіе. Хорошо поставленное, оно заинтересуетъ учащагося серьезными предметами обсужденія, научитъ его наблюдать, анализировать, синтезировать, работать индуктивнымъ и дедуктивнымъ пріемами мышленія. Привычка вдумываться, а сверхъ того и сообщеніе правильныхъ идей могутъ сыграть свою роль и подготовить хорошаго работника въ области мысли; сюда же относится и вліяніе разумнаго чтенія. Если же ребенокъ усвоитъ себѣ привычку умственно скользить по переживаемымъ впечатлѣніямъ, то вся его умственная дѣятельность не разовьетъ желательной глубины. Еще сильнѣе обученія и чтенія дѣй-

ствуетъ на человѣка окружающая его среда. Здѣсь вліяетъ не только наша склонность подражать окружающимъ насъ, но эти послѣдніе своими разсказами и вопросами, обращенными къ намъ, даютъ нашей мысли серьезное или несерьезное направленіе. Заботой о хорошемъ обученіи, о правильныхъ пріемахъ въ чтеніи и объ окружающей ребенка средѣ мы поставимъ его въ такія условія, при которыхъ онъ не зароетъ, а разовьетъ данный ему отъ природы умъ и создастъ себѣ широкіе и глубокіе взгляды и убѣжденія.

Чтобы человѣкъ могъ осуществлять свои идеи, ему необходима энергія (Штольцъ, а не Обломовъ). У новорожденныхъ дѣтей уже замѣтна различная степень развитія мускулатуры, и если мускулы у ребенка слабы, и не будетъ на это обращено должнаго вниманія, то по всему вѣроятію, изъ него выйдетъ человѣкъ, несклонный къ движеніямъ и слабый по организму. Слабый же человѣкъ легко утомляется, какъ отъ физической, такъ и душевной работы; онъ не можетъ полагаться на свои силы и рѣдко обнаруживаетъ ровную и долговременную работоспособность. Разумное физическое воспитаніе (гигіеническая обстановка, подвижныя игры) оказываетъ большое вліяніе на развитіе энергіи въ ребенкѣ. Но не однимъ физическимъ воспитаніемъ обусловливается въ человѣкѣ энергія. Ребенокъ, часто скучающій, не пріученный къ выполненію своихъ обязаностей, не принужденный даже заботиться о себѣ самомъ, не развиваетъ своей волевой дѣятельности и легко дѣлается лѣнивымъ ученикомъ въ школѣ, лѣнивымъ гражданиномъ въ своемъ отечествѣ (Обломовъ). Поэтому на обязанности воспитателя лежитъ забота о томъ, чтобы ребенокъ всегда былъ чѣмъ нибудь занятъ: игрою, интереснымъ разговоромъ или выполненіемъ своихъ обязанностей. Трудъ важенъ потому, что приноситъ людямъ матеріальныя выгоды,

но онъ важенъ еще и по другому. Безъ упражненія наши мускулы слабѣютъ, слабѣютъ и душевныя дѣятельности: ощущенія, умъ, чувство и воля. Поэтому трудъ очень цѣненъ въ силу того, что поддерживаетъ въ трудящемся развитіе его физическихъ и духовныхъ силъ. Результаты труда можно купить, его же благотворное вліяніе на трудящагося нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги. Привычка къ работѣ должна поддерживаться еще всестороннимъ развитіемъ ума, дающимъ интересъ ко всему окружающему, и добрымъ чувствомъ къ ближнему. Это будетъ побуждать человѣка къ дѣятельности. Чтобы человѣкъ пользовался своими силами, нужна ему увѣренность въ нихъ. Для этого слѣдуетъ ребенка предоставлять самому себѣ, гдѣ нѣтъ въ томъ опасности. Пусть дѣти, гдѣ можно, сами заботятся о себѣ. Это развиваетъ въ нихъ съ одной стороны осторожность, а съ другой—рѣшительность и увѣренность въ себѣ. Вѣра въ свои силы даетъ человѣку энергію въ работѣ. Но какъ только замѣчается, что ребенокъ злоупотребляетъ этимъ, нужно ограничить его свободу. Такимъ образомъ онъ мало по малу пріучится пользоваться свободой безъ вреда и на пользу себѣ и другимъ.

Развитію силы воли содѣйствуетъ и требованіе послушанія [1]).

Для обсужденія. Покажите въ произведеніяхъ поэзіи людей, различающихся по силѣ воли.

ПОСЛУШАНІЕ. Встрѣчаются люди и энергичные, но

---

[1]) Ушинскій: „Трудъ и его психологическое значеніе" („Антропологія, ч. I стр. 497—515 или въ его „Собр. пед. статей"); 2) Виреніусъ: „Трудъ съ точки зрѣнія санитарной и этической", ц. 50 к. стр. 112; 3) Гильти: „Счастье" ц. 50 к. 4) Лазурскій: „О развитіи воли и характера у дѣтей". (Энц. Сем. восп., вып. 51, ц. 40 к.); 5) Арменъ Рено: „Героизмъ и герой", ц. 1 р. стр. 271. 6) Адлеръ: „О нравственномъ воспитаніи". ц. 35 к. „Воспитаніе обязанностей", стр. 100—146.

энергія ихъ осуществляетъ не то, что диктуетъ имъ ихъ разумъ. Они не умѣютъ подчинить свои дѣйствія указаніямъ разума (Рудинъ; Шубинъ въ „Наканунѣ“ Тургенева). Во избѣжаніе такого безволія, слѣдуетъ требовать отъ дѣтей строгаго послушанія. Если ребенокъ выучится подчинять свои дѣйствія извѣстнымъ правиламъ, установленнымъ старшими, то этимъ выучится подчинять впослѣдствіи свои дѣйствія правиламъ, продиктованнымъ его собственнымъ разумомъ. Послушаніе имѣетъ, однако, такое благотворное вліяніе только тогда, когда ребенокъ уважаетъ лицъ, предписывающихъ ему правила, иначе, послушаніе, поддерживаемое только страхомъ наказанія, убиваетъ личность ребенка и не готовитъ изъ него человѣка, который могъ бы бороться за свои убѣжденія. Ребенокъ часто и не понимаетъ разумнаго основанія для требуемаго отъ него, но если это требованіе выполнимо для него, неизмѣнчиво и поставлено людьми, которыхъ онъ любитъ и уважаетъ, то уважать будетъ онъ и самое требованіе. Если требованія, предъявляемыя ребенку, отличаются вышеуказанными качествами, особенно если они выполняются и старшими, то дѣти въ общемъ имъ легко подчиняются и въ силу подражательности и въ силу любви и уваженія къ старшимъ.

НАКАЗАНІЯ. Однако, бываютъ дѣти, которыя вслѣдствіе унаслѣдованныхъ дурныхъ качествъ **трудны въ воспитательномъ отношеніи**. Кромѣ того, взрослые часто сами впадаютъ въ ошибки по отношенію къ воспитанію дѣтей. Слѣдствіемъ этого является непослушаніе дѣтей, съ которымъ нужно бороться не ради нашего спокойствія, а ради того, чтобы научить дѣтей подчинять свои дѣйствія указаніямъ разума. Въ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ дѣлать уступокъ крикамъ и слезамъ ребенка. чтобы не посѣять въ немъ мысли, что онъ можетъ такими пріемами настоять на своемъ.

Мысль ребенка, что онъ можетъ вступать со взрослыми въ борьбу, очень затрудняетъ воспитаніе. Лучше требовать немногаго, но эти требованія ставить непоколебимо.

Упорное неповиновеніе ребенка можетъ иной разъ требовать наказанія со стороны воспитателя. Наказанія бываютъ очень различны. Ребенокъ обижаетъ сверстниковъ, за это нѣкоторые отдѣляютъ его отъ нихъ на время, а иные лишаютъ его какого нибудь удовольствія. Въ первомъ случаѣ между непріятнымъ чувствомъ, вызываемымъ наказаніемъ, и проступкомъ есть нѣкоторая связь, во второмъ случаѣ связи никакой нѣтъ: наказаніе здѣсь придумано воспитателемъ. Наказанія, вытекающія болѣе или менѣе изъ проступковъ, называются **естественными**, наказанія же, не имѣющія связи съ проступкомъ, называются **искусственными**. При естественномъ наказаніи ребенокъ связываетъ непріятное чувство отъ него съ проступкомъ, отчего припоминаніе проступка по ассоціаціи смежности соединяется съ непріятнымъ чувствомъ; при искусственномъ же наказаніи непріятное чувство отъ него связывается не съ проступкомъ, а съ личностью воспитателя. При естественномъ наказаніи легче можетъ возникнуть у ребенка непріятное чувство по отношенію къ проступку, чѣмъ при искусственномъ наказаніи, гдѣ непріятное чувство всецѣло относится къ воспитателю. Нравственнаго воздѣйствія въ смыслѣ отвращенія отъ проступка можно скорѣе ожидать при естественныхъ наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого педагоги предпочитаютъ естественныя наказанія искусственнымъ.

Однако, естественныя наказанія иной разъ непримѣнимы въ практикѣ. Ребенокъ съ упорствомъ небрежно относится къ платью своему и испортилъ его; строго естественнымъ наказаніемъ за это будетъ оставить его въ томъ же платьѣ. Но если онъ не цѣнитъ аккуратности въ платьѣ, такъ это наказаніе только под-

держитъ въ немъ неряшливостъ и будетъ очень слабымъ для него. Руссо говорилъ, что если ребенокъ разобьетъ стекло въ окнѣ, то лучшимъ наказаніемъ будетъ оставить его въ той же комнатѣ, чтобы онъ испыталъ непріятное ощущеніе отъ разбитаго окна. Такое естественное наказаніе можетъ оказаться слишкомъ строгимъ въ дурную погоду. Такимъ образомъ естественныя наказанія иной разъ непримѣнимы или по своей слабости или по своей строгости. Но они непримѣнимы бываютъ часто и по жизненнымъ условіямъ. Ребенокъ дурно велъ себя во время прогулки; естественнымъ наказаніемъ было бы его не брать съ собой на другой день, но это не всегда возможно, такъ какъ шаловливый ребенокъ можетъ вслѣдствіе этого остаться безъ присмотра. Такимъ образомъ, приходится прибѣгать въ дѣлѣ воспитанія и къ искусственнымъ наказаніямъ. Вообще же, если воспитатели умѣютъ поддержать въ домѣ и школѣ порядокъ и хорошее поведеніе, прибѣгая только въ рѣдкихъ случаяхъ къ наказаніямъ, то это больше даетъ надежды на нравственное воздѣйствіе воспитателей, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда воспитатели поддерживаютъ порядокъ главнымъ образомъ страхомъ предъ наказаніемъ.

Подобно наказаніямъ, и награды могутъ быть прямыми слѣдствіями хорошихъ поступковъ, а могутъ и не имѣть тѣсной связи съ поступкомъ, т. е. могутъ быть естественными и искусственными [1]).

Для обсужденія. 1) Анализируйте всѣ наказанія, которымъ подвергался Николенька въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ Л. Толстого.

2) Найдите въ жизни взрослыхъ людей наказанія и награды естественнаго и искусственнаго характера.

---

[1]) 1) Нѣсколько интересныхъ страницъ о наказаніяхъ въ „Основаніяхъ педагогики“ Мальцева, 2) О наказаніяхъ и наградахъ (естественныя слѣдствія) говоритъ Спенсеръ въ „Воспитаніи умственномъ, нравственномъ и физическомъ“, 3) Фесенко: „Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи“ Энц. сем. восп., вып. 5, ц. 25 к.

ХАРАКТЕРЪ.

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ ХАРАКТЕРА. Выше мы видѣли, что согласіе между убѣжденіями и принципами дѣятельности съ одной стороны и самымъ дѣйствіемъ съ другой называется силой воли или характеромъ. Человѣкъ, лишенный силы воли, называется безхарактернымъ. Но подъ словомъ характеръ подразумѣвается и нѣчто другое; а именно: **совокупность всѣхъ тѣхъ психическихъ чертъ, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другого;** въ общежитіи же и въ нѣкоторыхъ научныхъ сочиненіяхъ подъ характеромъ часто понимается лишь сумма чертъ изъ области чувствъ и воли, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другого. Исторія и поэзія показываютъ, насколько отъ характера человѣка зависятъ его собственное счастье и счастье его окружающихъ, и насколько вообще велико значеніе характера въ человѣкѣ для его окружающихъ. Поэтому и слѣдуетъ вдуматъся въ различные виды характеровъ.

Современный англійскій психологъ Бэнъ признаетъ главнымъ образомъ три типа характеровъ: 1) гдѣ преобладаетъ работа ума, это характеръ интеллектуальный (Дядюшка въ „Обыкновенной исторіи“), 2) гдѣ преобладаютъ чувства, это характеръ эмоціональный (Наташа въ „Войнѣ и Мирѣ“, Шубинъ) и наконецъ 3) гдѣ преобладаетъ воля,—активный характеръ (Штольцъ, Инсаревъ). Мы видимъ также, что люди часто отличаются не преобладаніемъ той или другой душевной дѣятельности, а напротивъ, недостаткомъ той или другой душевной дѣятельности. Такъ Пульхерія Ивановна у Гоголя проявляла особенный недостатокъ въ умствен-

номъ развитіи, мало чувствъ проявляетъ Чичиковъ и мало воли—Онѣгинъ, Обломовъ. Въ русской художественной литературѣ особенно много типовъ, у которыхъ проявляется мало воли. Въ виду того, что между изображеніемъ жизни у лучшихъ художниковъ и самою жизнью существуетъ тѣсная связь, необходимо русскому воспитателю обратить серьезное вниманіе на развитіе у дѣтей волевой дѣятельности [1]).

Конечно, не легко бываетъ подвести каждый характеръ подъ одинъ изъ вышеуказанныхъ типовъ, тѣмъ не менѣе пониманіе соотношеній душевныхъ дѣятельностей въ характерѣ человѣка часто объясняетъ многіе его поступки.

Отъ понятія характеръ слѣдуетъ строго отличать понятіе **темпераментъ**. Этимъ словомъ обозначаются физическія условія въ организмѣ человѣка, въ силу которыхъ онъ съ большею или меньшею живостью и глубиной воспринимаетъ переживаемыя впечатлѣнія. Съ древнихъ временъ различали четыре темперамента. 1) Человѣкъ, какъ Петръ Великій, живо все воспринимаетъ, и всѣ его впечатлѣнія глубоки, онъ нелегко ихъ забываетъ; такой темпераментъ называется **холерическимъ**. Этотъ темпераментъ свойственъ серьезнымъ и вмѣстѣ отзывчивымъ дѣятелямъ. 2) Напротивъ, бываютъ люди, которые съ большимъ трудомъ поддаются впечатлѣніямъ и затѣмъ ихъ легко забываютъ, они отличаются какой то безжизненностью; это темпераменты **флегматическіе**. Здоровымъ дѣтямъ такой темпераментъ совсѣмъ несвойственъ. Чаще встрѣчаются средніе темпераменты. 3) Человѣкъ съ **сангвиническимъ** темпераментомъ очень легко на все откликается, но легко и забываетъ впечатлѣнія. Такой темпераментъ свойственъ юношѣ, изъ національностей,—какъ утвер-

---

[1]) Шольцъ: „Ненормальности дѣтскихъ характеровъ", ц. 1 р. 50 к., 229 стр.

ждаютъ нѣкоторые,—французу. 4) Наконецъ, четвертый темпераментъ **меланхолическій**. Человѣкъ съ этимъ темпераментомъ нелегко поддается впечатлѣнію, но поддавшись ему, надолго остается подъ его вліяніемъ. Хотя въ послѣднее время было сдѣлано нѣсколько предложеній видоизмѣнить ученіе о темпераментахъ, однако, изложенное выше подраздѣленіе темпераментовъ по Гиппократу († 356 до Р. Х.) сохраняетъ нѣкоторое значеніе и до настоящаго времени [1].

Происхожденіе характеровъ. Въ виду важности для счастья человѣка и окружающаго его общества имѣть хорошій характеръ, слѣдуетъ знать условія его образованія.

1) Нашъ характеръ во многомъ зависитъ отъ наслѣдственной передачи намъ отъ родителей и предковъ не только свойствъ организма, но и многихъ душевныхъ свойствъ. Это видно даже въ мірѣ животномъ: цыплята, искусственно выведенные изъ яицъ, пугаются при видѣ сокола и не боятся голубя.

2) Вторымъ условіемъ образованія характера является среда окружающихъ насъ людей. Всѣ люди очень подражательны, и чѣмъ меньше въ насъ развитіе анализирующаго интеллекта, тѣмъ сильнѣе эта подражательность. Поэтому у дѣтей она очень велика. Вліяніе среды на человѣка объясняется не только подражаніемъ ей, но и самая среда своими вопросами, обращенными къ человѣку, и требованіями отъ него, наталкиваетъ его на тѣ или другіе интересы и занятія, которые вліяютъ на его характеръ. Всякія видоизмѣненія въ средѣ вліяютъ на ребенка. Такъ, если воспитатели одной и той же семьи будутъ тѣ же самыя лица для двухъ, напр., дѣтей, различающихся только годомъ въ своемъ возрастѣ, всетаки вліяніе среды уже не одно и то же: обыкновенно, на

---

[1] 1) Виреніусъ: „Характеристика ребенка". Энц. сем. восп., вып. 52, ц. 30 к; 2) Виреніусъ: „Характеристика учащагося", стр. 121, ц. 50 к.

образованіе характера меньшаго вліяетъ его подражательность старшему, а на образованіе характера послѣдняго вліяетъ его забота о младшемъ и покровительственное къ нему отношеніе.

3) Третьимъ условіемъ образованія нашего характера является чтеніе и вообще наша работа. Одно чтеніе волнуетъ человѣка, другое его успокаиваетъ; одно заставляетъ глубже вдумываться и глубже чувствовать, другое чтеніе, поверхностное, очень быстрое, пріучаетъ скользить по всѣмъ впечатлѣніямъ жизни. Также различно вліяетъ на человѣка его трудъ, посильный, непосильный, любимый, принудительный и т. д. Всѣ мелочи жизни оставляютъ слѣдъ въ нашей душѣ, т. е. ее видоизмѣняютъ [1]).

Для обсужденія. 1) Поищите среди героевъ исторіи или произведеній поэзіи, даже среди вашихъ знакомыхъ различные типы характеровъ, различные темпераменты.

2) На поэтическихъ произведеніяхъ и на обзорѣ вашей собственной жизни покажите, какъ на видъ несерьезныя обстоятельства вліяютъ на образованіе характера.

---

[1]) 1) О наслѣдственности въ трудѣ проф. Жоли: „Психологія великихъ людей“, стр. 26—62 ц. 60 к. О вліяніи среды—тамъ же, стр. 64—102; 2) „О дѣтской подражательности“—Каптерева въ Энц. сем. воспитанія, вып. 6, 30 к.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Основныя положенія дидактики.

ОСНОВНЫЯ ПРАВИЛА. Еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія выдающійся русскій педагогъ Ушинскій выражалъ пламенное желаніе, чтобы въ каждой семьѣ мать сама подготавливала ребенка къ школѣ [1]). Но чтобы любящая ребенка мать или старшая сестра не дали ему дурныхъ привычекъ въ занятіяхъ, не сдѣлали бы его лѣнивымъ, не подорвали бы здоровья и не подавили нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ его душевнаго строя, имъ нужно серьезно вдуматься въ дѣло обученія.

Первые шаги къ своему образованію ребенокъ дѣлаетъ самъ еще задолго до времени подготовки къ школѣ. Онъ постоянно разсматриваетъ окружающіе предметы, заглядываетъ во внутренность игрушки и задаетъ вопросы окружающимъ. Послѣдніе могутъ сильно содѣйствовать развитію ума и наблюдательности ребенка, заинтересовывая его фактами изъ окружающей обстановки. Однако, этимъ они рискуютъ дать уже слишкомъ большой толчекъ развитію ума, что потребуетъ много физическихъ силъ въ ущербъ всему организму и даже общему духовному развитію ребенка. Роль родителей въ возрастѣ дѣтей до семи лѣтъ должна ограничиваться главнымъ образомъ лишь отвѣтами на ихъ вопросы, безъ наталкиванія на новые вопросы, и предоставленіемъ поприща для наблюденія природы, напр., въ саду, но притомъ по собственному

[1]) Ушанскій: „Руководство къ преподаванію по „Родн. Слову“, стр. 1.

почину дѣтей. Посильный, но вмѣстѣ съ тѣмъ бдительный уходъ за растеніемъ или животными, требуя отъ ребенка и физической и духовной работы, очень полезенъ для него, такъ какъ развиваетъ наблюдательность, мышленіе, любовь къ природѣ и полезныя умѣнія. Поэтому примѣръ родителей въ этой области, безъ искусственнаго возбужденія ребенка, принесетъ послѣднему большую пользу. Ребенокъ самъ, въ силу своей подражательности, восприметъ столько, сколько ему по силамъ.

Что касается времени, съ котораго начинать систематическую подготовку къ школѣ, то къ этому вопросу нужно отнестись съ особенной серьезностью. По научнымъ изслѣдованіямъ, голова ребенка только около семи лѣтъ пріостанавливается въ своемъ ростѣ, вѣсъ самаго мозга особенно сильно увеличивается въ первыя шесть лѣтъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ первыя шесть—семь лѣтъ жизни ребенка его мозгъ только еще формируется. Поэтому можно начинать учить ребенка около семи лѣтъ, если его общее развитіе, физическое и духовное, не вселяетъ опасенія, что мозгъ его, это орудіе мысли, еще недостаточно сформировалось для систематической работы. Въ этомъ отношеніи нужно быть особенно осторожнымъ съ дѣтьми, среди родственниковъ которыхъ было нѣсколько случаевъ нервныхъ или душевныхъ растройствъ.

Продолжительность первыхъ уроковъ не должна превышать получаса. Удлинять эти уроки можно только въ томъ случаѣ, если вполнѣ ясно, что это не утомляетъ ребенка. Заниматься же съ нѣсколько утомленнымъ ребенкомъ, что проявляется, когда онъ къ концу урока становится вялымъ, невнимательнымъ, поддается зѣвотѣ, это значитъ, во первыхъ, разслаблять организмъ, во вторыхъ, мало оставлять слѣдовъ отъ этого урока, и въ третьихъ, пріучать ребенка вообще быть мало внимательнымъ и вялымъ въ занятіяхъ.

Въ главѣ о дѣятельности ума мы уже видѣли, что обученіе имѣетъ двѣ цѣли: матеріальную, т. е. дать полезныя знанія, и формальную—развить душевную дѣятельность учащагося, дать ему орудія для пріобрѣтенія знаній, для пользованія ими и для активнаго упражненія своихъ душевныхъ силъ. При формированіи душевной дѣятельности ребенка педагогъ долженъ обращать вниманіе на самодѣятельность ребенка. Если мы доходимъ до какой нибудь мысли своими собственными силами, самолично, то такія мысли или знанія для насъ ясны; мы ихъ любимъ, здѣсь видно чувство; мы готовы прилагать ихъ всюду, гдѣ только можно, въ этомъ обнаруживается волевая дѣятельность. Подобныя мысли и знанія являются достояніемъ всего нашего существа. При достиженіи такихъ знаній, мы всесторонне упражняемъ свою духовную дѣятельность, вслѣдствіе чего она всесторонне и развивается. Сверхъ того, сознаніе, что мы достигли знаній своими собственными силами, даетъ вѣру въ эти силы, что въ немалой степени побуждаетъ къ дальнѣйшей работѣ. Вслѣдствіе этого даже первоначальный учитель-воспитатель долженъ стремиться къ тому, чтобы ученикъ воспринималъ не готовыя данныя, а гдѣ только можно, самъ до нихъ бы доходилъ. Роль учителя заключается при этомъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ обставить ученика такъ, чтобы онъ могъ безъ чрезмѣрнаго напряженія самъ дойти до нужныхъ знаній. Короче, уже съ самаго начала занятій съ дѣтьми мы должны развивать въ нихъ самодѣятельность.

Что касается постепенности въ подборѣ учебнаго матерьяла, то слѣдуетъ начинать всегда съ болѣе легкаго и потомъ переходить къ болѣе трудному и, кромѣ того, переходить къ усвоенію новаго только тогда, когда хорошо будетъ усвоено предшествующее. Если мы не

будемъ соблюдать этого требованія, то ребенокъ будетъ подавленъ трудностью обученія, онъ не будетъ вѣрить въ свои силы, не полюбитъ занятій и, раздраженный, будетъ дурно къ нимъ относиться, ему будетъ тяжело постоянно напрягать свое активное вниманіе. Съ другой стороны, изъ уроковъ мы не должны дѣлать игры, чтобы ребенокъ не сталъ къ нимъ относиться какъ къ несерьезному дѣлу. Заботясь объ интересѣ въ занятіяхъ вообще, мы не имѣемъ права опускать все скучное и трудное для ребенка, иначе не разовьется у него активнаго вниманія и умѣнія преодолѣвать трудности, безъ чего не можетъ быть у человѣка никакой силы воли [1]).

Обученіе грамотѣ.

Если вести дѣло обученія грамотѣ и родному языку въ школѣ, то необходимо держаться въ этомъ системы, указанной въ какой нибудь изъ болѣе извѣстныхъ методикъ [2]). Въ образованной же семьѣ дѣти, еще до начала обученія, сами выучиваются читать, требуя для этого указаній отъ всѣхъ окружающихъ. Тутъ нельзя установить какой либо системы обученія грамотѣ, но тѣмъ не менѣе полезно, насколько то возможно, безъ какихъ либо принужденій, давать дѣтямъ указанія, согласныя съ современными требованіями методики.

Если ребенокъ сначала учится читать, а потомъ писать, то писаніе своимъ однообразіемъ его утомляетъ, меньше активности у него въ то время, какъ

---

[1]) Коптеревъ: Дидактика семьи. Энц. сем. восп. вып. 7, ц. 30 к.

[2]) Ушинскій: Руководство къ препод. по Родн. Слову Методики: Страхова, Бунакова, Тихомирова, Солонины, Ельницкаго.

онъ учится читать, да и буквы ему труднѣе запомнить, такъ какъ въ этомъ не принимаетъ участія двигательная память. Въ виду этого въ настоящее время рекомендуется методъ письма и чтенія совмѣстно. При этомъ ребенокъ не учитъ ни названій буквъ, ни алфавита, не нужнаго ему на первыхъ порахъ, а изучаетъ самые звуки и ихъ изображенія. Изъ звуковъ сначала нужно выдвигать тѣ, которые представляютъ меньше трудностей, какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи. Особенно важно изучить сначала гласные звуки. По начертанію очень легко О; затѣмъ если мы научимъ ребенка писать и произносить звуки: А, У, то уже можно давать ребенку складывать и читать знакомыя ему междометія: уа (крикъ ребенка) и ау (окликъ въ лѣсу). Затѣмъ, написавъ слово **оса**, мы можемъ заставить ребенка опредѣлить, что въ этомъ начертаніи и произношеніи ему извѣстно, и ознакомить его съ буквою С. Слѣдующія слова нужно подбирать такъ, чтобы въ каждомъ новомъ словѣ было только по одной новой для ребенка буквѣ. Приблизительный порядокъ словъ можетъ быть такой: оса, оси, соси, она, сани, папа, мама, пиши, пили, Соня, Сеня, Миша, пища, слива и т. д.

Самъ ребенокъ, если дѣло вести живо, будетъ требовать разбора того или другого слова. Прописныя буквы, твердый и мягкій знаки сообщаются позднѣе. Ребенокъ разлагаетъ слово на звуки, напримѣръ, папа, сначала на двѣ части, затѣмъ каждую часть опять на два элемента и потомъ знакомится уже съ обоими этими элементамя (п и а). Это пріемъ аналитическій. Такой пріемъ обученія чередуется съ другимъ. Ребенку даютъ готовыя начертанія звуковъ, напримѣръ, О, Н, А, и онъ ихъ складываетъ. Это пріемъ синтетическій. Соединеніе обоихъ пріемовъ разнообразитъ дѣло и развиваетъ оба вида мышленія. Предшествуетъ **письменное** изображеніе звука и слова, а затѣмъ уже идетъ печат-

ное ихъ изображеніе. Однако, способный ребенокъ въ образованной семьѣ своимъ интересомъ къ дѣлу не позволитъ строго провести въ порядкѣ всѣ указанныя правила.

Что касается чтенія отдѣльныхъ словъ, то оно не даетъ ребенку достаточно работы для ума и скоро ему становится недостаточнымъ. Поэтому отъ чтенія словъ слѣдуетъ скорѣе переходить къ предложеніямъ и даже цѣлымъ разсказамъ, что возможно даже тогда, когда ребенокъ не знаетъ еще всей азбуки. Отдѣльныя слова, фразы или разсказы должны давать матеріалъ для бесѣды съ ребенкомъ, причемъ нужно стараться, чтобы онъ правильно выражалъ свои мысли. Если въ азбукѣ приложены картинки, то пусть ребенокъ ихъ разгадываетъ и объясняетъ. Этимъ онъ будетъ пріучаться и къ наблюдательности, и къ правильной рѣчи. Полезно, если самъ ребенокъ того хочетъ, рисовать тѣхъ животныхъ и тѣ предметы, о которыхъ читаетъ.

Въ чтеніи нужно прежде всего наблюдать правильность и осмысленность. Если ребенокъ читаетъ неправильно, значитъ, у него нѣтъ еще привычки зрѣніемъ быстро схватывать изображеніе слова. Чтобы скорѣе пріучить къ этому, не слѣдуетъ ребенка поправлять, а нужно, чтобы онъ самъ себя поправлялъ.

Осмысленность чтенія явится тогда, когда ребенокъ читаетъ правильно, не спѣша, и когда текстъ ему понятенъ. На послѣднее условіе весьма важно обращать серьезное вниманіе. Если текстъ непонятенъ, то чтеніе скучно, и первая книга станетъ нелюбимой. Между тѣмъ, чтобы занятія роднымъ языкомъ стало любимымъ занятіемъ, нужно, чтобы текстъ былъ доступенъ ребенку и интересовалъ его. Тогда у ребенка зародится много мыслей, которыя будутъ развивать его умъ, и явится умѣніе излагать свои мысли.

Когда ребенокъ будетъ въ состояніи заниматься

чистописаніемъ, что бываетъ при установленныхъ урокахъ, уже на его восьмомъ году, тогда слѣдуетъ обращать серьезное вниманіе на самый процессъ письма. Слѣдствіемъ неправильнаго устройства стола и стула часто является искривленіе позвоночнаго столба и близорукость; отъ неправильнаго держанія рукъ задерживается скоропись; величина строки и линовка тетради вліяютъ на зрѣніе. Сверхъ того, на первыхъ же урокахъ чистописанія легко пріобрѣсти дурной навыкъ въ письмѣ, что будетъ лишать и четкости и скорости. Указанія методики предупредятъ эти недостатки [1]).

Первыя занятія ариѳметикой.

Правильно развивающійся ребенокъ въ интеллигентной семьѣ, въ большинствѣ случаевъ, первыя представленія о счисленіи получаетъ безъ всякихъ уроковъ. На первыхъ урокахъ ариѳметики онъ часто уже самъ своими вопросами и успѣшными занятіями подсказываетъ матери, какъ вести обученіе дальше. Тѣмъ не менѣе важно знать, хотя бы въ общихъ чертахъ, тѣ соображенія, къ которымъ пришли спеціалисты по преподаванію математики. Цѣль преподаванія ариѳметики заключается въ томъ, чтобы научить разумно производить дѣйствія надъ числами, научить прилагать эти дѣйствія къ рѣшенію практическихъ задачъ и этимъ благотворно вліять на развитіе ума учащихся.

[1]) 1) Любой букварь, напримѣръ, Л. Толстого. 2) 1-я и 2-я части „Родного Слова“ Ушинскаго съ Руководствомъ для преподаванія. 3) Дмитріевъ: „Руководство къ обученію письму и скорописи“; здѣсь помѣщены прописи и всѣ правила относительно стола и вообще уроковъ чистописанія. Ц. 30 к.

Такъ какъ ребенку трудно думать отвлеченно, то, въ первые годы обученія вообще и ариѳметикѣ въ частности, все должно начинаться съ конкретныхъ представленій, но не останавливаться на нихъ, а переходить къ отвлеченному мышленію. Такъ, сначала говорятъ ребенку объ одной спичкѣ, двухъ, трехъ и т. д., объ одномъ кубикѣ, двухъ, трехъ, а потомъ уже говорятъ вообще объ отвлеченныхъ числахъ: одинъ, два, три и т. д. Тоже самое продѣлывается и относительно всѣхъ ариѳметическихъ дѣйствій. Сначала говорятъ о сложеніи кубиковъ, спичекъ и т. д., а потомъ уже говорятъ о сложеніи отвлеченныхъ чиселъ.

Только по мѣрѣ своего развитія, ребенокъ начинаетъ понимать большія и большія числа, и потому въ настоящее время принято дѣлить курсъ ариѳметики на три цикла. Первый охватываетъ знакомство съ первымъ десяткомъ и всѣми дѣйствіями надъ этими числами; второй—знакомство съ первой сотней и всѣми дѣйствіями надъ ней, и третій обнимаетъ все то, что касается чиселъ, превышающихъ первую сотню.

Уже при знакомствѣ съ числами перваго десятка и дѣйствіями надъ ними, очень важно, чтобы ребенокъ усвоилъ себѣ пониманіе слѣдующихъ ариѳметическихъ терминовъ: прибавить, увеличить одно число на другое, отнять, уменьшить одно число на другое, узнать, на сколько единицъ одно число больше или меньше другого, взять число нѣсколько разъ, увеличить число въ нѣсколько разъ, раздѣлить число на равныя части, уменьшить въ нѣсколько разъ, узнать, сколько разъ одно число содержится въ другомъ, узнать, во сколько разъ одно число больше или меньше другого. Эти понятія слѣдуетъ сообщать дѣтямъ постепенно, не увлекаясь стремленіемъ скорѣе пройти намѣченное. Какъ въ данномъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, представляющихъ какую-либо труд-

ность, много поможетъ методика ариѳметики, которая должна быть надъ рукою у воспитательницы.

Послѣ того какъ ребенокъ вполнѣ усвоитъ себѣ первый десятокъ и на операціяхъ съ этими числами усвоитъ себѣ и дѣйствія надъ ними, можно переходить къ изученію чиселъ первой сотни. Сначала дѣтямъ даютъ понятіе о десяткахъ только и потомъ постепенно о десяткахъ, соединенныхъ съ единицами. Хорошо научившись производить сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ первой сотни и сознательно изучивъ таблицу умноженія, дѣти знакомятся съ умноженіемъ двузначнаго числа на однозначное и наоборотъ и съ дѣленіемъ двузначнаго числа на однозначное и двузначное.

Начиная уже съ перваго десятка, ребенокъ понемногу знакомится съ единицами нашихъ мѣръ, причемъ нужно въ дѣйствительности показывать дѣтямъ самыя эти мѣры, чтобы они ясно себѣ ихъ представляли и могли движеніемъ собственной руки ихъ обрисовать. Безъ этого много темнаго останется въ умѣ ребенка.

Задачи предлагаются ребенку еще при изученіи перваго десятка. Сначала онъ даетъ прямо отвѣтъ на задачу, потомъ, по мѣрѣ развитія своего, онъ учится повторять задачу, затѣмъ излагать свои дѣйствія и, наконецъ, излагать планъ задачи. Когда задача требуетъ отъ ребенка напряженія мысли, не слѣдуетъ осложнять ее большими числами. Сначала нужно давать однѣ устныя задачи, потому что на устныхъ задачахъ дѣти пріучаются дѣйствовать надъ самыми числами, а не надъ знаками.

Всѣ тѣ вычисленія, которыя можно дѣлать въ умѣ, незачѣмъ записывать. Пусть ребенокъ пріучается къ умственному счету, прилагая или вычитая сначала десятки, а потомъ уже единицы.

Записываніе своихъ вычисленій дѣти начинаютъ

еще при изученіи перваго десятка, для чего знакомятся съ употребленіемъ ариѳметическихъ знаковъ для дѣйствій, съ значеніемъ нуля и съ записываніемъ наименованій. Привычка аккуратно записывать числа много облегчаетъ рѣшеніе задачи, а запись наименованій не только показываетъ осмысленность рѣшенія, но и пріучаетъ къ такой осмысленности. Тетрадь удобнѣе съ прямыми клѣтками, но только не мелкими, чтобы не утруждать зрѣнія.

Очень важно обращать серьезное вниманіе на рѣчь учащагося, пріучая его къ точному изложенію своихъ мыслей. Это имѣетъ большое значеніе не только для ариѳметики, но и для мышленія вообще. Неточность въ словахъ очень часто спутываетъ нашу мысль. [1]).

---

[1]) 1) Шохоръ Троицкій: Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариѳметики? ц. 20 к; 2) Шишмаревой: „Методика начальной ариѳметики", ц. 40 к.; 3) Рудневъ и Мюльманъ: „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ". Рига, 1-ая часть ц. 25 к. 4) Литвинскій: „Изученіе числа и мѣры малыми дѣтьми", Энцикл. Сем. восп. вып. 26, ц. 30.

Отдѣльныя изданія того-же автора.

Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II. „Наказъ", педаг. сочиненія, комедіи и сатиры. Съ пояснительными статьями. 1896 г. Ц. 60 к.

Маріинскій Институтъ (1797—1897).

Нѣсколько фактовъ изъ жизни Спб. Училища Орд. Св. Екатерины. Ко дню его столѣтія. 1898 г.

Капризы и раздражительность дѣтей. Вып. VIII. Энц. Семейн. Воспитанія. Ц. 30 к.

Иностранные языки въ семьѣ. Вып. LIV. Энц. Сем. Восп. Ц. 40 к.

Типографія „Родникъ", Спб., Невскій, 88.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 762 541 5